

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

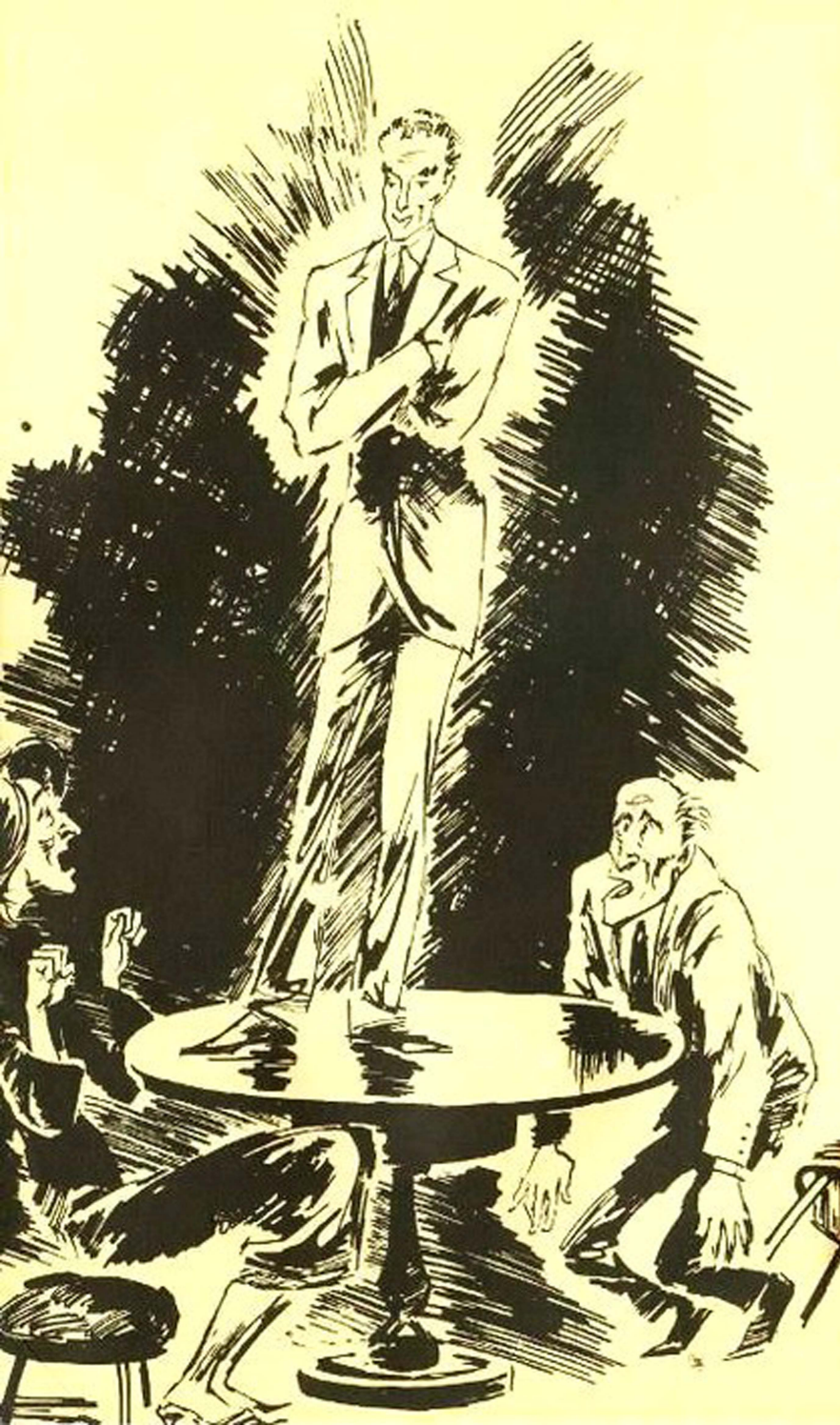
ВОКРУГ СВЕТА

Искатель

6

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1975

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ
ВОКРУГ СВЕТА

Искатель

6

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1975

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир РЫБИН — Зеленый призрак . .	2
Сергей ВЫСОЦКИЙ — Выстрел в Орельей Гриве	53
Эрик Фрэнк РАССЕЛ — И не осталось ни- кого	102

№ 90

П Я Т Н А Д Ц А Т Ы Й Г О Д И З Д А Н И Я

ЗЕЛЕНЫЙ ПРИЗРАК

Фантастический памфлет

ПРОРОК

Между старинными городами Бирштадт и Штадтбир на каменных обрывах у бурного моря с незапамятных времен стояли два божьих храма. Местные верующие видели в этом особое богорасположение. Что ж, на то и верующие, чтобы верить. Хотя если разобраться, то во всем виноваты их предки — рыбаки. В далекие времена, когда вся округа ломала одни храмы и строила другие, местные рыбаки просто ловили рыбу, в промежутках пили свое пиво, и у них не оставалось времени для религиозно-политических ссор.

Проходили мятежные и безмятежные годы. Рыбаки плодились хотя и не размножались. Ибо те, что не успевали утонуть в море, попадали в солдаты и героически умирали во славу разных королей. Менялись прихожане на черных вытертых скамьях, менялись голоса над захватанными кафедрами, и древние своды храмов безучастно усиливали звуки независимо от того, во имя добра или зла гремели благочестивые проповеди.

Древнее всегда ценнее современного. Так и древние кирпичи костелов вызывали у прихожан священный трепет. Таковы люди. им все кажется, что, если другие ценили, значит, может, и в самом деле дорого. Как будто мало примеров всеобщих заблуждений.

Но недавно с прихожанами что-то случилось. То ли они помнили, или рыбы в море поубавилось, и рыбаки стали чаще засиживаться на берегу, только их потянуло на новенькое. И с этого момента «божий оазис» раскололся пополам.

Два храма были совсем как два брата. Оба стояли у самого обрыва, оба когда-то служили маяками для моряков, жаждущих берега. И вот случай ввел еще одно похожее: в них появились отец Бриттер и отец Дриттер. Казалось бы, полный комплект. А вышел конфликт. Отец Бриттер считал, что священное писание и церковные атрибуты даны господом раз и навсегда, и тот, кто меняет их, — еретик и богохульник. Отец Дриттер был за гибкость и считал, что поскольку бог дал людям электричество, радио, модернизм и футбол, то почему церковь должна игнорировать их?

Одним словом, началась обычная борьба новаторов с консерваторами. Отец Дриттер начал с того, что радиофицировал свой храм, чтобы «до самого глухого прихожанина доходило слово божье». Разгневанный отец Бриттер в знак протеста вывернул

единственную лампочку, спрятанную под пологом кафедры и помогавшую святому отцу разбирать священные цитаты. Отец Дриттер выбросил зацелованный деревянный крест и заменил его огромным, смело стилизованным распятием из чеканной меди. Мстительный отец Бриттер выставил на всеобщее обозрение старый, засиженный голубями крест, который он откопал на церковном чердаке.

Но вот ведь что любопытно: эти два антагониста не могли и недели прожить друг без друга. Каждый находил немало поводов, чтобы навестить соседа и за душеспасительной беседой отдохнуть от нудных проповедей. Станными были эти беседы. Они начинались с тихих перепалок и кончались как-то вдруг, словно единственной целью святых отцов было взаимное прощупывание.

— До моих грешных ушей дошло, будто вы «улучшаете» слог священного писания? — опустив глаза, говорил отец Бриттер.

— Продиктованного святым духом? — иронически спрашивал отец Дриттер. — Но вы не могли не заметить, что святой дух знал по-латыни куда хуже, чем, к примеру, этот каналья Цицерон.

— Вы цитируете еретика Гольбаха, святой отец?

— Судя по вопросу, вы тоже его читали.

— Надо знать врагов церкви.

— О, святой отец, нам бы слишком легко жилось, если бы враги говорили только глупости. Не забывайте, что именно бог придумал дьявола. Разве он создал себе врага?..

Они никогда ни до чего не договаривались и расходились не то чтобы взвинченные, скорее освеженные беседой.

И в тот трагический день они, как всегда, встретились на прогулке над морским обрывом.

— С хорошей погодой! — сказал отец Дриттер.

— Бог милостив, — сказал отец Бриттер.

Они молча пошли бок о бок, как два оленя перед поединком, внимательно наблюдая друг за другом и выбирая момент для нападения.

— Говорят, с этого обрыва когда-то сбрасывали еретиков, — сказал отец Дриттер.

— Больно низко.

— Вы достойное дитя века, вы жестоки.

— Тверд, — заверил отец Бриттер. — Но разве теперь церковь тверда в защите веры?!

— Да, теперь не то, что во времена Сорбонны.

Отец Бриттер уловил иронию.

— Вы пользуетесь терминологией атеистов, — вскинулся он. — Но что вы можете противопоставить? Одна атомная бомба убила больше неповинных, чем вся святая инквизиция.

— Это потому, что у инквизиции не было атомной бомбы.

— Для утверждений нужны сравнения. А вот как «в святое старое время» — почти четыреста лет назад — некий Жан Боден предлагал бороться с ведьмами. «Нельзя придерживаться обычных правил судопроизводства, — писал он, — потому что доказательства этого зла настолько неопределенны и трудны, что из миллиона ведьм ни одна не была бы обвинена и наказа-

на, если бы соблюдался обычный юридический порядок». Что вы на это скажете, святой отец?

— Скажу, что юридический порядок и теперь не слишком соблюдается, особенно когда начинают «ловить ведьм».

Они замолчали, устав от первой схватки, сели на камни. Сосны шумели внизу тугими вершинами. За ними белела отмель. И бежали волны длинными шеренгами, выныривали из белесой морской глади и, пробежав положенные метры, таяли у невидимой сверху кромки берега.

— И четыреста лет назад так же бежали волны. Возникали и таяли. И четыреста лет спустя будут бежать. Вот оно божье величие!..

— Вы хотите сказать, что бог во всем, что выше наших понятий?

Отец Бриттер хотел было возразить, даже рот раскрыл и набрал воздуха для длинной тирады. Но так и остался с разинутым ртом. Ибо увидел такое, от чего сразу забыл все припасенные слова. В густом сумеречном небе, освещенная снизу косым солнцем, медленно плыла... летающая тарелка. Она была светло-зеленой, как дорогой фарфор. Потом тарелка начала опрокидываться и скоро превратилась в золотистый усеченный конус с темным диском наверху. Вокруг диска стоял голубоватый нимб.

— Что скажете? — шепотом спросил отец Дриттер, боясь опустить глаза.

— Скажу, что бог существует.

— А если это дьявол?

— Если есть дьявол, значит, есть и бог.

— Четыреста лет назад за эти слова вы попали бы на костер.

Но отец Бриттер ничего не ответил. Он вдруг заволновался, заерзал на камне, а потом вскочил и бегом пустился к своему старому храму, видневшемуся за лесом.

«Бедный старик, — подумал отец Дриттер. — Даже попытаться забыл...»

Он снова поднял глаза, но летающей тарелки уже не было. Вокруг, до гребенки леса, до дальней кромки моря, густо синело пустое небо...

А отец Бриттер мчался домой, не разбирая дороги и совершенно забыв о своем сане. Потом на вопросы людей, видевших его, он отвечал убежденно, что его звал бог. Но кто потом не придумывает благопристойных объяснений своим поступкам?..

Он проснулся под утро на пороге храма. Его разбудила бабуся Марта — самая приверженная прихожанка.

— Отец Бриттер! Неужели и вы стакнулись с зеленым змием? — взвизгнула она, толкая его палкой.

У бабуся Марты когда-то утонул муж, потому что в праздничном состоянии полез в море за русалками. С тех пор она ненавидела пиво, море и женщин.

Голова отца Бриттера трещала, будто он вчера побывал на свадьбе. Но бабуся Марта ждала ответа, и божьему слуге пришлось быстро соображать, ибо он понимал, что от его первых слов зависело многое. Эта тихая бабушка обладала уникальной врожденно-приобретенной способностью разносить новости с фантастической скоростью. Как это ей удавалось, никто не знал, это была научная загадка. И вот теперь этот природный уникум

Рисунки Г. СУНДАРЕВА

стоял рядом, нетерпеливо поводя ушами, словно локаторами.
— О сестра Марта! — нашелся отец Бриттер. — Если бы вы знали, какое удивительное видение мне было...

Бабусины уши вздрогнули и замерли.

— Вчера вечером мы с отцом Дриттером мирно гуляли по

берегу моря и беседовали о боге. И вдруг мне был голос свыше: «Иди и увидишь!» Я побежал и на ступенях храма увидел человека, принявшего мой облик. На нем были яркие одежды, а на плечи спадали чудные зеленые волосы, свежие, как молодые листочки тополя или первая весенняя травка на лугах. «Слушай, отец Бриттер, — сказал он, — слушай и ничего не забудь, ибо я послан к тебе тем, кого ты любишь...»

— Ну-ка, ну-ка, — заволновалась бабуся Марта, и ноги у нее мелко задрожали.

— «Ты должен завтра же проклясть атомное оружие и впредь неустанно повторять это, пока люди не проникнутся...» Бог вспомнил о нас и снова посылает к нам своего сына. Но он хочет, чтобы мы прежде уничтожили атомное оружие — этот подарок дьявола. Если и теперь люди ослушаются, то придет конец света!..

Отец Бриттер сам не заметил, как взошел на ступеньки и принял позу проповедника, так что чуткие уши бабуся оказались где-то на уровне его живота.

— Еще посланец бога сказал, что он отметит меня своим святым перстом, чтобы люди верили мне...

Тут утренний луч пробился сквозь листву и упал на ступени. И глаза бабуся Марты вдруг стали большими и круглыми, как иллюминаторы.

— Святая Мадонна! — прохрипела она. — Да вы зеленый!

Отец Бриттер оглянулся, чтобы посмотреть в стеклянную дверь, и сразу понял, что никакой это не сон, что видение действительно было и что его теперешние слова — голос свыше. Он повернулся к бабусе, чтобы сказать что-нибудь напутственное, но той уже не было. Лежала на дорожке ее клюка, а сама бабуся исчезла, будто и не существовала. Отец Бриттер перекрестился и пошел готовиться к проповеди.

Первые любопытные, оповещенные бабусей Мартой, пришли уже через пять минут. А через полчаса древние стены ломились под напором толпы. Такого божий храм не видел за всю свою историю.

В этот день отец Бриттер превзошел и себя самого, и всех других проповедников. Слышавшие его искали сравнений в книжных образах, вспоминая первых протестантов. Даже то, что отец Бриттер был не рыжий, как Лютер, не мешало новому пророку. Многие считали это даже хорошим признаком, ибо рыжие не раз выходили из моды.

На другой день толпа еще прибавилась. В старый храм потянулась молодежь, падкая до новенького. Как осы на варенье, налетели любопытные из обоих городов — Бирштадта и Штадт-бира. Нагрянули журналисты.

Но говорить с утра до вечера с пафосом трудно даже кандидату в президенты, не то что святому отцу. И скоро в храме появились неизменные спутники любого современного зазывалы — магнитофоны, динамики, даже телевизионные экраны. Отец Бриттер говорил не новое, но всем понятное — об угрозе атомных кошмаров, о необходимости раз и навсегда покончить с этим. И гром динамиков над старым храмом был для людей как гром небесный после долгого томительного ожидания грозы.

И вдруг все смолкло. Исчезли динамики, исчез и сам отец Бриттер. По законам, существующим в той стране, он был арестован «за гуманистическую пропаганду». И только магнитофонные ленты с речами пророка некоторое время еще ходили на черном рынке вместе с наркотиками и порнографическими открытками.

ВТОРОЙ ПРОРОК

Люди думают, что они могут все: захотел — поел, захотел — проголодался. Какое заблуждение! Даже это простое делается не по желанию. Люди обычно или всегда сыты, или всегда голодны. Первые едят не потому, что хотят. Вторые всегда хотят, но не всегда едят. Что уж говорить о других желаниях. Люди боялись смерти и изобрели атомную бомбу. «С нами бог», — говорили даже те, кто служит дьяволу.

Люди не узнали первого пророка. Что ж, не впервой. Первых никогда не узнают. Потому что их слишком много. Действительно, первыми становятся не единственные, а те, за которыми есть и вторые и сотые.

Вторым был Сегундо. В тот день он вместе со своей болтушкой Барбарой забрался подальше в кусты, в шалашик, где милым всегда был рай.

Вечером, когда солнце катилось к дальним холмам, Сегундо лежал в шалаше, скептически рассматривая силуэты своих стоптанных башмаков. И вдруг там, за своими башмаками, увидел самого себя. Он даже не удивился вначале: ведь нередко бывает, что не только во сне, но и наяву мы видим себя будто со стороны. Одного не понял Сегундо: почему он видит себя не таким, как есть, а совершенно зеленым. «Чего не привидится!» — философски рассудил он, вспомнив о бутылке, которая была уже наполовину пуста. Удивляться он начал потом, когда услышал возглас Барбары:

— Пюпик, какой ты зеленый!

Сегундо видел, как она кинулась к тому типу на шею, но странно проскочила мимо и ткнулась носом в кусты. Тогда он решил, что для полбутылки это слишком, и поднялся.

— А ну катись!

Пришелец стоял неподвижно, словно памятник забытому генералу на городской площади.

— Земля прошла уже четверть орбиты, — сказал он голосом Сегундо. — Вы совсем не беспокоитесь о своей судьбе...

— Чего он мелет? — спросил Сегундо, взглянув на Барбару.

— Теперь я могу назвать срок. Вы, все люди Земли, будете облагодетельствованы или погибнете через пятьсот восемьдесят восемь ваших суток. Я приду и скажу, чтобы вы могли выбирать. А пока готовьтесь...

— Ты еще угрожаешь! Мне?!

Наклонив голову, Сегундо кинулся на обидчика и... запутался в кустах. И что больше всего потом удивляло, тотчас заснул.

Проснулся он в шалаше, куда затащила его верная Барбара. Волосы на голове Сегундо стали зелеными, как глаза ящерицы коао.

— Что это было? — спросил Сегундо, прикладываясь к холод-

ной бутылке. Голова его трещала, как после двухнедельного карнавала.

— Ты разговаривал не то с ангелом, не то с чертом или с кем-то еще в этом роде.

— Приснилось, наверное? — умоляюще спросил Сегундо.

— А мне тоже приснилось? Видишь это? И посмотри на себя. Сегундо потрогал зеленую прядь на голове Барбары, потом посмотрелся в ее зеркальце и тяжело вздохнул:

— Уж лучше бы ангел.

— А мы так и скажем. Кто его видел, ангела?

— Проболтаешься.

— Я?! — искренне изумилась Барбара.

— А что он молот? С чего это мы загнемся?

— Не одни мы, а все. Будет конец света.

— Ни за что не поверю. Мы еще можем, но чтобы дон Фернандо отдал концы!.. Он построит такое бомбоубежище, что весь пол будет из новых монет, стены из первых красок, а вместо наката положит три ряда лучших докторов. Сам черт до него не доберется, не то что бог.

— Нам от этого не легче.

— Ты-то выкрутишься. Фернандо тебе уже строил глазки.

Сегундо вновь достал бутылку, приложился и облизал толстые края горлышка, напоминавшие губы Барбары.

— Но этот зеленый говорил, что скажет, как спастись.

— Мы и без него знаем, как спастись, да не получается...

Через три дня местная газетенка напечатала заметку: «Как Сегундо с помощью водки Филиппо увидел бога». Парни смеялись, уверяя, что с Барбарой они и без водки увидели бы создателя.

Неожиданно газету поддержал местный кюре. Он авторитетно заявил, что наконец-то господь вспомнил о своих заблудших детях, явил свой лик самому грешному и сотворил чудо, превратив его волосы в такие, каких нет ни у кого из смертных. И снова, как бывало много раз в прошлом, над притихшей паствой прогремело грозное предупреждение близкого конца света.

И потянулись паломники к дырявой хижине Сегундо. Одни, чтобы помолиться, другие поглазеть, третьи, чтобы поинтересоваться, о чем говорят все остальные. Сегундо вовремя сообразил и решил до поры не торговать своими сувенирными волосами. Расторопные люди начали было сколачивать торговую фирму, стремясь монополизировать выгодное дело. Но фирма прогорела в самом начале, ибо Сегундо неожиданно был арестован: полиция усмотрела в лесной встрече связь с партизанами. Второй «зеленый пророк» исчез в тайниках министерства общественного спасения.

На том бы дело и кончилось. Но Барбаре очень не понравился такой оборот. Она не без оснований рассчитывала кое-что иметь от неожиданной святости своего милого. В знак протеста Барбара выкрасилась в зеленый цвет и начала проповедовать вместо Сегундо.

Чудо есть чудо. Нет человека, который не клюнул бы на его изменчивое мерцание. Редакторы это поняли, и скоро портреты Барбары запестрели на газетных страницах. «До конца света —

два года», «Новый Христос на кресте закона!» — кричали заговорщики.

Где-то в складках своего платья Барбара отыскивала зеленый волос Сегундо и сумела пристроить его: передала крупнейшему химику дону Рикардо Фьерро. Тот произвел анализы и установил, что волос окрашен неизвестным науке способом. Сведения об этом попали в печать, и «зеленая тема», как окрестили ее газетчики, стала самой популярной. Зеленые рекламы замелькали над барами и витринами, зеленые лампочки зажглись на распятиях. Женщины, что в способности подражать уступают только детям и обезьянам, стали массами перекрашиваться, и серые улицы начали конкурировать в зелени с городскими бульварами. Калейдоскоп ее величества моды ярко вспыхнул зеленым.

Вспыхнул и погас. Утомленная публика жаждала нового. И лишь где-то в лаборатории дона Рикардо Фьерро кого-то еще продолжала волновать неразрешенная загадка.

Но мало ли загадок замуровано в стенах научных учреждений?!

ТРЕТИЙ ПРОРОК

Неизвестное племя мбулу-нгулу вышло из джунглей и потребовало уничтожения ядерного оружия. Вопрос был не новым, и дипломаты, как обычно, не обратили на него внимания. Шум подняли журналисты. Они поставили вопрос так: откуда мбулунгулянам известны нужды человечества, если человечество ничего не знает о мбулунгулянах? «Тут какой-то секрет», — решили журналисты и помчались на тихий океанский берег, где раскинуло свои хижины таинственное племя.

Король Мбулу-Нгулу, по убеждению его соплеменников, был самым великим человеком на земле. Они ничего не слышали ни о Цезаре, ни о царе Соломоне, ни о фараоне Хеопсе. Но если бы и узнали, то это едва ли поколебало бы их уверенность. Мбулунгуляне могли бы сказать, что их король совсем как Цезарь умеет делать сразу многое: пить веселящую паку, ласкать сорок седьмую свою жену, мечтать о сорок восьмой и одновременно думать о судьбах мира. Он совсем как Соломон, сказали бы подданные короля, только тот был мудр советами своих многочисленных жен, а этот тем, что никогда с ними не советовался. Что касается Хеопса, то тут даже говорить не о чем. Жалкий фараон за всю свою жизнь не додумался переименовать Египет в какую-нибудь Хеопсиду, а Мбулу-Нгулу сделал это со своим народом еще когда был коронованным дитем. Хеопс строил пирамиду, чтобы поселиться в ней после смерти, Мбулу-Нгулу построил дворец, чтобы жить в нем.

Дворец этот и поныне вызывает трепет и восхищение у всех мбулу-нгуловских архитекторов. Он стоит в непроходимом лесу, опираясь одним углом на могучий баобаб, а другим на широколистный фикус. В нем целых восемь комнат с такими высокими потолками, что до них не мог дотянуться даже начальник личной охраны короля Амбра-Бамбра, самый длинный в племени.

Великий Мбулу-Нгулу лично разработал систему охраны дворца. На замаскированных тропах в страшной тайне было установ-

лено сорок четыре самострела. Правда, от самострелов обычно страдали соплеменники. Но все они, как уверял Амбра-Бамбра, с радостью умирали за своего короля. Самую глазную тропу охраняло новейшее секретное оружие, наводившее ужас на все джунгли. Оно изрыгало огонь и гром и, словно болотным туманом, затягивало лес едким дымом. Оружие это, с таинственным названием «самопал», досталось нынешнему королю в наследство от отца — богоподобного Нгулу-Мбулу.

В этот-то дворец, миновав самострелы, и пришел сам великий Бонда — дух огня и воды, лесов и гор. Под страшным табу король рассказал о видении своей сорок восьмой жене. Именно поэтому миру и стало известно о третьем посещении Земли Зеленым призраком.

Случилось это вскоре после сезона дождей, когда счастливое человечество готовилось в двадцатый раз отпраздновать нача-

по эпохи Мбулу-Нгулу, в эру его сорок восьмой любимой жены, в период, предшествующий четвертому выходу короля к народу.

Мбулу-Нгулу в полном одиночестве поглощал на верхней площадке дворца свой второй завтрак. Видеть, как он ест, не полагалось никому. Кроме обезьян. Но ведь они не люди, с них не просто потребовать выполнения страшного табу.

Утомленный завтраком, король вздремнул, а когда открыл глаза, то увидел рядом с собой человека.

— Побереги дровишки, — сказал человек, видя, что король схватился за оружие. — Я не нарушитель табу, я дух и пришел к тебе, своему брату, по важному делу.

Бонда (это был, несомненно, он, ибо так подумал король) трижды подпрыгнул и стал расти. Руки у него вытянулись, как ветви у баобаба, ноги стали как корни, а с головы свесились зеленые волосы, яркие, как листва джунглей, пронизанная солнцем.

— Ты великий из великих? — спросил он громовым голосом.

— Смеешь сомневаться? — бесстрашно крикнул Мбулу-Нгулу.

— Властелин народа народов? Тот самый, который может обещать по восемь раз в день, чего не в силах никто другой на земле?

— Могу и девять.

— Повелеваю тебе в ближайшее время уничтожить атомное оружие. Если ты этого не сделаешь, то погибнут люди и звери, рыбы и птицы, деревья и даже травы. И жены твои умрут, и солдаты тоже. И некому будет нежить и охранять божественного Мбулу-Нгулу...

И он исчез, будто и не был. Только вихрь прошел по вершинам.

Король поднялся с пола, потер онемевшие колени и, отдышавшись, крикнул жену, чтобы она убрала еду. Сорок восьмая жена, молодая и красивая, вошла, пошевеливая бедрами. Но застряла в дверях, будто ее стукнули по лбу, и вдруг закричала громко и визгливо, как сотня испуганных обезьян. На крик прибежали жены и воины из личной охраны. Они тоже закричали и плюхнулись на животы. И вдруг все пропали, уползли, не поднимаясь и не поворачиваясь. Мбулу-Нгулу подивился таким способностям своих подданных. Он и сам умел когда-то ползать вперед, лежа на животе. Но, чтобы назад, этого он еще не делал.

Потом жены рассказывали, что их испугали его волосы цвета молодых банановых листьев. Но и сам король испугался не меньше, узнав о своем чудесном превращении. После паки он видывал всякое. Но тут пришлось поверить, что его действительно навестил сам великий Бонда. А стало быть, и его требование об уничтожении атомного оружия надо было выполнять.

Через три дня состоялся праздник уничтожения. В полной тишине под сухой стук барабанов воины пронесли сквозь толпу большие носилки, накрытые драгоценным плащом, сшитым из перьев маленьких попугайчиков. Носилки поставили в центре поляны на высокие подмостки, и вокруг них начал прыгать главный колдун племени. Когда он устал и упал на землю,

плащ на носилках откинулся, и из-под него поднялся сам Мбулу-Нгулу. Его желтые руки тянулись к небу, его красное лицо было как восходящее солнце. А волосы, необычные, зеленые волосы, стоявшие дыбом от священного трепета и клейких снадобий, напоминали утренние лучи. Крик восхищения и ужаса пронесся над толпой. И все упали, не смея поднять глаз.

«...О великая магия власти! Она освобождает сердце от страха и вливает в него смелость пантеры. Она делает бесцеремонным каждый жест, наполняет мудростью каждое слово. Недостатки властителя превращает в достоинства, ошибки — в величайшее благо. Ты можешь взять чужую жену, и все будут рады, можешь убить друга, и все сочтут — поделом. Власть заменяет таланты, поднимает до величайших гениев мира. Ни лучшая пака, ни самые способные женщины не могут доставить такого блаженства, как власть. Жаль, что поэты не воспевают ее. Наверно, потому, что никто из них не знает, что это такое. И подлом этим бездельникам, не способным взять за горло даже последнего нищего. Сами они ничего не умеют и другим только мешают...»

Когда мысли Мбулу-Нгулу добрались до этого патетического места, он заговорил гневно, как и подобает богоподобным:

— Ко мне, великому Мбулу-Нгулу, приходил еще более великий Бонда и повелел уничтожить атомное оружие. Выполним его волю.

С этими словами король выхватил из носилок дедовский самопал и швырнул его оземь.

Долго мбулунгуляне топтали и били старое ружье. Старики еще помнили рассказы других, давно умерших, стариков об унижениях, которые пришли в джунгли вместе с такими вот грохочущими трубами, и теперь мстили ружью за свой вековой страх. А когда солнце утонуло в тучах над лесом, они собрали железки и кинули их в самую глубокую пещеру.

На другой день Мбулу-Нгулу покинул дворец и во главе своего племени отправился выполнять спасительную волю Бонды. Выступили в полном соответствии с тактикой и стратегией: в центре на носилках король, окруженный женами и воинами, вокруг все остальные. По пути они хватали и убивали всякого, чье оружие чем-либо отличалось от обычного лука...

* * *

По-видимому, первым до мбулунгулян добрался все-таки репортер. Иначе откуда бы в ноздрах у короля оказалась современная авторучка, а в ушах его сорок девятой жены — превосходные клипсы, сделанные из солнцезащитных очков. Она была большая модница — эта сорок девятая.

Штангель, специальный корреспондент популярной газеты «Без прикрас», увидев столь оригинальные украшения, насторожился и переложил поближе стреляющую авторучку. (Она каким-то образом уцелела после первого знакомства с мбулунгулянами.) Всякие формы приветствий знал Штангель. Дома его приятели обычно шевелили пальцами у виска и говорили нечто среднее между «ха» и «алло». Приходилось ему здоро-

ваться за руку, целоваться, хлопать знакомого пониже спины, прижавшись к нему животом, обнюхиваться, тереться носами, даже, кажется, бодаться. Чего только не повидал он в странствиях по свету. А здесь вместо приветствия его раздели и оставили в чем мать родила. Все племя сбегалось поглазеть на него. Но, странное дело, их интересовало вовсе не то, что обычно бросается в глаза у голого человека, а густая рыжая шевелюра на груди. В горячей научной дискуссии, развернувшейся возле Штангеля, по-видимому, обсуждался один вопрос: не произошел ли человек от обезьяны.

Надо полагать, сторонники обезьяней теории победили, потому что Штангель был признан существом неопасным и ему даже вернули часть одежды.

Потом его принял король. И хотя он ни слова не понял, все же набросал сенсационное интервью. Большой опыт позволял ему расшифровывать любые намеки.

— Откуда вы узнали о существовании атомного оружия? — спрашивал Штангель.

— Воу стре Бонда, — отвечал Мбулу-Нгулу.

И он записывал, что некая банда проникла в джунгли и строит военный объект.

— Примете ли вы бескорыстную помощь ваших друзей?

— Кара Бонда тара бух, — говорил Мбулу-Нгулу.

И опять было все ясно: мирные дикари ждут не дождутся, чтобы их взяли под защиту сильные друзья.

Одно только озадачивало Штангеля: каким образом «зеленая мода», поразившая однажды целый континент, проникла сюда, на неведомый берег? Ведь король был окрашен так, что позавидовали бы самые ревнивые сторонники той моды...

Однажды в хижину Штангеля пришел начальник личной охраны короля всесильный Амбра-Бамбра и привел двух красоток. На мягком ковре из пальмовых листьев они пили экзотическую паку, закусывали языками попугаев. Красотки приносили охапки мягких лепестков и вытворяли такое, за что первые цивилизованные гобсеки отдали бы свои последние кошельки.

Ночью Штангель проснулся оттого, что озябли ноги. Холод был под коленями и поднимался все выше.

— Есть кто-нибудь! — крикнул он.

Пришел Амбра-Бамбра и остановился между пальмами. Светился океан за его спиной, и сияющее по краям облако, словно шапка, сидело на голове Амбры-Бамбры.

— Что, брат, плохо? — спросил он так ясно и чисто, будто век жил в цивилизованной стране. — Ты выпил слишком много паки, настоящей на сонной траве. Когда проснешься, я буду далеко. Вместе со своим племенем, разумеется.

— О черт! — воскликнул Штангель. — И здесь агенты иностранной разведки!

Потрясенный открытием, он впервые в жизни искренне пожалел обреченных туземцев.

Но туземцам новая жизнь не угрожала. Амбре-Бамбре просто надоело работать на других, и он решил позаботиться о себе сам. Этой ночью он отправил Мбулу-Нгулу в далекий путь искать своего Бонду и стал преемником короля. Что ж, его

можно понять: взамен призрачных благ на чужбине он получал сорок девять совершенно реальных молодых и красивых жен, которые к тому же умели работать как сорок девять домработниц...

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРОРОК

Следует отдать должное долготерпению Зеленого призрака. Другой на его месте давно бы уж плюнул и предоставил людям доживать до катастрофы в блаженном сознании незыблемости мира. А он пришел снова. Четвертым избранником оказался человек, которого даже сослуживцы, обычно не терпящие рядом с собой ничего выдающегося, называли «гениальным чудаком». Очень удобную формулу придумали сослуживцы. С одной стороны, признание, с другой — снисходительность, дающая право на бесцеремонность.

И с ним не церемонились. Сотрудники института разных проблем, где работал Грюндик, каждое утро толпой собирались возле его стола с недоразгаданными кроссвордами. Грюндик отвечал на самые заковыристые вопросы и походя выдавал такие идеи, что коллеги, знающие в этом толк, в изумлении кидались к столам записывать темы своих будущих научных работ. Вокруг ходило немало магистров, попавших в этот почетный клан благодаря необычным способностям Грюндика. А сам он оставался простым сотрудником. Ему все казалось, что он не сделал для науки ничего выдающегося и не достоин называться ученым.

Многих это устраивало. Но только не жену. Если уж говорить откровенно, то она и вышла-то за него лишь из-за перспективы стать профессоршей. И теперь ей было стыдно перед подругами за свой просчет.

В тот роковой день Грюндик сидел в кресле-качалке на балконе своего дома и наслаждался. Так он называл минуты свободных раздумий, те самые, во время которых иные люди умирают от скуки. Грюндик думал, уставившись в пустое небо. Покачивались крыши домов, деревья помахивали вершинами, бледное пятно луны колыхалось в синем вечернем небе.

Грюндик думал. Кто знает, о чем? Но несомненно, мир был у него на ладони со всеми конфликтами, конференциями, ракетами, зажигалками, консервами, кроссвордами, зубочистками, с большими открытиями и мелкими капризами, с высоким небом и низкими потолками... Кто знает, может, именно в тот момент спираль его мысли вонзалась в самое заветное слово, на спасительную миссию которого вот уже сколько веков надеется простодушное человечество. Может, уже на другой день все мы были бы благодетельствованы открытием, которого смутно и безотчетно ждем. Если бы Грюндик не задремал.

Когда он проснулся, то в другой качалке увидел... самого себя. Он не удивился, ибо привык смотреть на себя как бы со стороны. А в следующий миг уже не удивлялся, потому что все понял. Такова уж была у Грюндика способность.

Собственно, каждый из людей немножко гений. Если попытаться записать все зигзаги любой кратковременной мысли с ее сумбурными, наивными, противоречивыми и железнологически-

ми связями, то пришлось бы писать часами. А минутная мысль Грюндика могла составить целую монографию.

Он заметил, что перед ним не зеркальное отражение, ибо бородавка с волосиками — предмет постоянных злых шуток жены — у двойника тоже была на правой щеке. Эта-то бородавка и выдавала пришельца, ибо, подумал Грюндик, если он так педантично копирует образ, то, стало быть, не может отличить главного от второстепенного. Но, с другой стороны, если он умеет так быстро и точно перевоплощаться, то почему бы ему не воспроизводить и мысли, в том числе и эти, о главном и второстепенном?

Грюндик насторожился и стал думать не столь целеустремленно, чтобы не выдать себя. Тут ему бросилось в глаза, что плотно качалки не провалилось, как обычно, до самого пола и что Зеленый сидит довольно прямо. И Грюндик понял, что перед ним не фокусник и не шутник, готовый на розыгрыш, а дух, луч, галлюцинация и вообще все, что угодно, но не материальное существо. Это было настолько любопытно, что Грюндик не выдержал и спросил:

— С кем имею честь?

— Дело не в имени, — сказал Зеленый. И эти четыре слова были для Грюндика таким потоком информации, что он молчал целых две секунды. Он заметил, что Зеленый говорит, не открывая рта. Стало быть, он умеет воздействовать непосредственно на слуховые центры мозга. А это уже новое в науке землян. «Землян?» — Грюндик поймал себя на слове и подивился, как это он так сразу сделал вывод о неземном происхождении «призрака»?

Словно подтверждая эту мысль, Зеленый сказал:

— Наконец-то я получаю удовольствие от общения с людьми.

— Не могли бы вы рассеять мои недоумения? — спросил Грюндик, сообразив, что в этой ситуации лучше всего играть в открытую.

— У вас нет недоумений. Вы все понимаете правильно.

— Я понимаю гипотетически. А гипотез у нас и без моих предостаточно.

— К сожалению, я могу сообщить немного. Итак, по порядку...

— Порядок? — вскинулся Грюндик, вспомнив, что жена, мстя мужу за невозможность иметь прислугу, строго-настрого наказала ему навести в доме порядок.

Он схватил помойное ведро и выскочил к мусоропроводу.

— Каждая секунда нашего общения стоит очень дорого, — сказал «призрак», когда Грюндик вернулся.

— Вы говорите, а я тут кое-что поделаю.

И он начал переставлять вещи. Зачем-то вылил воду из вазы с цветами, сдвинул стулья, дважды задев головой люстру, вытащил пылесос, но, испугавшись, что, включив его, ничего не услышит, оставил посреди комнаты.

Но не будем слишком строги к нему. Многие ли осмеляются не любить своих жен? Что удивительного, если недовольный взгляд жены стал для Грюндика страшнее земле-

трясения. А тут еще этот фантастический пришелец. В такой ситуации не то что мелкий научный клерк, кто угодно потееет голоду...

— Мы, цваги, посланцы могущественной цивилизации, прилетели с далекой планеты, чтобы освободить вас от забот. Мы уже теперь можем дать вам то, чего вы сами достигнете лишь через века. Но с нашим приходом на Земле взорвутся все расщепляющиеся материалы. Это может погубить вас. Чтобы спастись, вы должны уничтожить атомные бомбы, растворить уран и рассеять его...

— Уран есть и на атомных электростанциях, — решил взорвать Грюндик.

— Они вам не понадобятся. Мы освободим вас от энергетических забот.

— Но что я могу? Надо обращаться к старшим...

— Старые люди часто озабочены личным бессмертием. Это опасно.

— Я говорю не о старых, о тех, кто в силах решать такие вопросы.

— Нам трудно ориентироваться в ваших взаимоотношениях, — сказал «призрак». — Мы настраивались на наиболее выдающиеся точки, беседовали с самым самоуверенным из людей, который во время сеанса связи оказывался в луче, потом с самым мужественным, самым гордым, наконец, с Вами, самым умным...

Грюндик опустил голову и пожалел, что нет жены, — вот бы она послушала!

— Вам надо на ту сторону планеты, там скорей поймут, — сказал он. И тут же покачал головой. — Хотя нет, надо убедить именно этих, за теми дело не станет...

— Сообщите всем. Мы не можем убеждать каждого. Как договоритесь, вызовите нас на связь...

За всю жизнь лишь второй раз горели в мозгу Грюндика такие фейерверки мысли. Впервые это случилось, когда Диночка призналась ему в любви. Она говорила, что влюбилась сразу, как увидела. Он рисовал себе эту картину мгновенной Диночкиной страсти, не подозревая, что она простодушно заменила словом «увидела» слово «услышала» (о его великих способностях). Она говорила, что жить без него не желает, и он представлял себе ее умирающую в слезах, хотя Диночка все понимала весьма конкретно.

Но если Диночке он мог не поверить, если бы захотел, то теперь он хотел не верить — и не мог. Слишком все было наглядно и убедительно.

«Они, эти неизвестные существа, несомненно, не хотят зла людям. Иначе зачем бы четвертый раз тратили свою неведомую энергию на то, чтобы предупредить, что с их приходом взорвутся все ядерные боеголовки: в самолетах и подводных лодках, на кораблях, в ракетах, изготовленных к старту, в подземных хранилищах?..»

Вот о чем думал Грюндик, слушая своего двойника. Было отчего забыть о пылесосе.

«А вдруг они хотят обезоружить нас нашими же руками?» — мелькнула мысль. Он даже растерялся, когда она

мелькнула, так не свойствен был ему скептицизм. И начал было размышлять: откуда он? Поразмышляй Грюндик хоть чуточку, понял бы, что общение с Диночкой для него не проходит бесследно. Но он отбросил эту «неглавную» мысль и повернулся к балконным дверям с готовым вопросом. Но в кресле, где только что сидел его двойник с зеленой шевелюрой, теперь покачивался совсем незнакомый человек с дежурной улыбкой и подвижными руками, в которых он вертел маленький репортерский магнитофон.

— Вы... кто? — изумился Грюндик.

— Петер-Метер к вашим услугам, репортер известной газеты «О'кэй».

— Как вы тут оказались?

— Дверь незаперта, а вы были так заняты.

— И давно... вы тут?..

— Нет, но этого зеленого черта успел разглядеть.

— Значит, все правда?! Вы понимаете?!

— Понимаю. Дело у меня было другое, но это поважней. — Он постучал пальцем по магнитофону. — Поэтому не будем откладывать. Перескажите все, о чем вы тут говорили.

— Может, потом? — заколебался Грюндик, глубоко зевая.

— Я не верю в «потом». Прошу вас.

И он поднял магнитофон и нажал на белый клавиш записи. Начав воодушевленно, Грюндик говорил все тише и, наконец, умолк совсем, уснул. Оставив записку, что еще зайдет, Петер-Метер сунул магнитофон в карман и помчался в редакцию, чтобы успеть со своей сенсацией к вечернему выпуску.

А Грюндик спал, и губы его вздрагивали в мечтательной и загадочной улыбке...

— Эт-то что за фокусы?!

Голос был слишком знакомым, чтобы не проснуться. Диночка пинала стулья и сыпала искры негодования. Грюндик молчал, как всегда. Железная логика его мысли рождала убеждение, что всякая семья держится на чем-то терпении и снисходительности. С давних пор в нем занозой сидела вера, что если все время делать человеку добро, то он рано или поздно подберет...

— Мало, что эта бездарь не может стать магистром, так теперь он еще и перекарасился.

Грюндик бросился к зеркалу, запустил пальцы в свои зеленые волосы и, восторженный, повернулся к жене.

— Знаешь ли ты, что у человечества начинается новая история?

— Начни сперва уборку, — парировала жена.

— Я сейчас разговаривал с человеком... нет, с духом... Одним словом, я обменивался информацией с неземным существом...

— Убери пылесос! — крикнула жена, запнувшись о шланг.

— Представляешь? Они хотят общаться с нами, обещают разрешить все наши земные проблемы, а требуют только одного — уничтожения атомного оружия...

— Слушай, ми-лый, — сказала жена с выражением. — До чего ты мне надоел. Сделай милость, уйди куда-нибудь. Только совсем.

По привычке он кинулся выполнять приказание. «Она меня назвала «милым», — ликовало его любящее сердце. — Наконец-то она становится доброй!»

Но на лестничной клетке, когда защелкнулся замок, до него дошел смысл ее слов. И ему стало очень плохо. И он упал, ударился умной головой о тупой край железобетонной лестницы.

Петер-Метер в тот вечер так и не узнал о печальной судьбе Грюндика. Он сидел в кабаке «Последняя надежда» и вспоминал, как редактор, отобрав магнитофон, грозно кричал на него:

— Что ты принес?! Не морочь мне голову этими цвагами с их дурацкими требованиями. Такое могут хотеть только те, с другой стороны. Мне нужны репортеры, которые знают, что мне нужно. Ясно?...

Петеру все было ясно. Он хлопнул дверью так, что статуэточке-секретарше стало дурно, и напрямик направился в этот кабак.

— Погодите, — говорил он, обращаясь к пепельнице. — Вы еще вспомните Петера-Метера. Не такой дурак Петер-Метер, чтобы отдать самое главное. Самое главное вот оно где (он постучал себя по лбу). Никто не знает, что надо подержать Луну за уши. Альфа, бета, три валета! Попробуй, угадай. Только я могу спасти человечество. Вот они где, эти людишки!

Тут Петер сжал кулак и так треснул по столу, что его миглом вытолкали на улицу.

На улице полыхали рекламы, обещающая красивую жизнь. Тусклым фонариком светила загнанная на крышу Луна. По тротуарам бродили грустные женщины, искали опечаленных мужчин.

В эту ночь «спасителя человечества» спасла от простуды маленькая Мелена.

КОМПАНИЯ ПОЛУЗЕЛЕННЫХ

Случилась очень банальная история, хотя от этого она не стала менее грустной. Петера поразили неодносторонние способности маленькой Мелены, ее мягкая умная речь и серые выразительные глаза. Мелену тронуло, что мужчина, и вдруг заметил цвет ее глаз.

Это могло многое значить.

И это многое значило.

Мелена уснула, так и не решив загадки, встревожившей ее. Петер не мог спать. Он лежал на спине, разглядывал молочные полосы рассвета на потолке и размышлял о человеческих странностях. Он чувствовал, как его измученное одиночеством сердце неотвратимо прирастало к ней. Говорят же, что люди — это не цельные существа, а всего лишь половинки, обреченные искать друг друга. Они мечутся, словно частицы в броуновской суетне, сталкиваются, примеряются друг к другу. Но иногда, редко, как крупный выигрыш в лотерее, сталкиваются именно те. По инерции привычек они стремятся оттолкнуться, но у них ничего не получается.

И они замирают удивленные: «Скажи, пожалуйста, оказывается, крупные выигрыши существуют!..»

Вот так и Петер боролся со своим внезапным восторгом.

«Но ты подобрал ее на улице», — твердил ему житейский опыт, разжиревший от предрассудков.

«А она тебя где подобрала?» — возражала его радость.

«Она торговала собой!»

«Господи, а что делаешь ты? Разве торговать совестью менее предосудительно?»

«Но человек не свободен от мнений света!»

В ответ на этот довод внутреннего голоса Петер повернулся на бок и обнял свою обретенную половину. «Что ж, — думал он, засыпая, — мы не так уж и далеки; моя профессия, говорят, не менее древняя. Да мало ли еще таких «древних» профессий! Пусть в меня кинет камень тот, кто ни грана собой не заработал!..»

Солнце, этот вечный спутник всех счастливых историй, уже давно ломилось сквозь плотные гардины, когда новое духовное единство Петер — Мелена извоило проснуться.

— Ай! — сказала Мелена, прикрываясь одеялом. — Отвернись же!

Он рассмеялся. Ему вспомнилась старая как мир история, когда женщина по имени Ева, щеголявшая перед Адамом в чем бог создал, после того как съела яблоко, стала стесняться мужчин.

Это многое могло значить.

И это многое значило.

Начинался день, чистый, как экран перед киносеансом, начинался новый век, уверенный и смелый.

Полдня они сидели друг против друга, тихо смеялись, пьянея от каждого слова и взгляда. Это был тот случай, когда только мешали счастью его суррогаты в пучеглазых бутылках и когда для того, чтобы закружилась голова, достаточно было чашки кофе, протянутой на маленькой ладошке.

День казался вечностью, вечность казалась одним днем.

И когда они совсем уверовали, что обрели рай, у дверей послышались бесцеремонный гогот и стук. Петер пошел открывать, сразу поняв, зачем апостолу Петру был нужен большой ключ.

В комнату ввалились двое: разбитной мужчина в моднейшем полупальто и яркая особа с многообещающим взглядом больших глаз на смуглом лице мулатки.

— Петер-Метер? — спросил мужчина. — Трудно же вас найти.

А дальше произошло ни на что не похожее: он и его спутница сдернули шапочки и склонили головы, показав свои затылки.

«Хоть я и в раю, но еще не святой, чтобы мне кланялись», — весело подумал Петер. И тут заметил на затылке у женщины ярко-зеленую прядь.

— Вы поняли? — спросил мужчина и протянул руку. — Штангель, журналист, а это Барбара, вроде моей домохозяйки.

— Петер-Метер. А это Мелена, вроде моей жены.

Штангель взглянул на Мелену с улыбкой и любопытством,

Барбара — с высокомерной брезгливостью. Она презирала «уличных», считая их слишком прямолинейными, как, впрочем, и «порядочных», считая их лицемерками.

— Насколько я знаю, полужелтых на Земле только три человека — вы двое да еще один святой отец, которого Барбара не захотела приглашать в компанию, — сказал Штангель. — Надежда на желтых не оправдалась, и спасти мир должны полужелтые. Я с трудом нашел Барбару на Всемирном конкурсе обольстительниц. Но и вас найти было не легко. Однако теперь мы вместе и должны объединиться.

Петер пожал плечами. Мелена мило улыбнулась и поглядела на Петера.

— Итак, коллеги, — торжественно продолжал Штангель, — объявляю: Компания полужелтых спасителей человечества создана, сокращенно — Композел. Торжественный момент — семь минут двенадцатого, четвертого июня. Когда-нибудь эти цифры будут золотом выбиты на пьедесталах. Жанна д'Арк, — при этом он указал на Барбару, — и ее рыцари встанут в рост на всех площадях...

— Их руки побелеют от птичьего помета, и бронзовые головы позеленеют от дождя. И тогда они будут удивительно похожи на самих себя, — сказал Петер.

Этот день они просидели допоздна, обдумывая будущее. Беседа текла тихо и плавно, как река по равнине, и Мелене не раз приходилось бегать в соседний магазин за источниками для этой реки. И к ночи раздобывший от приятельских объятий Петер рассказал друзьям секрет «Альфы и Беты», о котором рассказал ему Грюндик уже после того, как в магнитофоне кончилась пленка.

— Надо подергать Луну за уши: Альфа — левый край видимого диска Луны, Бета — правый. Если направить на них две параболические антенны и на любой ультракороткой волне подавать по три сдвоенных сигнала, то можно достучаться до желтых и выйти с ними на связь.

— Что же ты молчал! — вскричал Штангель. — Мы потеряли целых полдня.

— У нас все равно нет параболических антенн.

— На этот источник, — он похрустел банкнотами, — любая антенна настроится.

Они устремились к окну, распахнули гардины. На крыше соседнего дома, примостившись между трубами, словно кошка, дремала полная Луна. И вся Компания полужелтых в полном составе замерла завороченная. Барбара жестко вцепилась в Штангеля, Мелена уперлась кулачками, прижатыми к груди, в спину Петера, горячо и щекотно дышала ему в шею. Так они и стояли, с любопытством и тревогой рассматривая Луну, пока светлый диск ее не спрятался за трубу.

— Значит, так, — сказал Штангель. — Вы сидите тут, не отлучаясь. Думаю, что вам это будет нетрудно. А мы отправимся искать антенны.

— Но, может, сначала подумаем, что скажем цвагам?

— Скажем, что люди не такие умники, как они там думают. Скажем: пусть поищут какого-нибудь более действенного сред-

ства для устрашения или все равно для чего. Бог был не дурак, когда являлся на Землю. Он понимал: людям нужно чудо. Вот пусть они и сотворят чудо. Только не слишком непонятное...

* * *

Штангель позвонил на другой день, сказал, что договорился в одной лаборатории, что времени в обрез и что надо торопиться.

В дверях лаборатории, куда Петер и Мелена прибыли с опозданием, их едва не сбила с ног обезумевшая Барбара. Ухватившись за Петера мертвой хваткой, она начала что-то часто и сбивчиво рассказывать. Петер только и разобрал три слова: «зеленоголовый», «полужеленоголовый», «безголовый». Потом она втолкнула его в лабораторию, и Петер увидел такое, от чего впору обезуметь не только впечатлительной Барбаре. У большого мерцающего пульта сидел Штангель, точнее, не он, а лишь его тело. На том месте, где у большинства людей находится голова, у Штангеля был зеленый люминесцирующий

туман. Два проводника с двух сторон втыкались в этот туман и таяли в нем.

— Не так надо было! — крикнул Петер. — Выключите антенны!

Но прежде, чем успели это сделать, из глубины тумана послышался странный чмокающий звук, напоминающий полуобморочный поцелуй, и Петер увидел голову Штангеля в наушниках, сидящую там, где ей и полагается, но только задом наперед.

Штангель с перевернутой головой встал со стула, хлопал себя точно так, как хлопают по животу чревоугодники после обильного обеда, и сказал удовлетворенно:

— Ну вот, теперь всё на месте...

Он не успел продолжить свою оригинальную мысль, ибо голова его снова превратилась в туман. Потом еще раз послышался глубокий поцелуй, и все увидели Штангеля живым и невредимым. Только теперь у него были совершенно зеленые волосы.

— 3-зачем человек-ку 3-затылок? — спросил он, заикаясь. — В д-другой раз п-попрошу у них два лица. Чтобы вперед и н-назад, к-как у Януса...

Он вдруг умолк, словно наскочил на стену, оглядел всех невидящим взглядом и упал в обморок.

«АЛЬФА, БЕТА, ТРИ ВАЛЕТА...»

Компания полужеленых распалась в тот же день. Первой взбунтовалась Барбара. Заявив, что, поскольку Штангель теперь полностью зеленый, да к тому же еще и заикается, она предложила Петеру заключить новый союз, в который входили бы только он и она. Предложение не было принято, и Барбара ушла, вконец обиженная вероломством союзников.

— Вы еще обо мне услышите! — крикнула Барбара перед тем, как хлопнуть дверью. — Я сама займусь этими лунатиками. Они от меня не уйдут, если там есть хоть один мужчина!..

Штангеля после эксперимента словно подменили. Он на все махнул рукой и даже Петеру не стал ничего рассказывать.

— Решишься повторить опыт, сам все узнаешь.

В глубине души Штангель надеялся, что никто не последует его примеру, ибо по себе знал, какая малоприятная перспектива оказаться совсем без головы.

Но он не знал великих возможностей, открывающихся перед людьми, нашедшими свою половину.

Вся предыдущая жизнь теперь казалась Петеру кувырканьем клочка газеты на ветру. Он и сам не мог объяснить себе, что с ним такое произошло, но чувствовал: стоит на ногах, как никогда. То ли это была ее способность, то ли его особенность, но он не замечал Мелену, как не замечал самого себя. Она жила не рядом, а словно в нем самом. Странное фантастическое единство, о каких он даже не слыхивал.

«Что такое любовь? — рассуждал Петер. — Это когда где-то поблизости бродит равнодушный. Ревность? Когда есть опасность обмана. Все понимается от противоположного. Разве бы мы знали что-нибудь о дне, если бы всегда был день и не суще-

ствовало ночи. Отсутствие противоположности — первый признак смерти... Почему же я люблю Мелену? Ведь она никакая не противоположность, она — это я?..»

Так или иначе рассуждал Петер, но мысли его всегда возвращались к одному и тому же. Поэтому он и не удивился вовсе, когда Мелена однажды сообщила ему, что все сама устроила и что следующей ночью они смогут повторить опыт.

— Где ты взяла денег?

— Их не понадобилось. Я просто рассказала ученым, чего мы хотим. Все наслышаны о Зеленом призраке и сами готовы сунуть головы в наушники.

— Ну нет, — сказал Петер. — Голову я совать не буду...

На подготовку эксперимента понадобилось несколько дней. Много времени ушло на подыскание емкости, о которой также говорил Грюндик. К сожалению, он ничего не сказал о том, какой она должна быть. Ученые посоветовали металлическую. Трудно сказать, чем они руководствовались: своим глубокомыслием или тем, что во дворе с давних времен ржавел старый котел, неизвестно когда и зачем сюда привезенный и изрядно всем надоевший. На всякий случай решили положить внутрь резиновый коврик, а в отверстие вставить стекло для наблюдений.

Петер торопился. Ему казалось, что какая-нибудь непредвиденность сорвет опыт. Вдруг да нагрянет ответственное начальство? Тогда пиши пропало: решат, что надо брать на себя ответственность, и замучают согласованиями. Кто захочет с таким трудом добытое конкретное служебное место поставить на карту в игре за абстрактную судьбу человечества?

— Не беспокойтесь, — успокаивал его белобородый старичок с молодо сияющими очками и девичьей фамилией Вонани. — Если бы ученые не умели рисковать, они до сих пор согласовывали бы колесо и закон Архимеда...

Поздней ночью серый от бессонницы Петер собственноручно закрепил на баке проводники, идущие к антеннам, последний раз взглянул на ущербную Луну и полез в люк. Уже оттуда изнутри он помахал рукой профессору Вонани, сгоравшему от любопытства и жажды самопожертвования, похлопал по щеке Мелену, сказав ей на прощание какую-то пошлость, не то «о'кэй!», не то «ауфвидерзейн!».

— Не волнуйся, — сказала Мелена. — Я буду здесь.

И удивительно: он перестал волноваться. Сел на стул и в ожидании необычного уставился в светлый кружочек иллюминатора. Вдруг ему показалось, что свет в иллюминаторе стал слабеть. Петер вскочил, чтобы взглянуть, не случилось ли чего, но почувствовал, что будто оторвался от пола и летит куда-то. «Невесомость», — подумал он и втянул голову, боясь удариться головой о стенку бака. Но ни обо что не ударился, а все летел и летел в темноте, не зная ни верха, ни низа.

Потом вдруг стало светлеть, и он увидел ночное небо, усыпанное блестками звезд.

— Повернитесь! — услышал свой собственный голос.

Петер оглянулся через плечо и задохнулся от удивления. Перед ним было нагорье с острыми пиками скал, похожее на эстамп. Белые полосы света лежали на камнях. Черные тени

перечеркивали их. А над всем этим висело плоское черное небо, усыпанное неподвижными звездами, как бархатный шлейф театральной королевы. Сияло ослепительное белое солнце. Над близким горизонтом поднимался темный диск, окруженный голубым ореолом.

«Да ведь это я на Луне!» — мысленно воскликнул Петер.

— Совершенно верно, — сказал кто-то рядом.

— Кто вы? — спросил Петер и не услышал своего голоса.

— Мы цваги, — ответили ему. — Вы нас не можете увидеть. Но это и не нужно. Говорите...

«Хорошенькое дело, — подумал Петер. — Что можно говорить в таких условиях, когда я едва в состоянии спрашивать?»

— Спрашивайте.

И Петер понял, что говорить с цвагами совсем не обязательно: они сами читают мысли.

«Как я тут оказался?» — подумал он.

— Основы беспространственности вам не понягь. Земная цивилизация еще далека от этого.

— Если я на Луне, то как обхожусь без скафандра?

— Вы по-прежнему на Земле. Здесь ваша копия.

«Этого мне только и недоставало», — подумал Петер.

— Вы хотите прервать сеанс? — тотчас откликнулся таинственный голос.

— Нет, нет! — испугался Петер. Он подумал, что эти цваги, должно быть, начисто лишены юмора. И почувствовал себя не пай-мальчиком, глядящим в рот учителю, а забиякой, у которого всегда припасена очередная проделка.

— Вы думаете нелогично, — сказал голос.

Петер растерялся. Тут, оказывается, надо знать, что говорить. Он сосредоточился и спросил:

— Изложите ваши условия?

— Через сорок восемь земных суток мы войдем в атмосферу Земли. В тот миг взорвутся запасы расщепляющихся материалов, независимо от того, где они находятся: в океанских глубинах, под землей или в космосе. Реакция, понять которую вы не в состоянии, неизбежна. Нам это не повредит, но ваша цивилизация будет уничтожена. Мы предлагаем выход: расставьте расщепляющиеся материалы. Тогда взрыва не будет, мы высадимся на Земле и дадим вам все, что вы захотите.

— Заманчиво, — сказал Петер. — Но на Земле слишком много было посулов будущего блаженства в обмен на лишения в настоящем.

— У вас нет другого выхода.

— Может, и так, но кто в это поверит?

— Вы должны объяснить.

— Э-э, — сказал Петер. — У нас не слишком верят даже президентским речам....

И вдруг его осенило:

— А вы не могли бы дать какое-нибудь знамение?

— Что это такое?

— Ну чудо. Чтобы удивить всех.

— Разве зеленоволосые не чудо? У вас ни у кого не было зеленых волос.

— Их никто не принимает всерьез.

— Мы можем заставить замолчать все радиостанции вашего мира.

— Это слишком непонятно.

— А разве чудо должно быть понятным?

— В какой-то мере. Чтобы люди ничего не поняли и в то же время, чтобы поняли, что это чудо.

— Вы предлагаете нам опуститься до ваших примитивных понятий?

— Что делать? Иначе мы не найдем общего языка. Ведь вы сами говорите, что нам не понять ваш уровень знаний.

— Опустить не менее трудно, чем подняться...

Голос осекся. Так бывает, когда выдергиваешь штепсель репродуктора. Петер минуту напрягал слух, потом снова стал оглядываться. Все те же черно-белые скалы лежали перед ним, все то же солнце начищенной бляхой сверкало над головой. По-прежнему стояло над горизонтом неподвижное полукружие голубой земной атмосферы. И была мертвая могильная тишина.

«Красив лунный мир, но уж больно неподвижен, — подумал Петер. — С нашими привычками к земному непостоянству он может быстро наскучить».

— Земная цивилизация недалеко ушла за четыреста лет, — снова услышал Петер. — Тогда мы последний раз посетили Землю. И тоже слышали просьбы о чуде. Мы показывали фейерверки из комет, устраивали гром среди ясного неба. И ничего не помогло. Люди, с которыми мы выходили на связь, все погибли на кострах. Ваши жрецы обвинили их в том, что они с нашей помощью научились быстро передвигаться, понимать чужие языки... Вы сомневаетесь? Посмотрите ваши земные архивы и убедитесь. Это называлось «бороться с дьяволом».

— А, тогда то была инквизиция, — догадался Петер. — Что вы сравниваете? Тогда все искали веры, а теперь никто ни во что не верит.

— Не вижу разницы. Изменились формы предрассудков, но они не перестали господствовать над вами.

«Может, он и прав, — подумал Петер. — Все дело в масштабе времени. Разве мы замечаем прогресс, скажем, в промежутке между десятилетием и девятилетием годами до нашей эры? Время ускоряет прогресс, и нам кажется, что в двадцатом веке сделано почти все. Но ведь и тысячи лет назад было свое ускорение, и оно лежит фундаментом нынешнего прогресса. Какими же, должно быть, медленными кажутся наши сегодняшние темпы этим существам с иных звезд?..»

— Четыреста лет назад мы едва не пренебрегли вашей цивилизацией. Теперь мы хотим поднять ее.

— С помощью ультиматума? А вам что-нибудь известно о самолюбии? Люди иногда калечат друг друга только из-за невежливых ответов. А вдруг они попытаются защищаться?

— Бессмысленно. Даже неразумные звери не сопротивляются, когда мы идем к ним, чтобы выручить из беды.

— Но надо еще представить себе эту беду.

— Что ж, вы ее сейчас увидите, — сказал голос.

И сразу исчез лунный ландшафт, и слабые зеленоватые лучи заструились из далекой точки, образовав странный пульсирующий туннель. Какая-то сила будто подтолкнула Петера, понесла,

как пылинку, по туннелю. Он понял, что падает в пропасть, и закричал беззвучно, как во сне, стараясь проснуться и не в силах сделать этого. Потом послышался грохот. Тяжкий, низкий, долгий, выворачивающий душу ужасом, неотвратимостью страшной беды...

СОН О КАТАСТРОФЕ

Петер проснулся среди ночи с непонятным тревожным чувством. По потолку елозили светлые блики: на улице гулял ветер. Мелены рядом не было.

«Куда она ушла?» — подумал Петер. Зажег свет, закурил и стал ждать. Спать не хотелось. Он протянул руку, взял со стола журнал, купленный накануне вечером, открыл наугад. Сразу увидел крупный заголовок — «Обезумевший мир» — и рисунок на всю полосу: земной шар в коросте атомных взрывов.

«Обывательская фатальность — вот ваш рок, люди, — читал Петер. — Тысячелетия рабства сделали вас пассивными. Когда-то, покрытые шкурами, вы верили в роковую неизбежность громов и молний, лесных пожаров, наводнений. Когда-то, одетые в медные панцири, воинственно гремя оружием, вы ждали вражеских нашествий, измен, эпидемий и молились, не веря в свои силы. А потом? Вооруженные до ушей, сильные, способные мигом укротить обнаглевших и озверевших, вы все же робко ждали будущего, моля лишь об одном: «Пронеси, господи!»

Сидя в уютном зале кино, вы спокойно глядели на бомбардировки, красиво снятые с воздуха, а потом шли в бар, пили пиво и лениво обсуждали ошибки любимых регбистов.

И вот пришло. Уже не лесным пожаром или локальным мором грозит вам судьба — всеобщим уничтожением. Но вы по-прежнему пассивно ждете, лицемерно повторяя в свое утешение: «Авось пронесет».

Не пронесет! Как никогда не пронесило в прошлом.

Вы говорите: килотонна в тысячу раз меньше мегатонны, и утешаете себя этой «малой» величиной. Вы научились для удобства даже сокращенному счету смертей. «Мегатруп», — спокойно говорите вы, забывая, что речь идет о миллионе убитых, сожженных, отравленных. Единица в миллионе — какой пустяк! Но этой единицей может стать каждый из вас.

Рабы случая, трусливые апологеты фатальности, знаете ли вы, что вас ждет?

Смотрите!

Я покажу вам, что значит взрыв одной «средненькой», всего лишь десятимегатонной, ядерной бомбы.

Огненный шар в тысячу раз ярче солнца выжжет глаза всем, оказавшимся на открытой местности на расстоянии 40 миль. Ослепнут пешеходы, машинисты, пилоты. А через секунды тяжелый, как стена, воздух уложит дома, искорежит самолеты и паровозы, словно сухие листья, сдует с дорог автомобили.

И вспыхнет пожар. И поднимется столб огня в милю высотой и двадцать миль диаметром. Словно мыльные пузыри лопнут

и бездымно вспыхнут нефтебаки, взорвутся подземные газохранилища, мгновенно займется все, способное гореть.

Вы, как всегда, лицемерите, утешая себя подлой формулой: «Отсидимся в убежищах».

Напрасно!

Страшный пожар высосет из воздуха весь кислород, и вы задохнетесь в своих норах. И, умирая, будете проклинать свою былую пассивность. Будете жалеть, что прежде, когда ваш голос мог что-то значить, вы сидели у телевизоров, а не шли на митинг протеста, пугались официального шавканья полицейских и заработанную бумажку отдавали бармену, а не в фонд борьбы за уничтожение атомного оружия. Вы не уцелеете в этом пожаре, разве только те из вас, кто заберется в глубокие убежища с автономным запасом кислорода. Но рано или поздно и оттуда придется выбираться в хаос радиоактивных развалин, из которого нет ни выхода, ни выезда.

А потом начнется самое страшное: белый пепел ляжет окрест, и те, кто считал себя спасенным, будут умирать в муках...

Я знаю: вас раздражают эти строки. Вы готовы отбросить их, чтобы снова окунуться в лицемерие газет, внушающих подлую надежду, что это может случиться не с вами и вам удастся только на экране видеть чужие ужасы.

Не удастся!

Потому, что таких бомб хватает на все города, городки и селения мира!..»

Петер поймал себя на том, что и ему хочется отбросить журнал, изорвать, сжечь. Срабатывал дремучий инстинкт самосохранения, принимающий вестник опасности за самую опасность. Понадобилось усилие, чтобы подавить в себе это чувство. Он встал, накинул пиджак и распахнул окно. Сумерки вползали в улицу. Небо очерчивало силуэты крыш. Там, за неровными крышами, светилось бело-желтое зарево, ясное, как заря.

«Солнце всходит на западе?» — подумал он. И похолодел от страшной догадки.

«Какое сегодня число?»

Петер кинулся к календарю, схватил со стола часы. Было три минуты седьмого. Тот самый день и час, о котором предупреждали цваги...

Он сел на кровать, растерянный и апатичный. Потом снова вспомнил о Мелене, кинулся ее искать. Небо над улицей затягивала серая хмарь, и оттуда, с высоты, сыпался мелкий снежок. Он подставил ладонь, поймал несколько снежинок: они не таяли.

Петер пробежал по соседним улицам, недоумевая, вернулся домой, включил радио. Далекие дикторы испуганно обвиняли друг друга. О цвагах никто не вспоминал: обстановка была слишком серьезной, чтобы их деликатные предупреждения принимать всерьез.

Уже через несколько дней город стал напоминать потусторонний мир. Исчез румянец с девичьих щек, серые физиономии замельтешили в витринах магазинов, в зеркалах переполненных ресторанов. Больницы выдерживали настоящие осады. Иногда штурмующие врывались в белые коридоры, устраивали самосуд

над медицинскими сестрами: по древней привычке все искали виноватых.

В моду входили большие береты. Теперь их не снимали даже за столом. На каждом углу можно было увидеть сумасшедших. Они глядели в небо и грозили ему кулаками. Образовывались странные сообщества сумасшедших. Они противопоставляли себя нормальным людям, и порой трудно было понять, кто есть кто.

— Совсем как прежде, — говорил Петер в редкие минуты, когда напитки возвращали ему юмор.

Исчезновение Мелены страшило Петера и в то же время приносило непонятную, смутную надежду, что все это только жуткий сон.

На Петера оглядывались все девушки: почему-то он, единственный в городе, сохранил нормальный цвет лица. Иногда его останавливали на улице грустные бледные женщины и, еще больше бледнея, предлагали себя. Им казалось, что здоровый мужчина может вернуть здоровье.

Никому не хотелось умирать. Но люди умирали от радиации. И наконец, наступил день, когда город затих.

Это очень страшно остаться одному. Как-то утром Петер вышел из дому с намерением никогда не возвращаться. Ветер скрипел распахнутыми дверьми, загонял в щели белую радиоактивную пыль.

Он входил в дома, смотрел фотографии счастливых семейств, бродил вдоль магазинных прилавков, заваленных никому не нужными товарами, с особым злорадством срывал вывески «Посторонним вход запрещен».

В переулке Петер набрел на полицейский участок. За оградкой, положив голову на стол, «спал» дежурный. Петер открыл сейфы, выкинул в окно на ветер розовые папки с секретными списками. В глубине участка в маленькой комнатке нашел пирамиду с автоматическими пистолетами. Поднял один, нажал на спуск и с удовольствием послушал грохот очередей. Он взял с собой автомат, набил карманы заряженными магазинами: не для самозащиты, для того, чтобы убивать тишину, когда она начнет сводить с ума.

Потом он нашел машину с полными баками, сел за руль и помчался по пустому шоссе.

Через полчаса в опавшем по-осеннему мелкоколесье он увидел ряды проволочных заграждений. Проехал в ворота мимо мертвого часового и оказался возле длинных высоких барачков.

Даже теперь в пустоте мира Петер робко оглядывался, когда срывал пломбы, — так крепко засели в нем занозы былых ограничений. В бараках оказались штабеля ящиков с бомбами, снарядами, гранатами. Безукоризненные желтые песчаные дорожки, аккуратно зарешеченные окошечки. И повсюду на равных, промеренных до сантиметра расстояниях каплями крови краснели пузатые огнетушители. Сколько надо было любви и терпения для этой аккуратности?!

Петер нашел кусок бикфордова шнура, растянул его до самого входа, поджег и помчал машину на предельной скорости. Он уже был на пустой окраине другого незнакомого города, когда позади раскололось небо. Черный дым взрыва гигантским зверем поднимался над дальними лесами.

«Вот как красиво взрывать, — думал Петер, проезжая по пустым улицам. — Люди всегда предпочитали фейерверки медленному огню. Тщеславные люди! У пусковых кнопок они казались себе богами. «Кнопочники» были кумирами, на них молились газеты, их имена баюкали радиоволны. Но от кумиров ничего не зависело. Они были такими же рабами общественных предрассудков, как и все другие. Когда понадобилось отбросить предрассудки и смело шагнуть навстречу неизвестному, чтобы понять его, они оказались бессильными. Ни «великие», ни «малые» не смогли преодолеть собственного тщеславия. «Мы умные, нам ли слушать глупых», — говорили и те и другие. И не хотели слушать друг друга. Пока не пришло время, когда уже некому стало ни говорить, ни слушать...»

Машина забуксовала, и это заставило Петера вспомнить. Впереди, заслоняя улицу от стены до стены, шевелилась темная масса. Он понял опасность, когда масса поползла на капот, превратившись в мириады обыкновенных черных тараканов. Похоже было, что в условиях убийственной радиации они фантастически размножались.

«Уцелеть, чтобы быть съеденным тараканами?» — от этой мысли похолодели ноги. Петер включил задний ход, и машина, визжа колесами на тараканьей жиже, медленно поползла по улице...

Несколько дней он гнал машину, сам не зная куда. Магистрали с односторонним движением сменялись гравийными проселками. Временами он подъезжал к центрам недавних взрывов. О них предупреждали свалки автомобилей вдоль чистых, словно подметенных, шоссе. Иногда издали Петер видел завалы бывших городов. Он далеко объезжал их, зная, что через эти гигантские многокилометровые «каменоломни» невозможно ни пройти, ни проехать.

Как-то он остановился на ночь в пустой придорожной гостинице. В ней выглядело все так, будто хозяева и жильцы только вчера покинули дом. Стойка в баре ломилась от бутылок, кровати в номерах были аккуратно застелены чистым бельем. С тяжелой головой от вин и новой тоски Петер повалился на постель и уснул глубоко и бездумно.

Утром, едва открыв глаза, он увидел возле себя двух серых людей. Протянул руку за оружием — его на месте не оказалось.

— Одевайтесь! — сухо сказали ему. И только тут Петер заметил в руках у них наручники, а на головах форменные фуражки.

— Я так и знал, — сказал Петер. — Кто кто, а полиция уцелет.

— Одевайтесь, — повторил человек в фуражке.

— Разве еще существуют законы?

— Это нас не касается.

— Я арестован за бесплатное оскорбление чужого ложа? Но у меня есть индульгенция.

Он выложил из кармана горсть золотых колец, взятых в пустом ювелирном магазине.

— Одевайтесь.

— Нет, мир все-таки перевернулся, раз полиция перестала интересоваться золотом.

Ему хотелось шутить. Несмотря ни на что, он был рад живым людям.

Петера привезли в роскошный старинный особняк. Несколько прехорошеньких, только слишком бледных горничных ухаживали за ним, стараясь угодить ему во всем. Целый консилиум врачей следил за здоровьем, ежедневно выстукивая его и унося многочисленные анализы с такими улыбками, словно это были крупные чаевые.

«Мир явно изменился, — думал Петер. — За арестантами теперь ухаживают как за президентами...»

Однажды бледнолицые доктора с особой торжественностью расселись вокруг него и объявили, что Петер феномен.

— Приятно слышать, — сказал он, не предвидя от комплиментов ничего хорошего.

Из толпы белых халатов поднялся человек, самый маленький, бледный и лысый, и произнес вдохновенную речь. Он говорил о том, что рад добровольному участию Петера-Метера в великой исторической миссии спасения человечества, что отныне долг каждого отдавать всего себя, вплоть до спинного мозга, на оздоровление людей, что человечество не забудет своих спасителей и поставит им золотые памятники на всех площадях, что наука требует жертв, и в том числе от тех, кто далек от науки...

«Нет, ничего не изменилось, — подумал Петер, содрогаясь от старичковой проповеди, — по-прежнему одни делают ошибки, другие за них расплачиваются...»

Чем дольше говорил старик, тем холоднее становилось Петеру. Он понял, что ему уготована роль подопытной свинки для спасения новых властвующих персон, умирающих от страха и белокровия. Петер уже не сомневался, что сообщество, в которое он попал, основано на лицемерии, жестокости и тирании. Иначе не могло быть в условиях массовых смертей и невообразимых лишений. Человечество начинало сначала. Оно не могло обойти закономерностей исторических дорог: власть грубой силы, восстания, мистическую демагогию, презрение к инакомыслящим, всплески глупости и гениальности, страх успокоившихся привычек перед неудержимым натиском разума...

Человечество начинало сначала. И мог ли он, человек, не протянуть руку своим братьям?

Врет этот лысый. Не будет никакой золотой памяти. Монументы снова будут восхвалять королей и президентов. Так уж устроены люди, что маленькая сегодняшняя услуга кажется им значительнонее вчерашнего спасения...

Петер закрыл глаза и вдруг потерял монотонный голосок старика и снова почувствовал, что летит в странной невесомости в какую-то бездну, куда тянутся, сходясь в точку, зеленые нити света.

И снова он увидел лунный пейзаж, сияющий диск Солнца в черной пустоте и голубой ореол вокруг восходящей Земли.

— Вот что вас ждет, — услышал Петер металлический голос и обрадовался ему. Стало хорошо, как бывает после кошмаров, из которых единственный выход — проснуться.

— Что это было? Сон?
— Вроде этого.
— Я чуть с ума не сошел.
— Вполне возможно, если учесть вашу неподготовленность. Это недавнее наше изобретение. Полная иллюзия реальности, плод логики и знаний. С помощью таких снов нам удастся предвидеть будущее.

Петер уловил в голосе нотку гордости. «Эти цваги тоже не прочь похвастать», — подумал он, несколько удивленный новой интонацией. Ему понравился этот оттенок чувства. Ведь откровенничают, только когда доверяют.

— Люди тоже умеют предвидеть будущее, обдумывая возможные ситуации.

— Ваши предвидения субъективны. Самим вам не скоро удастся преодолеть этот барьер.

— А с вашей помощью?

— Ваши мечты осуществить просто. Они примитивны.

— Хотел бы я знать, как это вам удастся?

— Пожалуйста. Сейчас вы узнаете и это тоже, — услышал Петер. И снова почувствовал, что падает в невесомость зеленых лучей, сходящихся в бесконечности.

«Черт бы их побрал! — подумал он гаснущим сознанием. — Они меня замучают снами...»

Он не мог проснуться, как бывало дома, не мог ни просить, ни кричать. Надвигался новый сон, реальный, как сама жизнь, страшный неизвестностью. Его нельзя было предотвратить. Он был неизбежен, как завтрашний день...

ОБЕЩАННЫЙ РАЙ

Петер проснулся от странной радости в сердце. Он сел на кровати, прислушался. Тишина была не мертвой, как всегда, а словно бы звенела неведомой умиротворяющей мелодией. С новой для себя нежностью Петер коснулся плеча Мелены. Она потянулась и открыла глаза.

— Что это?

— Ты тоже слышишь?

Он оделся и вышел на улицу. Видные издалика большие часы на городской башне показывали начало седьмого. В глубине длинной улицы занималась заря. Словно огоньки большого пульта электронной машины, вспыхивали окна домов. Люди толпились у подъездов, счастливо улыбались, сами не зная чему. Какой-то человек судорожно чихал, опираясь на стекло шикарной магазинной витрины. По-ночному закутанный старичок, должно быть сторож, совал ему в нос какие-то пузырьки и чуть не плакал оттого, что они не помогали.

— Не простудитесь, утро холодное, — услышал Петер и не узнал старуху соседку, еще вчера изводившую его беспричинной руганью.

Петер прошелся до угла по влажному от росы тротуару. За это время ему восемь раз предложили закурить, одиннадцать раз справились о здоровье, двадцать девять раз сказали «доброе утро».

Он возвращался домой в полной уверенности, что в мире случилось что-то очень важное и что отныне жизнь пойдет совсем иначе. В подъезде вынул из ящика вчерашнюю газету и сразу все понял: шапка на первой полосе сообщала, что последний теплоход возвратился в порт из последнего рейса в центральную часть океана. Последние десять тысяч тонн урановых растворов рассеяны на пятикилометровых глубинах. Газета давала интервью с учеными, политическими деятелями, бизнесменами, домохозяйками. «Мы выполнили условия, — писала газета. — Очередь за цвагами...»

«Ну что ж, — подумал Петер, тщетно стараясь побороть свой беспричинный восторг. — Утешать цваги умеют. Посмотрим, как они справятся с мириадами человеческими проблем: общественных и частных, крупных и мелких, тех, что были и что появятся потом...»

Мелена уже приготовила кофе и ждала Петера с мягкой мечтательной улыбкой.

«Все будет хорошо, — подумал Петер, целуя Мелену. — Люди не захотят расстаться с обретенной радостью».

Они распахнули окна в прохладу улицы и пили кофе, не зажигая света. Стекла в домах напротив разгорались отраженным золотом восхода. Снизу, с улицы, доносился гул голосов, какой бывает по большим праздникам.

Из долгого странного шока неги и доброты их вывел резкий стук в дверь. И еще до того, как они успели ответить, на пороге появился Штангель.

— Поздравляю! — крикнул он. — Ты назначен редактором! — Час от часу не легче, — сказал Петер, не слишком, впрочем, удивляясь. В это чудесное утро должно же было случиться какое-то чудо.

— Я так много рассказывал о тебе, что там, наверху, не выдержали.

— Благодарю. Хочешь кофе?

— Какой кофе! — взревел Штангель. — Ты знаешь, что творится за городом?

— А что творится за городом?

— Я не ошибся, — рассмеялся Штангель. — Ты еще не в кресле, а уже с руководящими интонациями.

— Подумаешь! Руководящих интонаций всегда было больше, чем кресел... Так что там за городом?

— Не знаю.

— Чего ж ты так возбужден?

— Именно потому, что не знаю. И никто не знает. Рассказывают, будто на окрестные холмы лег зеленый туман. И в нем что-то сверкает. И все это в полной тишине.

Они помчались на машине Штангеля, непрерывно сигналив пешеходам. Толпа текла в том же направлении, густая, торопливая, радостно возбужденная. Еще издали в просвете улиц увидели что-то сверкающее в косых лучах восходящего солнца. Зеленый туман опадал, как полотнище с высокого пьедестала, открывая сказочный город. Он был весь белый и сверкал, как единый кристалл. Широкие провалы улиц пересекали его во всех направлениях. Вспыхивали на солнце бесчисленные окна. Башни и купола непонятного назначения тянулись к утреннему

небу. Многотысячная толпа восторженно гудела вокруг, как орда, жаждающая штурма.

— Внимание, внимание! — услышал Петер и повернулся к Штангелю.

— Это ты?

Мелена засмеялась.

— Как он мог говорить женским голосом?

— Я слышал мужской.

— Да, да, и я тоже, — подтвердил полненький мужчина, стоявший рядом.

— Ах, ты вечно споришь! — Спутница полного мужчины закатила глаза. — Я ясно слышала женщину.

— Внимание, внимание! — снова повторил голос.

— Что я говорила! — сказала женщина.

— Что я говорил! — сказал мужчина.

Женщина глотнула воздуха для длинной и страстной тирады, но лишь пошевелила губами, потому что женско-мужской голос сказал такое, от чего впору перестать спорить не то что мужу и жене, а даже и политическим деятелям.

— Перед вами город, первый подарок цвагов. Идите и живите в нем как вам хочется...

И тут толпа словно опомнилась, кинулась через пустырь к сверкающим стенам. Мчались разбитные парни, таща за руки стократно перекрашенных девчонок. Пыхтя, как локомотивы, бежали степенные отцы семейств, обвешанные детишками, с женами на прицепе. Семенили тихие старушки, активно работая локтями. А таинственный голос, не отставая, все гремел в ушах торжественно и спокойно:

— ...Никакого чуда в этом нет. Мы заложили ваши запрограммированные мечты в основу кристаллической решетки, и кристаллы-дома выросли точно такими, какими вы их хотите видеть. Материалом для них послужили камни холмов...

— О боже! — воскликнул кто-то в толпе бегущих. — У меня ж там зарыто...

Что зарывал в холмах несчастный скупец, Петер не расслышал: толпа увлекла его в сверкающее ущелье первой улицы. Он крепко держал Мелену за руку, опасаясь, что в этой стадной истерии никто не заметит оступившегося, упавшего человека.

Но цваги, видно, неплохо знали свое дело. Как потом Петер писал в газете, «заселение новых квартир прошло организованно». Было лишь два несчастных случая: умер от разрыва сердца тот самый человек, чье золотишко, спрятанное в холмах, пошло на постройку домов, да еще поссорились муж с женой, потому что он хотел взять квартиру окнами на запад, а она — на восток.

Сотрудники местной газеты не удивились неожиданной трансформации, случившейся в редакторском кабинете. Куда делся старый редактор и откуда взялся новый, никто этим не интересовался. Они давно усвоили: это не их ума дело. И оставались невозмутимыми, если, придя в редакцию, слышали вдруг за пластиковой дверью незнакомый голос.

Петер оказался исключением: он любил работать сам. Полдня метался по городу, наблюдая за толпами, ошалевшими от

свалившегося на них счастья. Другие полдня уходили на чтение материалов, каждый из которых в былое время явился бы сенсацией.

Счастье, принесенное цвагами, было слишком окончательным. Люди стали превращаться в собственную противоположность. Вчерашние скряги переродились в первейших транжир, эгоисты — в добряков. Бандиты и поджигатели вдруг воспылали желанием изучать пожарное дело, а полицейские приобрели страсть залезать в чужие карманы. Но это им было совсем ни к чему, потому что последний бедняк превратился в богача, готового и так отдать свои драгоценности. А поскольку бедняков прежде было большинство, то полиция просто растерялась, не зная, кого теперь хватать. Да и зачем было хватать? Чтобы привести в участок, напоить чаем, вручить сувенирный блокнот с авторучкой и отпустить с миром? «Одна срамота!» — так говорил Петеру бывший торговец папиросами, который прежде больше всего боялся воров, если не считать полицейских.

Вначале Петер думал, что цваги не так уж и хитроумны и просто перевернули мир. И поскольку прежде на Земле всегда было больше зла, чем добра, то теперь стало как раз наоборот. Однако вскоре он убедился, что цваги дальновиднее. После знаменательного Дня пришествия то там, то тут начали вспыхивать странные эпидемии: отдельных людей и даже целые группы без всякой видимой причины вдруг охватывало неудержимое желание чихать. Это случалось где угодно: на улице, в трамвае, на пляже, реже дома и чаще в гостях. Не помогали ни патентованные пилюли, ни иглоукальзывание.

Ответ на загадку нашел пронирыливый Штангель. Откуда-то он узнал, что чаще всего чихают в военных ведомствах. Стоило только штабу собраться, разложить на столах карты соседнего государства и начать обсуждение очередного плана «обороны», как штабистов охватывал неудержимый чих. От натуги рвались кожаные портупеи, багровели лица, как на парадах, а на праздничные мундиры, стыдно сказать, падали непристойные брызги.

Штангель написал фельетон, в котором высказал невероятную гипотезу, что цваги каким-то образом связали в человеческих мозгах центры чихания с центрами недоброжелательства. Стоило убийце или бандиту задумать очередной план, как они попадали в самый центр эпидемии.

Наверное, еще никогда ни один газетчик так точно не угадывал истину. Фельетон, опубликованный в газете, привел к неожиданным последствиям: на другой день чихало полгорода. Ведь это же очень трудно удержаться и не думать «о белой обезьяне», когда надо о ней не думать. Газету перестали покупать. Но Петер не унывал, он понимал: лучшая реклама, когда читатели знают, почему не читают. И не ошибся. Скоро его газета в глазах читателей стала самой авторитетной.

Петер все больше убеждался, что если бы репортерам ставили памятники, то Штангель был бы первой кандидатурой. Он улавливал тенденции нового общественного мнения не менее безошибочно и быстро, чем «свободное мнение» бывлой конъюнктуры. Это он пустил в обиход шумный лозунг «Даешь рекорды!».

Гениальное, как известно, всегда просто. Человечество, осво-

божденное от материальных забот и погони за свободным временем, должно было что-то для себя придумать. И оно придумало. Пышными букетами стали расцветать скрытые таланты людей. Нередко случалось, что какой-нибудь министр забывал о своем высоком долге и принимался раскрашивать картинки в книжках, да так искусно, что ахали бывалые ретушеры. Выяснилось, что раскрашивание-то и есть самый главный его талант, долгие годы мучивший министра тоской по детским радостям. Находились ученые и писатели, которые, наплевав на свои пробы и рукописи, уходили на тихие берега и там с увлечением плевали на червяков, полностью отдаваясь своей единственной и главной страсти — рыбной ловле.

Но большинство за долгие годы самообмана растеряло свои призвания и теперь искало способы убить время. Люди принялись искать себя в различных видах творчества. Некий мистер решил на вдоль и поперек изъезженном Ла-Манше поставить новый рекорд. Это было непросто, ибо Ла-Манш уже переплывали по-всякому: и в лодке, и в ванне, и даже в гробу. Но мистер не растерялся перед этим обилием рекордов, он придумал то, чего еще никто не делал, — переплыл пролив задом наперед.

Штангель первым пронюхал об этом, и с его легкой руки началась эра рекордов, открывшая величайшие потенциальные способности человеческого рода. Цваги получили полную возможность убедиться, что и люди «не лыком шиты». Один побился об заклад, что, не вставая, проползет по-пластунски 25 километров, и выиграл пари. Другой 850 часов подряд играл на рояле. Женщины ставили рекорды по плачу и болтовне. Некая Эдит Уиллер, стоя на пьедестале, заливалась слезами почти три часа подряд, а Зела Хингли доказала, что человек в состоянии ругаться со скоростью 300 слов в минуту. Как и следовало ожидать, женщины почти во всем оказались слабее мужчин. Олтон Клепп болтала на соревнованиях 97 часов кряду. Но ее оставил позади некий Шихин. Его время 133 часа. Одна леди заявила о своем рекорде по разводам: она имела 16 законных мужей. Но над ней только посмеялись, когда пришло сообщение от доверенных лиц Мохаммеда Ахмеда Иссы. Они представили документы на 60 разводов. Говорили, что знатная леди едва не умерла от злости и поклялась побить рекорд.

Самыми популярными оказались так называемые «желудочные рекорды». Карол Герри меньше чем за два часа умудрился съесть 10 метров колбасы. Уолтеру Пинчелу понадобилось всего полминуты, чтобы сжевать огромную луковицу. Сотни претендентов на первенство в этом виде спорта отделались слезами и изжогой.

Жажда первенства охватила мир. Многочисленные соревнования показали, что даже цваги не смогли изменить традиционных увлечений людей. Сыпались каскады рекордов по выжиманию гирь, по свисту, по танцам. Некий Вальнер, несмотря на преклонный возраст, протанцевал тысячу километров. У него хватило сил подойти к финишу быстрым фокстротом. Карлос Гимнес установил «рекорд мертвеца» — повесился и провисел в петле целых пятнадцать минут. «Рекорд утопленника» побил

человек, пробывший под водой целый час. К сожалению, родственники рекордсмена не пожелали назвать его имя.

Сказывались и профессиональные навыки. Бывший общественный деятель за один только день пожал свыше девяти тысяч рук. Бывший дипломат протанцевал на проволоке 175 часов. Неизвестным остался рекорд бывшего помощника президента. Он забрался в бочку, установленную на 16-метровом шесте, и заявил, что пересидит там всех: и бывших, и настоящих, и будущих претендентов. Ему бросил вызов Альфред Хэли, в свое время просидевший в тюрьмах 29 лет. Но публика по привычке больше верит бывшему помощнику президента, чем бывшему уголовнику.

Непобитым остался также рекорд Финиса Кастадимаса. Переодетый в тигровую шкуру, он пробыл в клетке с тиграми три с половиной минуты. Никому не удавалось увеличить этот срок, потому что цваги по недосмотру не наделили тигров способностью чихать...

Но даже в раю всему приходит конец. О его приближении пронюхал все тот же проникательный Штангель. Он раньше других понял, что эра рекордов подходит к концу: людям стали надоедать глупости, и они затосковали по былой деловитости.

Для прессы наступила новая эпоха: репортеры бросились искать в людях человеческие черты. Как и прежде, на первых полосах газет стали появляться фотографии знатных невест, улыбающихся боксеров, задумчивых бывших королей. Однако в новом перевернутом мире знатность оказалась понятием растяжимым. Прежде знатность переплеталась со знаменитостью, а знаменитость с богатством и популярностью. Это были гангстеры, совершившие какой-либо особый грабеж; бедные девочки, сумевшие соблазнить осторожных богачей; дельцы, сделавшие что-то из ничего. Теперь деньги никого не интересовали. Злоумышленники исчезли за стенами «чихоточных» клиник, а бывшие миллионеры вместе с толпами простых девчонок тщетно добивались автографов своих кинокумиров.

И Штангель сделал ставку на единственное, сохранившееся без изменений — на человеческое тщеславие. Он разыскивал завистливых актеров; мужей, брошенных женами и потому особенно ревнивых; бывших генералов, живущих отшельниками, чтобы не нервничать при виде нижних чинов, не желавших отдавать честь. А однажды Штангель разузнал о человеке, которого вездесущие цваги, как видно, просто обошли. Этот человек занимался тем, что коллекционировал золото. Он набивал мешки монетами, слитками, водопроводными кранами, которые с приходом цвагов стали золотыми.

Но проинтервьюировать нового «скупого рыцаря» не удалось. Единственная дельная мысль, которую Штангелю удалось вытянуть из соседей, сводилась к тому, что будто бы когда-то скупец сказал, что цваги приходят и уходят, а золото остается.

Чтобы выманить «паучка» из норы, была предпринята операция под кодовым названием «Самосвал». Целую неделю сотрудники газеты носили в редакцию тяжелые свертки с золотом, которого с приходом цвагов на всех свалках было предостаточно. Когда свертков накопилось много, их свалили

в кузов самосвала и повезли к дому «скупца». Вся редакция пошла поглядеть на представление. Самосвал шумно подъехал к дверям и с грохотом высыпал целую гору золота. Тут было все: слитки, бунты проволоки, подсвечники, даже, почему-то тоже ставшие золотыми, оконные шпингалеты. Было все, кроме женских украшений. Их в городе по-прежнему не хватало. Как видно, цвагам было не под силу справиться со страстью женщин к безделушкам.

Самосвал уехал, и тишина повисла над старой улицей. Такая тишь падает на землю, когда грозовая туча готовится перейти от громовых угроз к действию ветром, дождем, градом...

В этой тишине все услышали, как скрипнула дверь. Выглянувший человек был невысок и узкогруд и вполне соответствовал представлениям Петера, сложившимся под влиянием некогда прочитанных книг. «Естественно, — подумал Петер, — человек всегда стремится к самоутверждению. Никто не согласен считать себя последним, каждый желает хоть в маленьком, но все же быть единственным, непохожим на других. Ибо человеку надо чем-то оправдывать свое существование. Не ценности сами по себе делают человека злым, а злые люди особенно крепко хватаются за соломинку искусственных ценностей. Не деньги порождают зло, а злое и недостойное упорно стремится превратить деньги в единственное мерило всего, и в том числе самого Добра. Так Добро, оцениваемое деньгами, приобретает Зло в качестве судьи...»

Пока Петер так рассуждал, человечек выволок мешок и стал набивать его даровым золотишком.

— Эй, приятель, не надорвись! — крикнули ему.

Человечек присел от неожиданности, потом резко кинул мешок на спину, шагнул к двери. Но тотчас будто переломился, уронил мешок, схватился за поясницу и упал на тротуар. Гримаза жестокой боли вывернула его лицо. И в эту чужую боль со всех сторон покатился веселый хохот, понесся по бульвару, словно обезумевшая лошадь, впряженная в пустую подводу.

Оказывается, это может быть смешным, когда в руку нищему кладут камень, когда человеку, умирающему от жажды, дают ложку уксуса, оказывается, это весело подталкивать падающего...

Впервые за дни всеобщего счастья Петеру стало нехорошо. «Не предстоит ли Штангелю открыть новую эпоху? — подумал он. — Не начнут ли обалдевшие от достатка и безделья люди гасить равнодушие и апатию созерцанием страданий ближнего?..»

И полезло в душу совсем уж несусветное для этого мира, где «я» и «мое» всегда было на первом плане. «Могут ли принести счастье человеку блага, не заработанные своим трудом?» — думал Петер и удивлялся своим думам. Ведь такое могли сказать только те, кто живет на той стороне планеты!

Его душу неостановимой волной начала заливать смутная тревога, предчувствие какой-то неизвестной опасности...

И в этот момент небо над улицей погасло, словно кто-то внезапно выключил солнце, и в крошечной тьме с далеким разбойничьим свистом заструились к неведомому центру тонкие зеленые лучи...

СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Снова перед ним расстился лунный пейзаж, похожий на гигантскую, резко контрастную фотографию. И Земля ничуть не сдвинулась с места, и солнечный диск все так же сверкал в вышине, будто был лишь деталью неподвижной декорации, нарисованной раз и навсегда на все спектакли.

«Опять сон?» — устало подумал Петер.

— Вы недовольны? — услышал он знакомый металлический голос.

— Радоваться нечему. Кроме того, пора бы уж и домой. На Земле меня, наверное, похоронили.

— На Земле вас ждут. Связь продолжается семнадцать земных минут.

— За семнадцать минут побывать и в аду и в раю?..

— В своих снах вы успеваете не меньше.

— Сны произвольны.

— И эти произвольны. Мы лишь помогаем логике вашей фантазии.

— Но зачем?

— Чтобы вы яснее представили себе перспективы и рассказали о них людям.

«Каким образом?» — усмехнулся Петер. Он хотел сказать своему таинственному собеседнику, что от тех, кого он знает, ничего не зависит, а кто кое-что может, того непросто увидеть. Но голос опередил:

— Вы сможете увидеть всех, кого захотите. Для этого там, на Земле, проглотите шарик, закройте глаза и положите руки на живот...

— Какой шарик? — спросил Петер.

Но ответа не последовало. Голубой ореол вокруг Земли начал гаснуть, исчезли густые тени лунного ландшафта, а сияющий диск Солнца стал падать и превратился в освещенный снаружи светлый люк иллюминатора.

Петер услышал голоса снаружи бака, встал со стула, шагнул к иллюминатору. И тут почувствовал в руке что-то холодное и круглое, напоминающее голубиное яйцо, только со свинцовой тяжестью.

«Проглотите шарик», — вспомнил он последнее напутствие цвагов, сунул его в рот, погладил языком странно податливую скорлупу и, борясь с желанием куснуть, проглотил. Мелодичный звон поплыл издалека. Так звенит в ушах полная тишина, когда тщательно напрягаешь слух. Звон приближался, звучал свирелью, скрипкой, флейтой, контрабасом, наконец, ударил громом и оборвался. И снова Петер услышал голоса снаружи бака. В распахнутом иллюминаторе виднелось лицо Мелены в потеках слез и круглые от любопытства глаза Вонани.

Петер высунул голову в люк и стал вылезать. Был момент, когда он, лежа на краю люка, вдруг почувствовал, что смертельно устал, и закрыл глаза, представив себе маленькую комнату Мелены, где так хорошо отдыхалось от всех сует...

Когда открыл глаза, то увидел, что лежит на кровати в комнате, о которой только что подумал. Минуту он глядел по сторонам, не веря видению. Потом встал, прошел к окну, потрогал тяжелую гардину.

«С ума можно сойти от всех этих превращений!» — подумал он. И вдруг вспомнил голос в тишине лунного мира: «Вы можете увидеть всех, кого захотите».

И внезапная радость охватила его. Стало быть, яичко-то не простое! Оно делает мечту реальностью!

Петер закрыл глаза и снова представил себе сумрачную ла-

бораторию с большим старым баком посередине. И тотчас услышал голос Мелены:

— Хватит... не пущу... не могу больше! Тебя не было целую вечность и опять ты как умер!..

Она вцепилась в него, повисла, обхватив плечи и руки.

Подошел белобородый Вонани, сверкнул какими-то бездонными, почти безумными глазами.

— Опыт продолжался восемнадцать минут, — сказал он.

— Семнадцать, — поправил Петер.

— Мы надеемся услышать подробный отчет.

— Непременно...

Они вышли с Меленой в тихую ночь. Шептались липы над улицей. Луна бросала мягкие тени. Где-то далеко с завыванием брехала собака. Земля катилась своей вечной дорогой, и жизнь шла своим чередом. И никто не знал, что очень скоро взорвется эта монотонность жизни, и сенсации, каких не было с сотворения, завалят планету развалинами или вознесутся башнями невиданных городов. Никто еще не подозревал, что тихой жизни приходит конец.

...Помните ли вы, читатель, свой первый барабан? Мама просила: «Перестань барабанить, дай отдохнуть». А вы все не могли, в сотый раз пробовали, как он звучит...

Вот и Петер, оказавшись дома, тотчас лег на кровать, зажмурился и нажал себе на живот, как на пусковой клавиш. И очутился на городской площади. Часы на башне показывали семь двадцать девять. Полицейский, как всегда, ходил вокруг большой клумбы левкоев, помахивая дубинкой.

— Эй ты, — крикнул Петер, — сорви цветочек!

Полицейский наклонил голову, как бык перед атакой.

— А то я сам сорву!

И он пошел по цветам на середину клумбы. Трели свистков тотчас собрали толпу любопытных. Люди хохотали, любясь, как полицейский бегал по цветам за странным зеленым парнем, вытаптывая запретную клумбу.

Петеру это скоро надоело. Он закрыл и вновь открыл глаза, увидел знакомую люстру, шторы, встревоженное лицо Мелены.

— Что с тобой? Ты бредил, — сказала она.

— Ничего, дорогая, свари-ка кофе, а потом я тебе все расскажу. Мне понадобится твоя помощь.

Мелена ушла на кухню, а Петер подумал, что теперь самая пора начать выполнять миссию, возложенную на него цвагами. Он снова положил руку на живот и очутился в спальне самого главного босса.

— Как вы сюда попали? — испуганно спросил босс и будто случайно наступил на кнопку сигнала.

Тотчас вбежали в комнату двое дюжих молодцов, замерли у двери.

— Возьмите его, — сказал он. — Выясните и доложите.

«Молодцы» кинулись на Петера, с деревянным стуком налетели друг на друга и завертели вокруг, стараясь схватить то, что им казалось Петером. Босс выхватил из-под подушки дамский пистолетик и принялся стрелять из него во все стороны. Вскоре один из телохранителей упал, а другой, наконец-то найдя для себя настоящее дело, уволок его за дверь.

— Что будет дальше? — спросил Петер, снова оставшись наедине с боссом. — Не дурите голову ни себе, ни другим. Со мной ничего не поделаете. Меня не убьешь и атомной бомбой.

Последнее он придумал, ибо еще и сам не знал пределов своих возможностей. Но простим ему эту маленькую ложь. Ведь он был газетчиком и, случалось, даже не в таких чудесных ситуациях изображал живого слона там, где была лишь однадохлая муха. Он и прежде знал, что, если желаешь в чем-то убедить другого, хотя бы и в ложном, говори увереннее.

— Да, да, запомните хорошенько, вам от меня не избавиться. Так что лучше слушайте и запоминайте. Мое требование: сегодня же вы официально призовете мир к уничтожению атомного оружия. Не выполните — пеняйте на себя...

И он исчез. Но, прежде чем вернуться к своей Мелене, заглянул к редактору бывшей своей газеты.

— Вам нужна информация, мне нужны деньги.

Но редактор был дока на своем месте. Он привык иметь дело с призраками всякого рода, поэтому ничуть не удивился предложению.

— Если вы такой вездесущий, скажите, что сейчас делает моя жена?

— Лежит в постели и пьет кофе с ликером.

Редактор снял телефонную трубку, позвонил жене и выяснил, что она действительно лежит в постели и пьет кофе.

— Беру! — воскликнул редактор, обрадованный не столько уникальной способностью Петера, сколько преданностью своей молодой жены. — Что вы можете предложить для начала?

— Репортаж из интимной жизни первого босса.

Еще до того, как подпрыгнувший от изумления редактор успел опуститься в свое кресло, Петер вернулся под теплое крылышко Мелены. Первое, что он увидел, были ее большие, испуганные глаза.

— Я не могла тебя добудиться. Ты был такой бледный и бредил.

— Поняла что-нибудь?

— Смеялся, говорил с кем-то. Что тебе снилось?

— Это не сон.

И Петер рассказал ей все о цвагах, о чудесном яйце, которое он проглотил, и о новой способности путешествовать.

— Теперь я сам могу быть Зеленым призраком, — хвастался он. — Я буду лежать тут и, не сходя с места, летать по миру в своем зеленом облаке. Я покажу людям их безрассудность и спасу человечество от катастрофы. А ты будешь охранять меня и никого не впускать в комнату, пока я не проснусь.

— А если ты будешь там, а что-то случится тут?

— Ты меня вызовешь. Сбросишь руку с живота, и все. Но не делай этого без крайней надобности. Поняла?

Он похлопал себя по животу и услышал в ответ глухое ворчание. Будто сидел там какой зверь и сердился за то, что его беспокоят.

— Ой! — испугалась Мелена.

— Не бойся, такое у меня и прежде бывало...

Ей пришлось вызвать Петера из таинственного сна в тот же

день. Как только он после обеда отправился в очередное свое путешествие, в дверь забарабанили с полицейской вежливостью. Ворвались четверо, скрутили Петера и увезли.

Его бросили в глухую камеру без окон и с дверью о четырех запорах. Он лег на топчан, положил руку на живот и сразу же отправился с визитом к первому боссу. Тот сидел в своем великолепном кабинете и грелся чаем в обществе молоденькой секретарши.

— Вам, кажется, не хочется жить! — развязно сказал Петер. Он знал, что такой тон больше всего действует на обывателей независимо от рангов. — Почему вы приказали арестовать журналиста Петера-Метера? Только потому, что я похож на него?

— Это сделано без моего ведома, — пролепетал босс.

— Старо. Начальники ссылаются на самоволие подчиненных, подчиненные — на приказы свыше. Есть преступления и нет преступников... Немедленно освободите журналиста.

Через десять минут в камеру к Петеру ворвались надзиратели, раздели его и унесли одежду на исследование.

С этого момента босс потерял покой. Петер преследовал его всюду: в кабинете, на заседаниях, в бронированных авто, в спальнях и даже под кроватью, куда тот залез было, прячась от Зеленого призрака.

На другой день газета вышла с сенсационным репортажем о личной жизни первого босса. Репортаж содержал такие подробности, что босс сдался. Петеру вернули одежду и отвезли домой.

А через четверть часа в городе началась паника. Виданное ли дело, чтобы по улицам со скоростью такси носился зеленый человек, исчезал в одном месте и внезапно появлялся в другом. То он ехал на крыше автобуса, то шагал по банковским столам, заваленным деньгами, то легко, не разрушая конфетных сооружений, проходил по витринам гастрономических магазинов. И часто, не рассчитав, влетал с разгона в комнаты, куда входить совсем было ни к чему. Представьте, читатель, что в окно вашей квартиры, где-нибудь на 49-м этаже, в самый неподходящий момент вдруг заглядывает незнакомый мужчина с растрепанной зеленой шевелюрой, и вы поймете, какого страха нагнал Петер на своих сограждан...

Вечером, уставший от долгой скачки по городским улицам, Петер лежал на своей кровати и думал о сложностях мира. Уж на что велика и поистине вездесуща способность, подаренная ему цвагами, а и она может оказаться бессильной. Петер убедился, что никак не успеть заглянуть во все закутки города, куда может спрятаться человек. А ведь есть еще закутки душ. И первая иголочка сомнения уколола его: смогут ли цваги контролировать всю множественность людского мира?..

Тихая ночь, причудливо расцвеченная уличными рекламами, вползала в комнату. «Спаситель человечества» крепко спал, не видя ни людей, ни стран, ни даже обычных снов. А Мелене не спалось. Держа Петера за руки, она глядела в темный потолок и напряженно прислушивалась к тихому пощелкиванию цваговского шарика у него в животе. По привычке ей все казалось, что это от сухомятки.

СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА

Наконец-то Петер обрел покой. Исправно пошли гонорары, и хозяева соседних магазинов стали кланяться вдвое ниже. Мелена хлопотала по дому и старалась никуда не отлучаться, зорко охраняя Петера. Хотя в этом не было надобности: дом охранялся тайной агентурой. Петер только усмехался, наблюдая за «мальчиками», гулявшими у подъезда. Это даже льстило: ведь ни один гангстер не удостоивался такого внимания.

Некоторое время Петер надоедал первому боссу, требуя хотя бы заявления, осуждающего атомное оружие. Но тот признался, что от него ничего не зависит, что он связан круговой порукой с семнадцатью другими высокопоставленными господами, а кто из них главный, он и сам не знает.

И Петер решил «выяснить отношения» со всеми семнадцатью, начав с самого толстого из них. Для этого ему не нужно было больших сборов: лег на кровать, положил руку на живот и...

Был вечер — веселое время суток. Косматыми чудищами металась над улицами рекламы. Дома-великаны сверкали окнами, как солдаты начищенными пуговицами. Люди прятались в коробки автомобилей, уносились куда-то на край великого города. А те, кому некуда было спрятаться, робко жались к стенам домов, словно молящие о пощаде побежденные к сапогам победителей, и жаждущие иллюзий прятались в норы ночных баров, уходили в истерику джазов, в мутный блеск дешевых витражей и бутылок.

А там, где жил «самый толстый», была тишина. Полицейские глядели в оба на все движущееся, готовые в любую минуту сорваться с места, догнать, остановить.

Петер без труда нашел тихий особняк, вспорхнул на подоконник, огляделся, неслышно сел в глубокое кресло. «Самый толстый» играл с детьми в войну. Три мальчика и две девочки подкрадывались с игрушечными автоматами к доброму папенке, спрятавшемуся за свой широкий стол.

— Папочка, я тебя убил! — радостно кричал старшенький.

— Нет, это я тебя убил!..

Петер кашлянул. И все юное воинство вмиг исчезло, побросав оружие. И папочка пополз было к дверям, по пути нажимая на все кнопки, спрятанные под ковром.

— Не пугайте охрану, — сказал Петер. — Я не убийца.

— Не обманываешь? — спросил «самый толстый», отряхивая штаны. — А то ведь у нас все так говорят.

— Мне надо вам кое-что сказать.

— Я дома не принимаю.

— На этот раз придется.

— Кто вы такой?

— Посланец цвагов.

— Их не существует, — сказал «самый толстый», пятась к двери. Вдруг он, как молодой спринтер, сорвался с места, выскочил в другую комнату и захлопнул дверь.

— Ай-я-яй! — сказал Петер, появляясь у него за спиной. — Такая прать при вашей комплекции?

— Что вы хотите! — взвыл «самый толстый».

Петер сказал, что через три месяца мир взлетит на воздух,

что надо немедленно начинать уничтожение ядерного оружия. Не жалея красок, он обрисовал картину ада, который ждет людей, если они послушаются. Но то ли «самый толстый» не поверил, то ли был приучен к сгущенным краскам, но он не удивился, не испугался и не обрадовался. Только спросил занудливо:

— Ну и что?

— Как это? — удивился Петер. — Надо действовать.

— Вы рассуждаете как последний булочник. Впрочем, где уж чужакам разобраться в тонкостях нашей политики, если мы сами в ней не можем разобраться. Я, по-вашему, бог? Да я свободен меньше, чем рядовой полицейский. Если я хоть пальцем пошевелю самостоятельно, Джеймс меня тут же и похоронит.

— Кто этот Джеймс?

— Первый человек в государстве. Если чего хотите добиться, начинайте с него...

Джеймс произвел на Петера хорошее впечатление: этакий красавец мужчина, не робкий и понятливый.

— Да, человечество надо спасать, — твердо сказал он, — и мы готовы это делать... Атомное оружие? Да, пора за него взяться. Действуйте.

— Это вы должны действовать.

— Не будем обманывать себя, — сказал Джеймс. — Я лишь исполнитель. Есть и поглавнее. Например, Касс...

Судя по габаритам, Касс был действительно солидной фигурой. Он выпучил на Петера глаза и вызвал секретаршу.

— Откуда взялся этот черт?

— Я его не пропускала! — испугалась секретарша.

— Я от цвагов, — сказал Петер.

— Не помню такой фамилии. Кто они?

— Посланцы иных миров.

— А, эти чудaki, которые думают, что с уничтожением атомного оружия наступят мир и благодать? Да мы и без атомных бомб можем передуть всех цвагов поодиночке и оптом. Вместе со всеми людishками, если кто помешает. Да мы... Впрочем, это же военная тайна.

— От меня нет тайн.

— Неужели? А ну-ка скажите, что делается вон в том доме?

— Какой ужас! — воскликнул Петер. — Что вы сделали с человеком?!

— Неплохо, а? Он смертник, ему все равно на тот свет, так пусть сначала послужит науке.

— Разве это наука?

— О, у нас лучшие профессора. Ваши цваги умрут от зависти, когда узнают, что мы умеем. — Касс махнул рукой. — Раз уж вы все можете, так лучше я сам расскажу. Сколько, к примеру, нужно ядерных бомб, чтобы перебить всех людей? То-то, что много. А у меня есть одна вот такая пробирочка, и в ней достаточно яда, чтобы отравить человечество. Разве это не поражает воображение? «Мелиондоза», «Лихорадка Кью»! Не правда ли, звучит как песня? Да и старушка чума у нас переродилась. Теперь ее ничем не вылечить. А психические газы! Пролетел самолет над городом — и все люди веселятся,

ни политика им не нужна, ни работа, только бы плясать да целоваться. И умирать с улыбкой. Разве это не гуманно?.. А можем и такой туманчик пустить, что враги сами себя перебьют до единого. Как в сказке...

Касс закрыл глаза от удовольствия. Петер молчал, потрясенный новыми перспективами.

— Ну стоит ли, скажите, хлопотать о каких-то атомных бомбах? Это же вчерашний день, что-то вроде лука и стрел. — Касс хохотнул, довольный собой.

— И вы можете пустить в ход свои «гуманные средства»? Я сейчас же сообщу об этом в газеты.

— Вальяйте, — рассмеялся Касс. — В газетах сочиняют и не такие страхи. В них никто не верит.

Это была правда. Сам газетчик, Петер отлично знал, как трудно ориентироваться в каменоломнях противоречивой информации. Ему впервые пришла мысль, что, может быть, это делается сознательно, чтобы читатель не смог догадаться о действительном положении дел и, не дай бог, не начал бы думать самостоятельно.

— И все же давайте уничтожать атомное оружие. — Петер решил оставаться верным своей миссии.

— Ну зачем же? Мгновенная смерть от бомбы, согласитесь, куда гуманнее кровавой рвоты от ядов.

— Вы же человек, черт возьми! — разозлился Петер. — Должны же вы думать о будущем!

— Будущее — это забота Бухелы. Мое дело — настоящее.

— Кто эта Бухела?

— Прорицательница. Мудрейшая женщина. На десять лет вперед видит. Мы с ней всегда советуемся...

Через секунду Петер стоял возле шикарного двухэтажного особняка в конце улицы. На железных витых решетках ворот висела вспыхивающая реклама с огромной надписью: «Предсказываю все, кроме погоды».

В большой угловой комнате второго этажа, обитой черным бархатом, был полумрак. У светящегося изнутри столика сидели двое — пожилая дама в черном и сморщенный старичок, одетый как на официальный прием. Дама не мигая глядела в глаза старичка. Потом она быстро опустила взгляд к столику и сказала так, будто ее душили:

— Скажи мне, дух Абадонны, должны ли мы вкладывать капитал в производство бюстгальтеров?

Столик вдруг вспыхнул ярко, осветив лица.

— Я так и знала, — воскликнула женщина. — Абадонна говорит, что бюстгальтеры выходят из моды и что капитал нужно помещать в производство ракет...

— Врет он, ваш Абадонна, — сказал Петер, появляясь на потухшем столике.

Женщина завизжала и мигом исчезла из комнаты, словно тоже обладала способностью цвагов. Старичок повесил челюсть на грудь и вывалил глаза на переносицу.

— Ты, папаша, посиди пока, а я пойду поговорю с гадалкой.

Он нашел ее не сразу: не вдруг вспомнил, что женщины, когда им страшно, залезают под кровать.

— Не бойтесь! — крикнул он ее вздрагивающим ногам. —

Я хочу поговорить с вами о том, как поднять авторитет вашей фирмы.

— А вы не обидите бедную женщину?

— Слово джентльмена.

— Как вы меня напугали, — сказала она, выползая из-под кровати. — Вы в самом деле дух?

— Вроде этого.

— Хорошо, что вы возникли прямо из столика. Мой клиент сделает мне рекламу.

— Я вам сделаю рекламу, о какой вы и не мечтали.

И он рассказал ей о пришествии цвагов, о близком конце света, о необходимости уничтожить атомное оружие.

— Ну нет, — сказала Бухела, едва он кончил. — На это я не пойду. Я же потеряю всех клиентов...

И Петер начал сначала.

На этот раз перед домом «первого босса» было шумно. Клоуноподобные юнцы лезли на фонари и кричали что-то непонятное. Другие хохотали, свистели, обнимались с девчонками, целовались, дрались.

— Что здесь происходит? — спросил Петер, появляясь возле полицейского, безучастно стоявшего в стороне.

— Забавляются балбесы. У нас же свободная страна.

— Даже слишком.

— А ты, собственно, кто такой?..

Но Петера рядом уже не было. Он появился на верхушке столба и крикнул сверху в осатаневшую толпу:

— Боритесь за уничтожение атомного оружия! Иначе все вы погибнете!

Дикий хохот и гвалт были ответом.

— Ай да ловкач!

— Ты как туда залез?..

В соседних переулках, как по команде, заревели полицейские сирены, и черные мундиры начали пробиваться к столбу. Но Петера там уже не было. Он стоял на другом конце площади возле паренька, тренькавшего на гитаре.

Привет тебе, мамуля,

Твой сын забрит в солдаты,

Поэтому не жди его пока...

Вокруг кольцом стояли люди, молча слушали.

— Через три месяца вы все погибнете! — крикнул Петер, когда гитарист умолк и стихли аплодисменты. — И все человечество погибнет. Если за это время не будет уничтожено атомное оружие!

— С чего ты взял?

— У него жена рождает через три месяца!

— Не мешай слушать! — кричали Петеру со всех сторон.

Паренек с гитарой наклонился к нему, сказал тихо:

— Вы слишком прямо. Они так не привыкли.

И запел, откинувшись к черной коре липы:

Богатым бедные — бельмо в глазах,

Голодным сытые — как боль в зубах,

И так из года в год,
Из рода в род...
Вот анекдот...

Завыли сирены. Из толпы вынырнул полицейский, взмахнул дубинкой, ударил по гитаре. Разноголосый стон вскинулся и умер, утонул в реве толпы.

— Как вы смеете! — крикнул Петер.

— У нас свобода, — оскалился полицейский. — Вы смеее петь, а я смею вас лупить.

Он замахнулся на Петера и выпучил глаза. Бить было некого...

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

После нескольких дней мотаний по свету в поисках здравого смысла Петер решил вернуться к «первому боссу» и во что бы то ни стало добиться от него толку. Но босс к этому времени успел опомниться. Едва он увидел Петера, как изобразил на лице величайшую радость и пошел к нему навстречу с протянутыми руками.

— Куда вы пропали? Я всю полицию поднял на ноги!

— Неужели понадобился?

— Представьте себе. Мне пришла в голову гениальная идея. Правда, пока я «первый», они у меня все гениальные. Но эта в особенности... Знаете ли вы, у кого больше всего врагов? Конечно, у «первого». Ибо его деяния касаются всех. А всем, как известно, не угодишь. Вот и погибают боссы во цвете лет. Ведь у нас свобода, каждый может купить хоть пулемет... Вы понимаете, что я с вами до конца откровенен? — Тут «первый босс» попытался похлопать Петера по плечу, но рука его упала, не найдя опоры. — Простите, никак не могу привыкнуть к вашему облику. То ли вы есть, то ли вас нет. Но ведь это и хорошо и отлично! Вас же нельзя убить. Берите все полномочия, поезжайте вместо меня, выступайте, обещайте что хотите и делайте, делайте свое благородное дело...

Идея была неплохой: не через чьи-то руки, а самому лично обратиться к людям, убедить их, пользуясь привлекательным мандатом представителя «первого босса». А уж людей только разозлить, напугать как следует, зажечь только — не погаснут. Толпа — стихия, шарахается — никакие стены не удержат...

Так думал Петер. А босс, не дожидаясь ответа, уже звонил куда-то.

— Алло, Пат? Тут к тебе явится... Именно явится, а не придет. Это он умеет. Увидишь как. Жди через минуту... Он будет действовать от моего имени. Да, да, пусть выступает где хочет и говорит что хочет. Он от цвагов. От тех, что будто бы собираются прийти на Землю... Да, зеленый, совсем зеленый и немного прозрачный. Можешь сообщить газетам, что, мол, представитель зеленых цвагов выступает... Впрочем, ему тоже нужна реклама.

«Первый босс» положил трубку, повернулся к Петеру.

— Все что в моих силах. Поезжайте... то есть отправляйтесь...

Ха-ха!.. Поработайте пока, а я отдохну. Совсем выдохся от речей... — И он помахал ручкой, как это всегда делал перед избирателями.

Петер на мгновение закрыл глаза и очутился в другом кабинете. Перед ним сидел молодой улыбчивый человек в сером костюме и с короткой прической рыжевато-волос.

— Привет, — сказал он, ничуть не удивившись Петеру. — Меня зовут Пат. Репортеры сейчас будут, вы им все сами и расскажете. Не хотите ли пока рюмочку?

— Спасибо. Я лучше пройду по городу, — сказал Петер. И исчез.

Это был всем городам город. По широченным магистралям неслись толпы автомобилей. Длинноволосые юноши, нанятые автомобильными фирмами, задирали на перекрестках прохожих, предпочитавших ходить пешком. Рыжие блондинки выглядывали из лакированных лимузинов, зазывали мужчин. Рекламы свисали с крыш до самых тротуаров и снова возносились в темное небо.

«Приобретайте наши товары заблаговременно», — звали рекламы.

«Приятное с полезным. Томики стихов лучших поэтов для чтения в туалете!»

«Самые короткие ночные рубашки для спящих царевен!»

«Покупайте новый бестселлер «Как стать счастливым без денег»!..»

Всюду чувствовались комфорт, довольство и беззаботность. Казалось, люди достигли всего, чего хотели, и теперь изощряются, тешат свои прихоти.

А репортеры уже ждали его, шумели в тесном зале. Ничуть не удивившись неожиданному появлению Петера, забегали, отталкивая друг друга, оцетинились сотней объективов, ослепили вспышками.

Добрых полчаса Петер рисовал перед ними страшную картину конца света. Почти час рассказывал о том, что могут приобрести люди, если не послушаются. Разозленный равнодушием властей, он кидал в зал фельетонный сарказм, сыпал афоризмами, метался по залу в своем зеленом ореоле и сам, будто со стороны, любовался своим мессианским величием. И замирал от предчувствия завтрашних сенсационных заголовков. Он мысленно уже видел толпы взбудораженных горожан, митинги, демонстрации «антиатомных бунтарей».

Когда он кончил, в зале на минуту наступила тишина. И тотчас словно взорвалась: репортеры кинулись к телефонам. Пришлось объявить перерыв. За это время Петер успел заглянуть в редакции, постоять у взбесившихся телетайпов. Дело, кажется, начиналось неплохо.

А после перерыва посыпались вопросы:

— Как цваги относятся к крику женской моды — вырезу на животе?

— Если цваги против атомного оружия, то что они думают об использовании в войне летучих мышей?

— Есть ли у цвагов женщины и каков у них бюст?

— Известен ли пришельцам новый фильм «Мои милашки» и признают ли они его секс-бомбой?

— На верном ли пути омфалопсики? Те самые, что ищут истину в созерцании собственного пупа?..

Сначала Петер пытался отвечать, потом возмутился.

— На карте судьба человечества! — крикнул он.

И снова со всей страстью принялся расписывать ужасы, которые видел в полуреальном сне, навеванном цвагами. И осекся, заметив, что репортеры начали зевать и потихоньку расходиться: они это уже слышали, они спешили за новеньким.

Вскоре в зале осталось лишь несколько человек, совавших Петеру банковские чеки.

— Мы понимаем, фирма индивидуальных атомуубежищ очень богата, — твердил один из оставшихся. — Но и мы можем хорошо заплатить. Только упомяните в проповедях о спасительных свойствах нового пластика для надувных матрацев...

«Что ж, этого следовало ожидать, — подумал Петер. — Люди есть люди. Каждого интересует только то, что его интересует».

Даже в своей бестелесности Петер почувствовал усталость.

— Мне бы ваши заботы, — сказал он. И добавил равнодушно: — Беззаботные вы идиоты!..

Если бы он знал, как опрометчиво для знаменитости говорить в рифму. Эти его последние слова вызвали особый восторг прессы. Их потом обсасывали все газетные поэты. Композиторы сочиняли на них модные песенки. Эстрадники, выбивавшие «катомные чечетки», непременно вставляли «стишок» в свои куплеты...

А Петер вернулся к своей Мелене и... запил. Стоит ли удивляться? Ведь это такое обыденное явление в обществе, где иными средствами так трудно добиться цели!

Время от времени он снабжал газету скандальной информацией, накупал «утешительного» и, подталкиваемый «зеленым змием», метался по миру в своих чудесных зеленых снах. Он пугал главнокомандующих, уличных девочек, футбольных кумиров своими неожиданными явлениями и непонятными требованиями. Иногда он попадал на высокие научные собрания, слушал премудрых мужей, тешивших свое тщеславие заумными дискуссиями. Там ему казалось, что перед ним вовсе и не люди, а некие далекие от мира существа, вроде цвагов, только менее терпеливые. Он лез на трибуны со своими антиатомными заявлениями, но его не слушали, ибо в научных дискуссиях существовала давным-давно расписанная очередь и всякая внеочередность воспринималась присутствующими как личное оскорбление.

Однажды ему пришлось в голову навестить Штангеля.

— Ну и пусть все к черту взрывается, — сказал Штангель, выслушав Петера. — Людям нужны удары судьбы, люди без них не могут... Ну а лучше всего, если цваги уберутся ко всем чертям...

Петер не согласился, сказал, что людям для прогресса непременно нужно искать контакты с инопланетными цивилизациями.

— Не хочу никаких контактов! — вскричал Штангель. — Не желаю превращаться в очередного профессора Псишку!

— Кто это?

— Один чудак. Вбил себе в голову, что муравьи тоже цивилизация.

— Ну и что же?

— Ищет контактов. Газеты им читает, книжки показывает с картинками. Муравьи, конечно, чихать хотели на его уроки. А Псишка одно твердит: главное — непрерывность посылаемой информации. Говорит, что рано или поздно они догадаться. Ты сходи к нему, тебе это полезно.

— И схожу.

Петер закрыл глаза и сразу услышал слоновий топот и далеко не научные словечки.

— Я вам покажу цивилизацию! Варвары, людоеды проклятые! — скрипел астматический голос.

Петер увидел седовласого старца, сплошь облепленного рыжими муравьями. Старец пинал муравейник, бил его, как хлыстом, тонкой указкой.

— Профессор Псишка?

— Ну я, ну и что? У каждого бывают ошибки. Если хотите знать, в научной работе отрицательный результат тоже результат.

Профессор подпрыгнул, поджал ножки и с размаху сел на муравейник.

— Я к ним и так и этак, а они кусаться! Дождались, когда уснул, залезли под одежду да ка-ак куснут все разом!.. А вы кто такой?

— Ваш друг. Вы говорите, что они вас куснули все разом? Одновременно?

— Э... видите ли... я спал...

— Так это же величайшее открытие! Они откликнулись! А поскольку челюсти у них единственный известный нам способ общения, то они и пустили его в ход.

— Вы полагаете?..

— Терпите, профессор. Терпите и старайтесь понять, что они хотят сказать, кусая вас. Терпите, мученик от науки. Не обижайте ваших братьев по эволюции...

Петер шутил, но ему было не до шуток. Иногда по утрам, когда рассеивался туман спиртного и кошмарных снов, он с тоской смотрел на календарь и считал часы до катастрофы. Тогда он распахивал окно, глядел на город и плакал от бессилия. Как в детстве, когда тверда была вера, что на слезы слетаются добрые ангелы.

Однажды это протрезвление пришло поздно вечером. Петер взглянул на календарь и ужаснулся: до катастрофы оставалось восемь часов.

— Нет! — закричал он, перепугав Мелену. — Не может быть!

Он накинул плащ и выбежал на улицу. Тихий дождь сгоняя в канализационные трубы дневной зной, оживлял полузадушенных жарой горожан. Люди шли, пестрые в свете реклам, и улыбались дождю. А Петер бежал мимо них, думая о том, что завтра, всего лишь завтра такие дожди будут вызывать ужас.

Мелена едва попевала за ним, ни за что не желая отпу-

скасть Петера одного. Ночью они вломились в квартиру белогобородого Вонани.

— Вы же обещали рассказать... — начал ученый.

— К черту счеты! — раздраженно перебил его Петер. — В шесть утра мир взлетит на воздух!

К счастью, Вонани относился к той редкой категории людей, которые, несмотря ни на что, предпочитали верить другим. Он провел ночных гостей в лабораторию, где все еще стоял старый ржавый котел. Петер забрался в люк. Мелена решительно полезла за ним.

— Я буду с тобой, — заявила она.

Он не стал спорить. Теперь ему было все равно.

Цваги заставили долго ждать. С полчаса Петер видел перед собой только светлый круг люка-иллюминатора и за ним белый халат Вонани. И когда нервы готовы были лопнуть от нетерпения, он почувствовал невесомость и услышал далекий свист в зеленом трепыхании тонких лучей.

На этот раз все было как-то иначе. Петеру даже показалось, что он чувствует холод. Так во сне идешь босиком по снегу и знаешь, что это нереальность, и знаешь также, что за этим какая-то реальная основа. И просыпаешься, и находишь, что сон не фантазия, что ногам действительно холодно, потому что во сне ты их высунил из-под одеяла. Вот и теперь был словно сон. Только такой, от которого нельзя самому проснуться.

Мелена раскрыла рот, пытаясь что-то сказать, но Петер ее не услышал. Он взял Мелену за руку и стоял так, переступая по серому лунному гравию.

— Что вы хотите?

Мелена вздрогнула и оглянулась.

— Вы не должны этого делать! — крикнул Петер в черную пустоту.

— Мы давали вам время.

— Что нам ваше время. Мы же совсем другие. Вы приходите как диктаторы, предъявляете ультиматум, сулите золотые горы. А мы не умеем, понимаете, еще не можем ничего принять. Если ваша цивилизация так высока, то она должна быть доброй. Как же иначе?!

Петер умолк, не слыша возражений. Ему показалось, что он говорит сам с собой. Так бывает на больших митингах, когда теряется неуловимая ниточка-связь между оратором и толпой. Оратор все еще говорит, накаляет себя, а вокруг уже космический холод равнодушия.

— ...Давайте нам то, что мы можем взять. Укажите для начала хотя бы лекарства от наших болезней. Вы молчите? Вы понимаете, что для этого вам понадобится изучить болезни, а стало быть, и всего человека со всеми его историческими, биологическими, психическими противоречиями и сложностями. Для этого вам пришлось бы повторить нашу жизнь, начав все сначала. Но в этом случае еще неизвестно, сумеете ли вы указать лекарства раньше, чем мы найдем их сами...

Что же вы не возражаете? — раздраженно крикнул Петер. И снова ему не ответили.

— ...Нельзя ребенка сделать сразу большим. Он должен

сам пройти все стадии роста. У нас тоже бывают резкие скачки, мы их называем революциями. Но они закономерный, необходимый этап эволюции. А вы предлагаете взрыв. Чтобы ничего старого и все новое. Это гибель эволюции. Это не наш мир. Человечество погибнет сразу или выродится. Возможно, вы нас будете кормить и баловать, как мы наших кошек и собак. Но не думаете же вы, что нам понравится такая перспектива? Неужели вы не понимаете, что вся суть социальной эволюции — в праве самим разрешать свои трудности. Помощь? Давайте нам помощь, которую мы в состоянии принять. Решение наших проблем без нас и за нас — это гибель...

— Что же вы предлагаете? — услышал Петер и обрадовался блеснувшей надежде.

— Выход есть, — быстро заговорил он. — Живите себе на Луне, на Марсе, где хотите, но оставьте нас в покое. И давайте общаться в тех пределах, в каких мы можем вас понять. Наши ученые найдут пути к вашим знаниям. Будьте учителями, а не фельдфебелями. И не надо ни отметок, ни розог. Пусть мы сделаем не все так, как вам нравится, но мы не покусимся на ваш покой. А со своими проблемами мы сами справимся. И атомные бомбы уничтожим, и военщину обезоружим. Нужно только время. В конце концов мы же разумные существа...

И вдруг упало густое черное небо. Беззвучно рухнули, провалились белые острые скалы. И розовый свет стал заливать черную ночь. Петеру показалось, что свет пахнет. Он потянул носом, уловил запах левкоев. И в тот же миг почувствовал, что лежит на чем-то неровном и колющем. Открыл глаза, увидел бело-розовые цветы и за ними густое рассветное небо.

Петер приподнялся, опираясь рукой о рыхлую влажную землю. И увидел, что сидит посреди цветов на большой клумбе городской площади, той самой, по которой за ним бегал полицейский. Мелена лежала рядом в неудобной позе неожиданно упавшего человека. Он наклонился над ней, расстегнул блузку и обрадовался, увидев живую пульсирующую кожу в ложбинке под горлом.

— Который час? — спросила Мелена, открывая глаза.

Внезапный страх придавил ему плечи. Может, именно теперь большая стрелка часов подходит к цифре шесть, может, уже через секунду прогремит над миром триллионноглоточный глас накопленных водородных бомб — страшный вестник конца рода человеческого?

Петер заметался глазами, не сразу нашел большой циферблат на башне. Часы показывали двенадцать минут седьмого. Белый гаснущий диск Луны висел над башней, а внизу, на залитой ранним солнцем площади, уже шумели первые зеленщики.

Мелена прижалась к нему и вдруг нервно и судорожно разрыдалась.

— Что ты, глупая, — уговаривал Петер. — Теперь только радоваться, теперь все будет хорошо.

Он не видел, что с другой стороны, нетерпеливо поигрывая дубинками, к ним спешили двое полицейских...

ВЫСТРЕЛ В ОРЕЛЕЙ ГРИВЕ

Повесть

11

Николай Ильич Зотов проснулся с таким ощущением, словно бы кто-то его окликнул. Он открыл глаза и лежал прислушиваясь: не позовут ли снова. Но в доме стояла тишина. «Приснилось, что ли?» — подумал он и нащупал на полу коробку спичек. Чиркнул. Поднес спичку к ча-сам. Было уже шесть. Зимой Николай Ильич вставал в семь. Спичка погасла, догорев почти до конца, Зотов даже не почувствовал огня — кожа на пальцах так загорела, что он, когда надо было, спокойно брал раскаленный уголек и прикуривал от него.

Тикали часы, да позванивало где-то стекло от ветра. «На чердаке, — прислушавшись, определил Зотов. — Надо бы залезть да пару гвоздиков всадить». Тут он вспомнил, что и крышу давно пора латать — весна придет, опять потечет. И кусок рубероида его дружок Гриша Мокригин еще с осени из Гатчины приволок. Но не лежала душа нынче у Николая Ильича к хозяйству, руки не поднимались сделать что-то по дому. И прибаливать он стал чаще, да и просто обрыдло ему все здесь, в лесу.

Нынешняя зима выдалась для Зотова особенно тяжелой. По утрам ему стоило больших усилий встать с постели, растопить печь. Он уже с трудом мог нагнуться и накидать в топку дров.

А начальство, как назло, выделило в эту зиму на его участке несколько делянок мшинским мужикам. Надо было таскаться с ними, клеймить лес, следить, чтобы не прирубили лишку.

Хорошо еще, Гриша Мокригин не забывает — заглядывает, помогает по хозяйству, продуктов привозит — на картошке да на грибах особо не разбегаясь по лесу. А уж если баню поможет истопить, считай, что праздник. После жаркой бани, после венчика березового и спине легче, на неделю-полторы боль отпускает.

С полчасца он еще лежал в постели, курил, думал о всякой всячине. Потом, тяжело покряхтывая, сел, натянул штаны. Пол был стылый, влажный. Николай Ильич принес дров из сеней,

Окончание. Начало в предыдущем выпуске.

затопил печь. Гриша помог летом наготовить да распилить. Для этого дома дров не напасешься, кидаешь, кидаешь, как в прорву.

С Гришей Николай Ильич познакомился в колонии, когда в сорок седьмом получил восемь лет за растрату в колхозной кассе. Гриша вышел на год раньше Николая Ильича, устроился на работу в Гатчине, в лесхозе. Он потом и Николая Ильича в лесники пристроил.

— Зачем тебе, Колюн, в свою деревню вертаться? Ни кола, ни двора. Да и мужики народ злопамятный.

Николаю Ильичу и впрямь не хотелось возвращаться — неудобно было перед земляками. Чувствовал он до сих пор вину перед ними — пустил кассу по ветру, а год-то был нелегкий. Хотя и денег в кассе пустяк был — какие в те годы у колхоза деньги, — а лежали они на душе черным камнем. Собрали колхозники по тридцатке — хотели тянуть в Зайцево электричество.

Жена у Зотова умерла еще перед войной, а сын затерялся в годы оккупации. Поссорились они с сыном, с мальчишкой. Так поссорились, что вышло — на всю жизнь. Временами казнил себя Николай Ильич лютой казнью, что не смог удержать своего Теля, не нашел таких слов, чтобы понял сын — не мог он иначе поступить в то жуткое время. Но и простить сына долго не хотел. Натерпелся через эту ссору от немцев — не приведи господь... И потому горевать горевал, а не разыскал. Обида мешала. Да и жизнь мешала. Из тюрьмы несподручно этим заниматься.

И месяца не проработал после колонии Николай Ильич, как Гриша привел к нему покупателя, разбитного экспедитора из кубанского колхоза. У него и документы были в порядке, и разрешение лесхоза имелось. Только на ольховые дрова. А экспедитору нужен был строевой лес...

Поздно вечером, после ужина, когда экспедитор уже основательно захмелел, Николай Ильич вышел с Мокригиным в сени. Сказал твердо:

— Гришка, ты меня в это дело не впутывай. Хватит, насиделся!

— Да ты что, Колюн? — заюлил дружок. — Дело-то пустяшное — двадцать кубиков. И верняк ведь, комар носа не подточит.

— Нет, Гриша, — стоял на своем Зотов. — Не уговаривай. Чую я, чем пахнут эти кубики.

— А я-то, тюха, думал, дружка имею. На место пристроил, — с презрением, растягивая слова, просипел Мокригин. — Вот она, благодарность... — И зашептал вдруг горячо: — Колюн, Христом-богом прошу, обещал я этому фраеру. И задаток уж взял, да загулял вчера. Мне же ему отдать нечем. Ну как пойдет он настучит? Что же мне, Колюн, кончать его здесь в лесу? А? Может, и правда кончать?

Николай Ильич похолодел, почувствовал противную, тошнотворную слабость. Он хорошо знал, на что способен Гриша.

— Да ты сдурел? — выдохнул Зотов, вцепившись ослабшими от страха руками в пиджак приятеля. — Сдурел, да? Ведь знают, что он с тобой приехал...

Гриша зловеще молчал, будто собирался с духом, чтобы принять окончательное решение.

— Сколько денег-то? — пугаясь еще сильнее, спросил Зотов. — У меня рублей пятьсот найдется.

Мокригин страхнул с себя руки Николая Ильича.

— Да черт с тобой, Гришка! Пускай забирает он свои кубики. Черт с тобой! Завтра отведу его на делянку, — чуть не плача, запричитал Зотов.

— Я знал, старик, что не подведешь, — только и сказал Мокригин.

Но вскоре Григорий опять явился с покупателем. И когда Николай Ильич отказался продать лес, избил старика, не обращая внимания на постороннего. А наедине пригрозил послать письмо в прокуратуру.

— Я-то слиняю, — криво ухмыляясь, сказал Мокригин, — везде крышу найду, а ты сдохнешь в тюрьге.

Несколько месяцев после этого они не видались, а потом Гриша навестил Зотова, когда тот болел. Помог по хозяйству, и все покатилося своим чередом. Зотов махнул на все рукой. Решил с горечью: «Не сложилась жизнь...» К старым деревенским друзьям идти было стыдно. Как же, клейменный.

«Клейменный, клейменный!» — внушал Мокригин. А новых друзей Николай Ильич заводить боялся. Мокригин пугал — с новыми друзьями выпьешь, отмякнет душа — проболтаешься. Доносят. Так и жил, стараясь не думать о будущем. Пока был здоров, глушил все водкой...

Но последние год-два Зотов все чаще и чаще вспоминал с тоской свое родное Зайцево. Несколько раз он встречал в поезде зайцевских баб. Однажды даже заговорил с Полиной Аверьяновой, что жила в Зайцеве через дом от него. Аверьянова с трудом признала Николая Ильича и все охала, жалостливо вглядываясь в его лицо: «Эко жизнь поломала человека! Ведь и не узнать тебя, Коля, не узнать». Николая Ильича раздосадовали ее причитания. «На себя бы посмотрела, кочерыжка», — подумал он. На расспросы Аверьяновой, где он нынче осел, Николай Ильич ответил туманно: «Да есть тут одно местечко...» Желание выспрашивать односельчанку у него пропало. «Почему бы и не съездить туда самому? — думал он иногда. — Что было, то бывшем поросло. Давно уж и забыли мои грехи. Один ли я из деревенских забран-то был?» Он начинал вспоминать, кто еще из зайцевских мужиков сидел в ту пору и за что, но утешения от этого было мало. Двоих взяли за злую драку, конюх Антоша сел за то, что пьяный спалил конюшню. Но никто так не провинился перед односельчанами, как Зотов.

...Позавтракав, Николай Ильич разогрел вчерашнего супу собаке — старой, злой лайке Дружку. Потом вынул из шкафа свой парадный костюм — купил его лет пять назад в Ленинграде, да почти совсем не надевал. Куда в лесу костюм? А в Лугу и в Ленинград Николай Ильич навещался редко. К Грише в Гатчину он ездил в робе. Сегодня повод надеть костюм был — Гриша пригласил отпраздновать день рождения.

Съездить в Гатчину надо было и по другой причине. Вызывал директор лесхоза. Чего уж там стряслось, Зотов не знал, но под ложечкой тревожно сосало.

...Костюм и впрямь был как новенький. Коричневый с красной искоркой. Из ткани с громким названием «ударник». Николай Ильич надел пиджак и подошел к зеркалу. На него смотрел лохматый седой старик с широким морщинистым лицом, заросшим седой щетиной, с впалыми тревожными глазами, под которыми залегла нездоровая желтизна. «Надо в Гатчине в парикмахерскую забежать, — решил он. — Чегой-то вид у меня смурной, глаза вон как у дохлой рыбы».

В Гатчине Зотов был вдесять. Гриша уже ждал его — на столе весело посвистывал чайник, лежала всякая снедь: колбаса, сыр, большой кусок студня.

— Здорово, старче, — обрадовался Гриша. — Выбрался из своих лесов. Давай раздевайся, чайку попьем, погутарим. Я и с начальством договорился прийти попозже.

При упоминании о начальстве у Николая Ильича на лице появилась кислая гримаса. Он скинул ватник, разулся, кивнул на рюкзак.

— Там в мешке грибы... Беленьких тебе приберег.

— Ай да Коля, золото ты у меня, а не кореш, — радовался Гриша, доставая большую банку с грибами. — И костюмчик новенький прихватил! И корочки. Да мы тебя женим, Колюня, женим. Заживешь ты у себя в лесу припеваючи. Такую маруху найдем!

Николай Ильич улыбаясь слушал болтовню друга.

Смеясь и балагурия, Мокригин достал из серванта красивые тарелки, вынул из холодильника бутылку водки:

— По рюмашечке хватим, Коля, для затравки. Артподгостовочка перед генеральным наступлением.

— Мне ведь к директору идти, — сказал со вздохом Николай Ильич. — Чего ему, черту, от меня надо?

— Забежишь к нему, забежишь. По магазинчикам потом пройдемся. Всюду поспеем, — ответил Гриша. — Ты у меня заночуешь. Заночуешь ведь, Коля? Никто там без тебя лес не покрадет? — И громко засмеялся.

Николай Ильич поднял стакан.

— Ну, Гриша, с днем рождения тебя. Дай бог тебе здоровья! Живи и здравствуй!

...Потом они пошли по городу. Николай Ильич чувствовал себя не очень уютно. Вид у него был нелепый — на костюм пришлось надеть ватник, пиджак торчал из-под него, и рукава все время вылезали.

— Ты уж, Григорий, пойди по магазинам один. Купи мне, как всегда, отдельной колбаски батона три, селедки. Чаю поищи индийского. Ну и сам знаешь, — сказал Зотов Грише. — А я заверну в парикмахерскую и в контору. Там встретимся.

В парикмахерской работал всего один мастер, надо было ждать. Николай Ильич сел в кресло у маленького столика с газетами и журналами. Один из журналов был раскрыт на цветных вкладках. Что-то показалось Николаю Ильичу знакомым в деревенском пейзаже с маленькой белой электростанцией. Он притянул к себе журнал и долго-долго рассматривал картинку. Крутой песчаный берег с нависшими над обрывом соснами, заросшая кувшинками гладь реки и серые, крытые дранкой домики среди цветущей сирени...

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

— Клиент, вы стричься или читать пришли? — прозвучал у него над головой капризный голосок.

Зотов вздрогнул от неожиданности и быстро вскочил. Перед ним стояла молоденькая парикмахерша и смотрела на него с пренебрежительной усмешечкой.

— И стричься и бриться, милая, — сказал он торопливо. — Да вот засмотрелся...

— Садитесь уж, — милостиво разрешила парикмахерша. — Как стричь? — Она ходила раздражающе медленно то за ма-

шинкой, то за простыней, то еще за чем-то. Николай Ильич смирился. Сидел размякнув, всматриваясь в свое отражение в зеркале, и теплая волна жалости к самому себе постепенно накатывала на него. «И впрямь глаза, как у дохлой рыбы, — думал он. — Старый больной старик. Никому не нужный. Так и сдохну у себя в лесу, а сын никогда и не узнает, где моя могила. Гришка вон закопает...»

Парикмахерша постригла его, небрежно стряхнула на пол копну седых волос. Потом долго мылила ему лицо пенистым горячим кремом. Николай Ильич зажмурил глаза. Ему вдруг нестерпимо захотелось спать. Сидеть бы здесь и сидеть, ощущая, как ловко колдуют над твоим лицом женские пальцы. Он вспомнил вдруг картинку из журнала, которую только что видел. Она стояла у него перед глазами словно наяву. «Так это ж наше Зайцево! — подумал он. — Ну до чего ж похоже!»

— Клиент, вы что дергаетесь? — привел Николая Ильича в чувство голос мастерицы. — Заснули? Я ведь так и порезать могу!

«Эх, надо бы журнальчик этот попросить у них, — подумал он. — Надо бы попросить. Рассмотрю все на досуге. Нарисовал же кто-то!» На душе у него сделалось радостно. И когда парикмахерша спросила, делать ли компресс, он сказал весело:

— Давай, милая, делай. И компресс, и одеколоном побрызгай.

После бритья и стрижки Николай Ильич почувствовал необычное облегчение, какую-то приподнятость. В зеркало на него смотрел будто другой человек, помоложе годков на десять и чуток благообразней. И глаза не такие скучные. «Эх, живем еще, живем! — подумал Николай Ильич. — Гульнем сегодня с Гришей. Такому-то, как я, не грех и бабу приглядеть. Почаще надо из лесу выбираться». Даже мастерица, видать, подивилась, как преобразился под ее руками клиент. Она уже не смотрела так откровенно пренебрежительно, а спросила с заискивающей ноткой, всем ли доволен гражданин. А может, просто чаевые получить хотела.

Николай Ильич расплатился, дал ей двадцать копеек «на чай» и пошел одеваться. Принимая из рук гардеробщика свой ватник, он спросил его шепотом:

— Ты не уважишь меня, дядя, не разрешишь журнальчик забрать, а? Позарез нужен.

— Вы что, гражданин? — бесцветным голосом сказал гардеробщик, пожилой инвалид. — Если каждый клиент будет по журнальчику уносить... И так все порасташили.

— Да я не бесплатно, я заплачу, — заторопился Николай Ильич. Полез в карман и, вынув рубль, сунул инвалиду. Тот проворно спрятал рубль в карман и молча кивнул на столик с журналами.

В контору Зотов пришел в приподнятом настроении.

Директор лесхоза, молодой еще мужчина, кряжистый, хмуроватый, долго смотрел на Николая Ильича. Видать, тоже почувствовал в старике перемену. Потом сказал, посуровев:

— Жалуются, Зотов, на тебя. По два, по три раза ходят на кордон люди, чтоб ты им делянку отвел. То на месте тебя нет, то занемог. С Мшинской ведь дорога не ближняя...

Николай Ильич сделал смиренное лицо, но от сердца отлегло — боялся он, не прознал ли директор про лося. Стукнул он лосиху перед Николай-зимним.

— Ну что ж молчишь, Зотов? — недовольно спросил директор.

— Да ведь что сказать-то, Анатоль Тарасыч, что сказать? Ясно дело, жалуются. На каждого не угодишь, — развел руками Николай Ильич. — Я ведь на кордоне не сижу. Все по лесу шастаю. У нас ведь глаз нужен — сто первый километр, живо машину с лесом налево вывезут. А мшинские-то все строятся. Где лесина плохо лежит, все норовят к делу приладить...

— Ну ты не загибай, Зотов, — перебил его Анатолий Тарасыч. — По-твоему выходит, все там жулики да воры. Уж я-то знаю, сколько мшинские у нас леса покупают. И ты знаешь. Все чин по чину.

— Так опять же елки к Новому году рубали, — вставил Николай Ильич.

Но директор махнул на его замечание рукой:

— Станут в такую глушь за елками ездить! Я вот о другом думаю — не надоело ли тебе, Зотов, в лесу одному бирючить? Работашь спуста рукава. — Он немного помолчал, глядя на лесника, и спросил уже более мягко: — Сколько уже стукнуло-то?

— Шестьдесят пять, Анатоль Тарасыч. Годы мои и правда немалые. Только все это напраслину на меня возводят, Анатоль Тарасыч. Я, конечно, не тот, что прежде. Да ведь старый конь борозды не портит, — Николай Ильич сказал это чуть обиженно, с просительной ноткой. А сам подумал: «Вот идол, в сыновья мне годишься, а тыкаешь! Что мы с тобой, водку вместе пили?»

— Ну ладно, ладно. Закончим на этом. Но ты себе сделай заметку. Будут опять жаловаться — по-другому разговор пойдет.

Он расспросил Николая Ильича, как приживаются посадки, на какой площади сделана санитарная рубка, не сохнет ли лес от подсыхания в тех местах, где берут живицу. На том и отпустил.

...К Грише Зотов пришел улыбающийся, довольный.

— Ну и дела! — покачал головой Григорий. — Ты и впрямь никак жениться решил, жеребец? Тебя ведь, такого стриженного, и Дружок не узнает.

— Смотри! — развернул Николай Ильич журнал. — На мое Зайцево похоже! Как две капли...

Гриша мельком взглянул на картинку. Сказал со вздохом:

— Было Зайцево, Коля, твоим когда-то... Чего о нем вспоминать. Я уж думал, ты давно его из головы выбросил.

— Да ведь как выбросишь, — разочарованный реакцией друга, вяло протянул Николай Ильич. — Родные края.

— В краях этих родных мужички да бабы подумали о тебе, когда решили под суд отдать? Простить отказались! Вспомнил о тебе кто-нибудь, когда ты на Севере зону топтал? Родные края... Эх ты! Нету у нас с тобой родных краев. И родни нету, — в сердцах бросил Гриша.

— Да уж, что верно, то верно, — прошептал лесник, — про-

сти они мне тогда, вся жизнь у меня бы по-другому повернулась. — Он сложил журнал вчетверо и запихал в мешок.

Весь вечер они провели в ресторане. Здесь было шумно, дымно от курева, пахло пережаренным мясом. У Николая Ильича с непривычки разболелась голова. А Гриша чувствовал себя здесь как дома. К их столику несколько раз подходили какие-то незнакомые Зотову люди, здоровались дружески с Гришей. Иных он усаживал рядом, приглашал выпить.

— Пятьдесят пять не каждый год человек справляет, — кричал он громко.

Николай Ильич с удивлением отметил, что Гришу здесь многие знают. И официант, молодой прилизанный парнишка с тонкими усиками, называл его почтительно по имени-отчеству: Григорий Иванович. «А говорит — как и ты, бирюком живу, ни друзей, ни знакомых». Николаю Ильичу было неприятно и немного грустно оттого, что у его старого друга Гриши есть какие-то иные, свои интересы, что он бывает в ресторане, да и еще, наверное, в разных местах. «Может, даже веселится в компаниях, — подумал Николай Ильич, но тут же отогнал эту завистническую мысль. — Так ведь ему без этого не обойтись. Клиентов на лес искать надо, застройщиков всяких. А такие дела где закрепляются? В ресторане».

— Коля, кореш ты мой. — Гриша уже изрядно захмелел, глаза у него сделались маленькими, блестящими. — Коля, старые мы с тобой хрычи. Никому-то мы не нужны. Ну ничего, сами за себя постоим... Годика через три займем домик на теплом море, участок свой. Заживем другим на зависть... Отогреем старые кости... Тут опять станичник приезжал, — перешел он на шепот. — Нужно им еще сто кубов. Документы в полном ажуре. Если эти кубики мы сварганим, считай, что полдома у нас в кармане. Отвесят они нам косуху.

— Много сто кубиков-то, — встревожился Николай Ильич. — Ведь это ж не воз ольхи, сколько я тебе твержу. Тарификация будет — и дурак заметит. Кончать надо с этим. Нету моей мочи.

— Документики, документики у станичника в ажуре, дурья голова, — буркнул Гриша. — Я все это проведу через лесхоз. Ну как ты понять не можешь — ведь законно все, законно.

— Чего ж они тогда косуху отвалить обещают, — устало сказал Николай Ильич, — ежели законно? Ты мне-то не крути. Я и сам бухгалтерией занимался. А куда попал?

— Да ведь просто фондов у них нет, у этих станичников. Не отпущены фонды на этот год. Да и лес строевой не положено им продать. А мы оформим. Чудило. Это не то, что в прошлые разы. Чистое дело. Я тебе, Коля, не зря толкую, будет у нас домик на теплом море. И на книжке деньжата останутся!

Иметь домик на теплом море — это была давнишняя их мечта. В колонии, на лесоповале в Архангельской области, укрывшись холодным, совсем не греющим одеялом, прижавшись друг к другу, мечтали они морозными ночами о том, как, закончив срок, уедут в теплые края, на Черное или Азовское море, купят маленький домик, разведут огород и заживут теплой и сытой жизнью.

Когда Гриша из колонии выходил, сговорились, что по-

едет он на Кубань, будет присматривать недорогой домик. Но вскоре Николай Ильич получил от него весточку из Гатчины. Друг звал туда. «Домики, Коля, дороги нынче, — писал он. — Да и поиздержался я в дороге. Надо подкопить денжат, а там уж и двинем».

На Кубани обзавелся Гриша нужными знакомствами, обещал кое-кому помогать по части леса. Нужда там в нем всегда бывшая.

...Они пили много. Гриша заказал шампанского, и Николай Ильич, прислушиваясь к звукам музыки, любуясь на танцующих, вспоминал о своем лесе как о чем-то совсем-совсем далеком и почти нереальном. Он чувствовал себя молодым, сильным, уверенным в себе. «Пригласить потанцевать, что ли, кого?» — подумал он, приглядываясь к женщинам, сидящим за соседним столиком. Но не решился. Шутка ли, не танцевал лет двадцать пять.

12

Утром Николай Ильич едва встал. Голова кружилась. Гриша уже ушел на работу. Оставил на столе записку: «Коля, шамовка в холодильнике. Забирай подчистую». Николай Ильич собрал свой вещмешок, вытащил из холодильника закупленные Гришей продукты. Есть ему не хотелось. Налил только водки из псчатой бутылки и, крякнув, выпил. Но легче не стало. Уже одевшись, обув валенки и ватник, он прошелся по комнате. Постоял у серванта, разглядывая фужеры, рюмки. «Эко накупил Гришка Собашник. Кто бы подумал». В колонии Мокригина звали Собашником за то, что однажды на лесосеке он подманил коркой хлеба собаку, видать, отставшую от охотников, и, убив ударом топора, варил в котелке целую неделю.

В вагоне Зотов вспомнил про журнал и с трудом разыскал его среди пакетов с продуктами. Теперь уж он повнимательнее рассмотрел все картинки. Их было четыре. И на одной его деревня, Зайцево. Только подпись какая-то чудная: «Т. Алексеев. Воспоминания о прошлом». На других картинах были изображены незнакомые места — живописные домишки, сети, сохнувшие на заборе, большие остроносые лодки на песчаном морском берегу. А подпись под всеми одна — Т. Алексеев. Николай Ильич стал листать журнал и вдруг остолбенел: с маленькой фотографии на него смотрел сын!

«Да как же это? — прошептал старик. — Тельман, сынок! Откуда?» Он стал читать, что там было написано, но глаза застилала пелена. Буквы рассыпались, расплывались, и, как ни тер Николай Ильич глаза, ничего не мог разобрать. Наконец немного успокоился, пришел в себя. Повернув журнал ближе к свету, медленно прочитал небольшую заметку «Дороги художника Алексева». Речь шла о его Тельмане, о Тельмане Зотове! «Ну почему же здесь написано «Алексеев»? — недоумевал Николай Ильич. — Вот ведь даже и отчество — Николаевич».

И вдруг его словно ожгло: «Фамилию материну взял. Не захотел отцову носить. Не простил...» Он бессильно уронил

журнал на колени. Жгучая обида душила его. Николаю Ильичу стоило большого напряжения не разрыдаться. Найти для того, чтобы потерять! Одно мгновение радости только затем, чтобы тут же испытать горечь ни с чем не сравнимой обиды.

— Чего, старик, горе у тебя? — спросила участливо старушка, сидевшая напротив.

Николай Ильич только молча взглянул на нее и опустил глаза.

— Э-эх, — вздохнула старуха. — Нас, стариков, одно лишь горе поджидает. Радости-то наши вышли все. Тю-тю наши радости.

Николай Ильич всю дорогу сидел понурившись. Ему не хотелось ни думать, ни двигаться — вот так бы все ехать и ехать, нигде не останавливаясь, ни с кем не разговаривая. Так и умереть — тихо, никем не потревоженному, с нерасплесканным жгучим горем в сердце.

Но, подъезжая к Мшинской, он все же встал со скамейки, словно повинувшись постороннему приказу. На платформе с ним кто-то поздоровался, Николай Ильич кивнул машинально, даже не разглядев кому. Он шел через большой заснеженный лес по знакомой, тысячи раз исхоженной тропинке, не глядя под ноги, время от времени оступаясь в глубокий снег. Ветер глухо гудел в вершинах елей, и постепенно его шум дошел до сознания Николая Ильича, а вместе с шумом и сам лес, и снега вокруг, и узкая тропинка под ногами. Зотов словно проснулся от сна, но боль в сердце осталась. Жгучая боль. И первой мыслью, которая пришла здесь, в пустынном, неприветливом лесу, была: а не сам ли виноват в том, что разошлись, разлетелись они с сыном по разным дорогам? Ну поссорились, крепко поссорились они в августе сорок первого. Да что из того? Разве это на всю жизнь — ссора отца с подростком-сыном? Ведь добра же, добра хотел он Тельману. От смерти уберечь хотел!

Что было, то прошло. Так почему же потом, после войны, не разыскал он сына, единственного во всем белом свете родного ему человека? Не разыскал, не посмотрел ему в глаза, не попросил прощения. А надо было попросить. Просить до тех пор, пока он не простил бы. Просить прощения за минутную слабость — да мыслимо ли было устоять в ту пору? Ведь слаб он, слаб, как и всяк человек. И сын бы простил. Простил бы, это Николай Ильич твердо знал. Родная кровь.

Как много могло измениться тогда! И жизнь могла пойти совсем не так, как пошла. Да разве попал бы он в тюрьму, если б сын стоял рядом? Сын — опора, надежда. Смысл жизни. Так почему же не разыскал он его, почему?

«А если бы не попался мне этот журнал с портретом Тельмана, стал бы я сына разыскивать? — подумал Николай Ильич. — Столько лет не искал...»

Он шел, еле волоча ноги, весь во власти воспоминаний, то отчаиваясь, то снова загораясь надеждой.

«А может быть, и не со зла поменял Тельман фамилию, может, жизнь заставила? — мелькнула у него мысль. — В жизни каких только передраг не случается — можно и имя свое за-

быть, не только фамилию. Отчество ведь сын не сменил? Николаич ведь, Николаич!» — с надеждой прошептал он.

Когда старик подходил к дому и из-за деревьев еще невидимый ему Дружок радостно взлаивал, почуяв хозяина, Зотов твердо решил узнать в справочном бюро адрес и послать сыну письмо.

13

...На следующий день к вечеру неожиданно приехал Гриша Мокригин.

«Что-то случилось, — испугался Николай Ильич, вглядываясь в хмурое лицо друга. — Ох, не ровен час о продаже леса дознались?! Не собирался ведь он так скоро».

А Гриша болтал о разных лесхозовских мелочах и сплетнях как ни в чем не бывало, будто только ради этого и приехал. Но глаза тревожно смотрели. Так тревожно смотрели глаза, что Николай Ильич не выдержал и, сам заражаясь тревогой, спросил:

— Да не тяни ты, черт! Чего стряслось-то?

— Чего у нас может стрястись? Соскучал — вот и прикатил. Невмоготу мне. С утра до вечера только и слышишь — рубли, проценты, выполним — перевыполним. К тебе в лес приеду — душу отвожу. Будто снова родился. — Он подмигнул Зотову, вытащил из мешка бутылку водки. Но Николай Ильич чувствовал: спокойно у друга на душе, хорохорится для виду. Уж он-то Гришу знает — не первый год знакомы. «Ну да ладно, поиграйся, надоест — сам расскажешь», — подумал он. Достал из подпола грибков, поставил картошку варить.

Они допоздна балагурили о том, о сем. Вспомнили свою жизнь в колонии. Колония была строгого режима, магазин — один раз в месяц. Посылок ни Зотову, ни Мокригину никто не присылал. Бывало, раскурят одну на двоих самокрутку, сидят на поваленной сосне да размечтаются: «Эх, сюда бы картошечки горячей, рассыпушечки, да кусок хлеба...» — «Да шмат сала», — подскажет кто-нибудь. Домечтаются до спазм в желудке, пока не крикнет бригадир: «Кончай ночевать. Нава-ались!»

Николай Ильич постепенно успокоился, а может, водка подействовала. Только решил: знать, и вправду ничего не приключилось. Мало ли чем Григорий был расстроен поначалу.

Когда они легли спать и Зотов задул лампу, Мокригин сказал мечтательно:

— Хорошо тут у тебя, Коля, ей-бо, хорошо. Так сердце успокаивается. А ты Зайцево вспомнил! Картинки увидел! Да разве ты жил бы в Зайцеве в таком спокойе?

Николай Ильич вдруг спохватился: «Что же это я про Тельмана Грише ничего не сказал? Вот ведь гусь! Все думаю, дай скажу, дай скажу, а не сказал».

Сказать-то он хотел, сразу хотел сказать, едва Григорий порог переступил, да медлил. Словно кто останавливал его.

Николай Ильич поворочался на кровати и, наконец решившись, сказал:

— Гриша, а ведь те картинки, ну что в журнале я тебе показывал, их Тельман рисовал. Сын.

Мокригин молчал.

— Ты слышь, Григорий? — позвал Николай Ильич.

— Слышу, — как-то отрешенно ответил Мокригин. — Сыскался, значит.

— Вот ведь как жизнь-то распорядилась, — сказал задумчиво Николай Ильич. — Я думал, загинул он. С войны ведь, с сорок первого, ни одной весточки не было, а он в художники вышел. Недаром мальчонкой рисовать любил. Только фамилия у него другая, Гриша. Не Зотов он.

Гриша вдруг расхохотался:

— Да с чего ты, старик, взял, что это твой сын? Мало ли Тельманов на свете! И почудней имена есть. А ты заладил: сын, сын. Рассусоливаешь мне про него...

Николаю Ильичу было обидно слушать Гришин смех. Он сказал:

— Мой это Тельман, Гриша. Портретик там есть. Точно мой. Да и написано: Тельман Николаевич. Только Алексеев. Материну фамилию взял. Может, чего случилось? Пятнадцать ему было, когда с пленными солдатами-то от немцев сбежал. — Зотов тяжело вздохнул. Воспоминания его одолевали. Горькие старческие воспоминания. Он долго ворочался, потом снова заговорил:

— Вот что мне интересно — женат он или нет? Да уж, конечно! — сам же себе ответил Зотов. — Сорок пять ему в нынешнем мае будет. Дак ведь я, Григорий, наверняка дед! — оживился он. — Дед я, Григорий. А может быть, и прадед даже. А что? Ежели он, как и я, в девятнадцать поженился. Тельман-то у нас с Василисой рано появился, ой как рано. Ой, гуси-лебеди, прадед! Слышь, Гриша? Прадед.

Мокригин молчал.

— Я, Гриша, решил написать ему и адрес уже запросил. Что старое вспоминать? Жить-то всего ничего осталось. Заснешь когда ни то и не проснешься.

— Забыл, значит, ты все обиды, забыл, как тебя из-за сына твоего, щенка, фрицы чуть в расход не пустили? — неожиданно зло рявкнул Мокригин. — Он от тебя убежал, на смерть оставил, а ты... Он столько лет о себе и знать не давал! Сам ведь мне столько раз плакался. Ты что думаешь, не знал он, что папаша у него по тюрьмам да колониям восемь лет от звонка до звонка отыщачил? Держи карман шире! Как миленький знал. Уж он-то в Зайцево твое распроклятое не раз, видать, съездил. И не хотел бы, дак землячки твои все ему рассказывали. В лучшем виде.

«Чего он так злится? — удивился Николай Ильич. — Чудак-человек».

Словно спохватившись, Мокригин смолк. Потом сказал уже спокойно:

— Я тебе, Коля, и вчера говорил: выбрось из головы эти фокусы-мокусы. Деревенька моя — ах, ах! Сынок теперь сыскался... Прожил полжизни без земляков и без сына и еще проживешь. Без друга — никогда. Нет жизни без верного кореша. Нет опоры. А землячки, детки — фить, разлетелись в разные

стороны, кричи — охрипнешь! — Он заворочался в кровати так, что пружины застонали. Достал со стула папиросы. Закурил.

— Я вот, Коля, в детдоме вырос. Без роду без племени. Сколько себя помню, все сиротствовал. А не тянет меня в те края пермские, не тянет. Никуда не тянет. Знаешь, как говорится, рос мал, вырос пьян, ничего не знал. — Григорий громко, натужно захохотал.

Потом они долго лежали молча. Николай Ильич курил, думал. И, уже совсем засыпая, сказал мечтательно:

— Нет, Гриша, что ты ни говори, а напишу я сыну письмо.

Мокригин не ответил. «Наверное, уже спит, — подумал Николай Ильич. — Ну да бог с ним. Проспится — отойдет. И чего он разошелся?»

Но утром Григорий встал хмурый. Молча поел картошки, поджаренной с лосятиной, выпил полстакана водки. А когда оделся и собрался уходить, сказал:

— Ты вот что, Коля, поступай как знаешь. Но помни — я твоему сыночку сказочку расскажу, кем его батя был и кем стал. Как нынче поживает. Откудова у него денежки завелись. И еще подумай, Коля, — не за наши общие дела беспокоюсь. Я тебя другом считаю, душевным. Так что решай. Мое слово, ты знаешь, верное.

Повернулся и ушел, хлопнув дверью и пнув в сенях подбежавшего к нему приласкаться пса.

«У-у, разбойная рожа, — прошептал Николай Ильич, глядя из оконца на удаляющуюся фигуру Мокригина. — Сдурел мужик. Будто белены объелся. «Я тебе друг, я тебе друг!» А как поперек что скажешь, того и гляди в рожу заедет. И чего он ярится?»

Зотов долго сидел не двигаясь, тяжело навалиясь на стол. Глядел пустыми глазами сквозь замерзающее оконце на темный ельник, где только что скрылся Григорий. Ледяные мохнатые веточки незаметно, будто сами собой, рисовались на стекле, сплетались в причудливые узоры, постепенно закрывая от Николая Ильича белую поляну с небольшим стожком и синеющий в рассветной мгле лес.

«Не доведут меня до добра мои думы, — вздохнул Зотов, оторвав наконец взгляд от заледеневшего окна. — Делом надо заняться». Он убрал со стола и сел подшивать валенки: давно собирался, да все было недосуг. Николай Ильич принес из кладовки кусок войлока, вар, дратву. Сапожный нож оказался туповат, и старик долго точил его на бруске. Ему вспомнилось, как он познакомился с Гришей. Гриша

только что прибыл из пересыльной тюрьмы и сразу же проигрался в карты. Наутро он отправился на работу в лес, напялив на себя несусветное тряпье. На ногах у него болтались голенища от валенок, а на ступни были намотаны прикрученные веревкой тряпки. Вечером Николай Ильич стал свидетелем того, как, прижав в углу барака совсем молоденького плачущего паренька, Мокригин сдрючивал с него старенькие валенки. Зотову стало жаль мальчишку, и он сказал Грише:

— На что позарился? Через два дня будешь голыми пятками сверкать... А из твоих голенищ я фартовые валеночки слеплю. Сносу не будет...

Мокригин глянул на него зверем. Спросил:

— Сколько паяк?

— За так сделаю, — махнул рукой Зотов и за вечер смастерил Грише из голенищ приличную обувь. Батина школа пригостила — Илья Куприянович Зотов был лучшим сапожником на всю волость.

Николай Ильич подшивал валенки и вспоминал про колонию, про то, как сошлись они с Гришей. Тогда разница в годах была особенно заметна. Это сейчас она почти стерлась, не чувствуется. А в то время Мокригин против Николая Ильича совсем мальчишкой выглядел. Зотов подумал о том, что в первое время их знакомства, глядя на Гришу, все сына вспоминал. И нет-нет да рождалась тревожная мысль: «Ну как и сын по кривой дорожке пошел? Так же, как этот Гриша Собашник, сидевший за грабеж». Только раньше злость на Тельмана все другие мысли пересиливала. Вспомнит, погорюет, да и снова забудет надолго.

Чего уж стал покровительствовать ему Гриша, Николай Ильич в толк взять не мог. Да и задумываться не хотелось. Сдружились и ладно. Может, оттого, что родителей Мокригин не знал, по детдома скитался? А может, из-за того, что Николай Ильич всегда был ровным, спокойным, не обижался на злые Гришины выходки? Жалел его.

Он подумал об этом сейчас, и жалость к Мокригину шевельнулась в нем, но тут же погасла. «Женился бы и жил спокойно», — подумал Николай Ильич, хотя раньше любая мысль об этом вызывала в нем легкое чувство ревности.

14

Отослав сыну письмо, Николай Ильич не находил себе места, Тревога словно навечно поселилась в его душе. Ночами он почти не спал. Полежав часа два в холодной постели, то забываясь на несколько минут в чуткой дреме, то снова просыпаясь, будто кто-то подталкивал его, Николай Ильич вставал, закуривал и, накинув на плечи телогрейку, ходил бесконечно по комнате, вздрагивая от скрипа половиц. Дружок, чувствуя, что хозяин не спит, жалобно повизгивал в сенях.

Под утро Зотов начинал топить печь, чтобы хоть как-то занять время, отвлечься. И долго сидел у огня, глядя, как пожирает пламя сухие березовые поленья, машинально подбирая отскочившие угольки и бросая их снова в топку.

Получил ли сын письмо? И о чем подумал, прочитав неровные отцовские каракули, которые так трудно ему дались, и за которыми столько боли, столько надежд?

В один из дней Николай Ильич спозаранку, надев лыжи, сходил в Пехенец. Узнать, нет ли весточки от Тельмана. Почту еще не привозили, и он просидел часа полтора в ожидании. Письма Зотову не было. Николай Ильич хотел было идти на кордон, но подумал: а не позвонить ли Грише? Может, отмяк его друг-приятель?

Он заказал разговор с Гатчиной и долго ждал, пока соединят. Кроме него, на почте не было ни одного посетителя. Сонная тишина стояла в комнате. Время от времени начинал стрекотать телеграф да вполголоса обсуждали какую-то Люську телефонистка и еще одна востроносая очкастая девица, наверное заведующая почтой. Резкий звонок заставил Николая Ильича вздрогнуть. Телефонистка молча протянула ему из-за барьера трубку.

— Кто? — отрывисто прозвучало в трубке. Это был голос Мокригина.

— Григорий?

— Говорите, — официально произнес Мокригин. Видать, не признал.

— Григорий, это я, Николай.

— А-а, Колюн! — наконец узнал Мокригин. — Здравствуй! — Он сказал это весело, но Николай Ильич не уловил обычной теплоты в голосе друга. «Сердится», — подумал Зотов и вздохнул.

— Ты чего молчишь, Колюн? — спросил Мокригин. — Как дела?

— Да все нормально, — скучным голосом ответил Николай Ильич. Он уже жалел, что позвонил. — Хотел вот узнать, как ты? Перемолвиться хотел.

— Все так же я, Коля. Все так же. Без изменений. А насчет перемолвиться... — Он помолчал несколько секунд. — Насчет перемолвиться это можно. Завтра жди с трехчасового. Ну будь!

Николай Ильич повесил трубку и, грустный, поплелся к себе на кордон.

Он делал все машинально, словно в полусне. Отвел двух лужских мужиков на делянку, пометил, что рубить. У мужиков был выписан наряд на строевой лес.

И снова думал о сыне. Представил, как сидят они с Тельманом за столом и говорят, говорят о врозь прожитых годах. Сколько им надо вспомнить, о скольком переговорить! А потом он поведет сына в лес, покажет самые заповедные, самые красивые уголки. И на медведя они сходят вместе. А весной свезет он Тельмана на Вялье озеро, где на маленьком островке токуют тяжелые сторожкие глухари, покажет Орелью Гриву и теревинные тока за Владычином. Как они бурлят ранним весенним утром, когда лес и поляны еще скрыты густым туманом. Полюбуется здесь сыну, ей-богу, полюбуется. Эх, только бы он ответил на письмо. Только бы не держал на сердце зло. Отец же он ему, родная кровь.

Ну и зачем им старое вспоминать? Зачем? Кто старое вспоминает... Да и жизнь прошла, и Тельман не мальчик, время ли в прошлом копать?

Думал так Николай Ильич, и на душе у него теплело. Но потом вдруг вставало перед ним злое Гришино лицо, и все светлые мечты расплывались, и оставалась одна горечь и тревога. И тревога эта с каждым часом усиливалась и усиливалась.

В тот день, когда обещал приехать Мокригин, Николай Ильич совсем упал духом. Временами он чувствовал такую слабость, что мутилось в голове. Хотелось лечь, закрыть голову подушкой и не шевелиться, не вставать, не думать ни о чем.

Ну что ему, Грише, Тельман? В дом, что ли, просится? Что плохого, если у твоего друга нашелся сын? Почему не радоваться вместе? Ведь у них-то ничего не изменится. Почему, почему Гриша так разозлился, когда узнал, что Зотов хочет разыскать сына и помириться с ним? Может, думает, что не смогут они теперь лес на сторону продавать? Так ведь давно уже говорил Грише Николай Ильич — все, будя, последний раз уступил ему — и амба. Не тот возраст, чтобы снова зону топтать.

«Ах, Гриша, Гриша! — вздыхал Николай Ильич. — Неужель решил ты, что наши общие денежки делить я с тобой буду? Тьфу, денежки. Если бы Тельман весточку прислал, если бы выпало такое счастье — зачем мне эти денежки? Прожил бы я вместе с сыном и без них. Да и о чем разговор — вилами все на воде писано, не откликнулся сын и, может так статься, не откликнется. — Но тут же он себя одергивал. — Нет, нет, такого быть не может! Разве оттолкнет он старого, больного отца?

А Гриша-то: «Все твоему сыну выложу, все. И про то, что сидел, и про то, как сидел! И о том, что лес ворует долгие годы». Ну, положим, что сидел — зачем скрывать. От тюрьмы да от сумы грех зарекаться. А коли и вправду он про лес скажет? Нужен Тельману старый папаша вор! Вор! Сын человек известный, уважаемый, ему грехи отцовы — не медаль на грудь. Да ведь Гришка-то окаянный, лихой человек, он и прокурору заявит. Подкинет письмишко, а самого ищи-свищи. Денежки наши общие в карман, а сам в края далекие.

И чего это Гришка таким злым уродился? — думал Николай Ильич. — Чего он всех ненавидит? Жизнь с ним зло поступила? Несправедливо? Ну рос без отца, без матки... Да ведь мало ли сиротства на белом свете?! Вон после войны сколько сирот осталось! А ведь людьми выросли... Нет, тут что-то другое у Гришки. Может, оттого, что слабый в детстве был и каждый им помыкал? А потом нож в руки взял и увидал, что бояться? Силу почувял.

Эх-ха-ха! Вот она, жизнь, что с человеком делает. И ведь отмяк он нынче, отмяк. Поглаже стал. А тут снова!»

Голова у Николая Ильича раскалывалась от этих дум. Временами ему казалось, что он напрасно послал письмо сыну. Может, и впрямь не стоило писать? Прожил же он столько лет без Тельмана. Скоротал бы с Гришей Мокригиным и те немно-

гие годы, что остались. Вон сам Гриша — один как перст. А не горюет. И не зря говорит ему, Николаю Ильичу, что ни друзей, ни близких, кроме него, нет. Но такие мысли приходили и улетучивались, а оставалась одна жгучая боль под сердцем. Да зрела злость на того, кто встал на пути к сыну.

В полдень, когда до приезда Гриши оставались считанные часы, Николай Ильич вдруг понял, что Гриша не отступит из задуманного. Он вспоминал долгие годы своего знакомства с ним, мелкие, на первый взгляд ничего не значащие случаи из их житухи в колонии, всю их последующую вольную жизнь, и чувство беззащитности перед Мокригиным охватило все его существо. Нет, Гриша никогда не отступался от задуманного. Что-то в нем было такое, что заставляло людей подчиняться ему. Николай Ильич считал, что только ему повезло на дружбу с этим суровым, может быть, даже жестоким человеком, но сейчас ему показалось, что и его дружба с Мокригиным была лишь цепочкой уступок, незаметного для себя подчинения его воле, его желаниям. Он опять вспомнил историю с собакой, и ему стало страшно оттого, что не послушался Гришу, поступил, может быть, в первый раз по-своему. Да ведь как иначе-то поступить?! Сын же, сын родной отыскался!

...Зотов посмотрел на часы. Половина третьего. Мокригин приедет трехчасовым поездом. Он всегда был верен своему слову. Около пяти Гриша должен быть здесь.

Зотов надел телогрейку, вышел в сарай. Там, в ловко выдолбленном трухлявом бревне, Николай Ильич прятал старенький трофейный карабин, купленный по случаю несколько лет тому назад у одного заезжего мужика. Он даже и не купил его, а поменял на десяток добрых бревен. Изредка, лишь в самых крайних случаях, он доставал карабин, чтобы завалить лося. Да и то когда был уверен, что егерь в отъезде. Вот только с патронами последнее время было плохо. Негде достать. Николай Ильич проверил обойму. «Нет, Гриша, не за тобой последнее слово!» — зло прошептал старик, заталкивая обойму в магазин.

Начинался снегопад. Низкие белесые тучи медленно разворачивались над лесом, а за ними темнели другие. На небе не было видно ни одного просвета. Холодный ветер пронизывал насквозь, и Николай Ильич почувствовал, что его начинает бить мелкая дрожь. Он прибавил шагу, но лыжи утопали глубоко, и идти было трудно. Зато он скоро согрелся. Зотов не задумывался сейчас о том, что будет. Ему казалось: устрани он Мокригина — и все образуется. И не жаль ему Мокригина, совсем не жаль. И хорошо, что снег пошел. Небось к ночи столько нападает, что никаких следов не останется.

Зотов шел и шел, останавливаясь передохнуть, и минута от минуты росла в нем злость на Мокригина, из-за которого приходится вот тащиться по глубокому снегу, вместо того чтобы ждать письма от сына, сидя в тепло натопленном доме.

«Ну ничего, Собашник, потружусь на тебя в последний раз. Уважу, — вскипая, думал Зотов. — Сполна рассчитаюсь за все твои заботы. Пиши потом к прокурору донос на старого Зотова, сажай его в тюрьму за то, что с сыном видется захотел. Накось выкуси! Ты мне к сыну дорогу не загородишь!»

Когда Николай Ильич взобрался на невысокую горку, которую почему-то все называли Орельей Гривой, он обрадовался. Впереди, шагах в пятистах, чуть заметной серой полоской выбегала из лесу тропинка, ведущая со станции во Владычкино. Ходили по ней редко. Да и кому ходить-то?

Зотов стал за маленькой елкой, осторожно отвел затвор, загнав патрон в патронник. Он был уверен в себе — стрелял всегда без промаха. А там пусть думают-гадают. Мало ли в лесу охотников. Пуля — дура.

Николай Ильич почувствовал, сердцем почувствовал, что Гриша Собашник сейчас появится из бора. Перехватило дыхание и чуть дрогнула рука, когда он поднял карабин примериться. Но Николай Ильич справился с охватившим его ознобом, глубоко вздохнул, на мгновение почувствовав, как заколотилось сердце, и тут же увидел Гришу, его мохнатую рыжую шапку. Еловый подрост почти скрывал Мокригина. Зотов видел только голову да успел разглядеть вещевой мешок за спиной. «Небось продуктов несет своему дружку Коле», — мелькнула злорадная мысль, и он нажал на курок...

Ветер усилился, посвистывал зло и тонко, гнал навстречу поземку. «Несподручно мне по лесу с карабином таскаться», — думал Зотов, оглядываясь по сторонам. Но вокруг было пустынно и неприятно. В сумерках лес выглядел тревожным и незнакомым, и казалось, что там кто-то прячется и следит за каждым шагом.

Он пришел домой в потемках, совсем обессиленный. Спрятал карабин. Но на душе у него было спокойно. Словно стрелял не сам он, Зотов, а кто-то другой. Какой-то мало знакомый ему человек понял его страдания и горе и сжалился над стариком, освободив от стыда за подленькое рабство в прошлом и от страха за будущее, открыл ему дорогу к сыну. И он, спаситель, и грех на душу взял.

Впервые за несколько дней Николай Ильич хорошо спал,

На следующее утро он снова зашел в Пехенец на почту. Письма опять не было, и Николай Ильич, дождавшись попутки, отправился на Мшинскую, на электричку. О Грише он и не вспоминал, только, проезжая Гатчину, кольнуло ему сердце тревогой. Но он успокоил себя. Вот и в Пехенце никто ничего пока не знает. Видать, не наткнулись на Гришу — где-где, а на почте-то уж наверняка знали бы.

15

...Тельмана дома не оказалось. Сколько ни звонил Николай Ильич, за дверью было тихо. Зотов медленно побрел прочь, решив где-нибудь наскоро перекусить и зайти попозже. «В крайнем случае с последней электричкой уеду, — подумал он. — К ночи-то вернется сын. Мало ли какие дела. На службе задержался».

Зотов долго ходил по городу, останавливаясь у красивых витрин магазинов. Он нарочно оттягивал время, чтобы прийти уж наверняка, обязательно застать сына. На Неве, у Петропавловской крепости, Николай Ильич заметил художника с мольбертом и долго стоял поодаль, разглядывая, чего он там рисует. Город был затянут сырым, противным туманом, и на холсте у художника слонился туман, а в просветах намечались зыбкие контуры Зимнего дворца. Зотов стоял молча, затаив дыхание. Он с какой-то затаенной гордостью думал: «Вот и мой Тельман художник, и так же, наверное, стоит где-нибудь, рисует, а люди почтительно рассматривают его картины. И наверное, Тельман хороший художник, коль пропечатали его картины в журнале да еще написали такие теплые слова».

Он пришел к квартире сына около десяти часов. И опять долго звонил, но опять никто не отзывался. Из квартиры напротив высунулся какой-то всклокоченный старик и подозрительно поглядел на Николая Ильича. Зотов хотел спросить старика, не знает ли тот, где его сын, но не успел — старик быстро захлопнул дверь и долго гремел запорами. Николай Ильич сел на ступеньки. Ему стало остро жаль себя, жаль, что не сбылась его надежда увидеть сегодня сына. Надо было еще ждать, ехать к себе на кордон и опять волноваться в ожидании следующего дня. Николай Ильич устал, ему даже двигаться не хотелось. «Вот если бы в Гатчине остановиться, как прежде», — мелькнула у него мысль, и он вздрогнул, представив себе Гришу Мокригина с простреленной головой.

Электричка была почти пустая. Николай Ильич, усталый, замерзшийся, всю дорогу продремал. Когда, сойдя с платформы на Мшинской и поживаясь от ночного мороза, он свернул на лесную тропу, его окликнули.

— Ильич, нешто ты? Погодь, догоню.

Он оглянулся и разглядел, несмотря на темноту, что его догоняет женщина.

Это была молодая баба из Владычкина. Вера Усольцева.

— Вот подвезло-то мне, вот подвезло, — весело затараторила она. — А я смотрю — наших-то никогошеньки. Одной боязно. Дай, думаю, ленинградскую электричку подожду. Может, кто придет.

— Дождалась, значит. Тебе бы кого помоложе, — с усмешкой сказал Николай Ильич.

— Скажешь тоже, старый черт! — хохотнула Усольцева. — Не до жиру... Тут у нас такие страсти! Хоть на Мшинской ночуй. Мужика-то вчера убили. Прямо перед деревней.

Николай Ильич насторожился. Сказал, стараясь быть равнодушным:

— Небось опять сбrehнул кто!

— Слово тебе даю! — горячася, ответила Вера. — Убили, убили. Настя Акимова и еще ктой-то из наших баб утром наткнулись. Да и снегом уже замело. Милиции понаехало! Сашку Иванова забрали, Клавкиного хахалю. Да он вовсе и не Ивановым оказался, а еще какой-то. Не запомнила фамилию. Только Клавка говорит — Сашка-то ни при чем. Ей так и в милиции сказали. Его по другому какому-то делу. — Усольцева передохнула и, все время оборачиваясь к Николаю Ильичу, шедшему следом, продолжала: — Милиция всех спрашивает, интересуется. Я вот у егеря была, долг отдавала, так сама слышала, милиционер обо всем расспрашивал. И про тебя, дядя Коля, интересовался. Ружье у тебя какое-то там навроде есть.

Николай Ильич похолодел.

— Да не путайся ты под ногами, Верка! — прикрикнул он на Усольцеву. — И так все слышно.

Некоторое время они шли молча. «Как же так, как же так? — лихорадочно думал Зотов. — Почему про меня расспрашивали? Оно конечно, знают в деревне, что Гриша ко мне наезжал. Да ведь он и в Пехенце бывал по делам. Мало ли? Но при чем тут ружье? Неужто егерь знал, что у меня винтовка?»

Вера не выдержала и снова стала рассказывать.

— А убитый-то не наш, чужой. Его никто так и не признал. Настюха говорит — симпатичный, светленький. Молодой мужик...

— Симпатичный? Светленький? — эхом отозвался Николай Ильич.

И вдруг он понял, что вовсе не Гришу Мокригина застрелил вчера, а какого-то случайного прохожего. Не Гришу, не Гришу! Он шел будто во сне, не понимая, о чем еще толкует ему Вера Усольцева, и только повторял про себя: «Не Гришу, не Гришу...»

В конце леса, уже на подходе к владычкинскому полю, он нашел свои лыжи, спрятанные в елках, и, буркнув Усольцевой «до свидания», медленно пошел через перелески в сторону кор-

дона. Выглянула неяркая луна с бледным, чуть заметным венцом. Тени от елей легли на белые поля.

«Вот как, значит, все обернулось, — шептал Николай Ильич, — жив мой дружок, живехонек, а человека я зазря положил, уби-вец».

Странно, но его совсем не мучила совесть, пока он считал, что убил Григория, своего давнего дружка. И, только узнав, что застрелил чужого человека, почувствовал себя убийцей.

К прошлому, к сыну пути теперь не было. Занесло, замело этот путь метелями и невзгодами, ни пройти, ни проехать.

Залаял пес, услышав хозяина, и вдруг издалека, от Вяля озера, послышался протяжный волчий вой. Но Николай Ильич не обратил на вой внимания. Не услышал.

16

Игорь Васильевич шел на работу, уже отчетливо сознавая, что в деле об убийстве художника Тельмана Алексеева есть обстоятельства, которые во что бы то ни стало следует выяснить. Прежде всего мотивы — извечный вопрос: зачем? Старуха Кашина говорила со слов некой тети Поли, что у отца с сыном была давным-давно ссора. Отношений друг с другом они не поддерживали. Местные жители никогда не слышали от самого Зотова, что у него есть сын.

А самоубийство лесника? Разве нет в нем ничего странного?

И сами обстоятельства убийства? Кто-то ведь шел по тропинке от станции следом за Алексеевым, кто-то потоптался вокруг него. В то время, когда Алексеев, может быть, был еще жив... Кто?

«Нет, нет, не так все просто, — думал Игорь Васильевич. — В архив дело еще рано отправлять».

Все утро Корнилову хотелось хоть на час остаться одному и еще раз обдумать события вчерашнего дня, но, как назло, надо было проводить совещание, выслушивать сотрудников, принимать решения. А без пятнадцати одиннадцать Игоря Васильевича словно кольнуло что-то — он вспомнил про обещание быть на репетиции. Подосадовав, что опрометчиво пообещал Грановскому обязательно приехать, он вызвал машину.

...Впервые в жизни он шел по пустому театру, по сумрачному холодному фойе. Два-три бра отбрасывали тусклые блики на портреты актеров, развешанные по стенам. Было совсем тихо, только откуда-то издалека несло приглушенное гудение пылесоса. Игорь Васильевич в нерешительности остановился, не зная, куда податься, потом решил заглянуть в зрительный зал. В зале тоже стоял полумрак, лишь сцена была ярко освещена. В первых рядах сидело несколько человек. Среди них — Грановский. Он оглянулся на скрип двери, узнал Корнилова.

— А вот и товарищ Пинкертон! — радостно закричал он. — Давайте сюда, миленький!

Грановский познакомил Корнилова со всеми и тут же сказал:

— Продолжим. Танцуйки в квартире Аллочки...

Корнилов следил за всем, что происходит — и на сцене, и в

зале. Ему было интересно не то, как разворачивались события по ходу пьесы, а поведение режиссера, его реплики актерам, бурная реакция по какому-то незначительному, по мнению Игоря Васильевича, поводу. Некоторые сцены Грановский заставлял повторять по два, по три раза.

Но, внимательно приглядываясь ко всему, что происходило вокруг него, Корнилов подсознательно, помимо своего желания, все время возвращался и возвращался ко вчерашнему дню. То, что лесник Зотов застрелил собственного сына, потрясло его. Каких преступлений только не приходилось ему раскрывать за время работы в угрозыске! Но смерть художника Тельмана Алексеева задела его очень сильно. Прежде всего потому, что он не мог ее объяснить.

...А на сцене произошла какая-то заминка. Актер Борис Стрельников, игравший молодого парня со смешной кличкой Варезжка, слишком взволнованно, с некоторым даже надрывом объяснялся со своей новой возлюбленной Леночкой, которую играла актриса Разумова. Варезжка только что всадил нож в живот своей приятельнице и, скрываясь от милиции, прибежал в квартиру Леночки.

Метания Стрельникова прервал Грановский, громко захлопав в ладоши.

— Нет, нет! Что вы делаете, Боря! — Грановский сорвался с места, легко вбежал на сцену. — Ну что вы делаете, миленький! — плачущим голосом сказал он. — Вы же не рефлекслирующий Раскольников, а тупой убийца... Откуда такой разумный взгляд? Ваша совесть глуха, никаких сожалений, никаких раскаяний. Ткнуть человека ножичком для вас — раз плюнуть!

Грановский сморщился, словно вспоминал что-то очень неприятное:

— Сначала, повторим эту сцену сначала.

Актеры медленно, словно нехотя, занимали свои места.

Борис Стрельников опять подошел к дивану, на котором полулежала Леночка, взял в руки рюмку. Лицо у него было сумрачным, растерянным.

— Начали! — сказал Грановский. Стало тихо. Только из фойе доносилось приглушенное бархатными шторами гудение пылесоса. Уборщицы готовили театр к вечернему спектаклю.

— Нет, не могу, — сказал Стрельников и поставил рюмку на столик. — Андрей, мне нужен еще день. Я не готов играть равнодушного убийцу.

Грановский смешно надул губы, совсем как обиженный мальчик, и минуту стоял в нерешительности.

— Андрей Илларионович, — тихо сказала Разумова. — Ну дайте ему денек, он с ножичком порепетирует.

Все засмеялись, а Стрельников зло посмотрел на актрису.

— Ладно, ладно, — Грановский поднял успокаивающим жестом руки к груди. — Я тебя понимаю, Боря. Отложим эту сцену. Нечего смеяться, Разумова. Я буду рад, если ты станешь так же серьезно думать о своих ролях. На сегодня все кончено. — Он подхватил Корнилова под руку и привел к себе в кабинет. Здесь было тепло, уютно. Большая бронзовая нимфа грациозно держала над головой светильник. Стены были завешаны афишами.

— По рюмке коньячку? — спросил Андрей Илларионович, открывая старинный, красного дерева бар.

— Спасибо, Я должен в управление ехать, — отказался Корнилов.

— А я выпью с вашего разрешения. Что-то разволновался сегодня. — Грановский налил себе в маленькую хрустальную рюмочку, сел напротив Игоря Васильевича. — Ну что вы скажете, дружок? Недовольны? У вас такой хмурый вид..

Корнилов улыбнулся.

— Не обращайтесь внимания. Дела заели. А вообще-то я человек веселый.

— А ваше мнение о пьесе, об актерах, товарищ веселый человек?

— О пьесе мы с вами уже говорили, Андрей Илларионович, — ответил Корнилов. — С точки зрения уголовного розыска — все в ажуре.

— Ох и хитрец же вы, Игорь Васильевич! — Грановский выпил коньяк и поставил рюмку на стол. — А если серьезно? — Если серьезно, то пока говорить еще рано. — Игорь Васильевич виновато улыбнулся. — Особенно такому профану, как я... — Он задумчиво посмотрел на режиссера. — Да еще и тугодуму. Мне время на раздумья требуется.

— Ладно, кончаю допрашивать, — сдался Грановский. — Надеюсь, что еще хоть на одну репетицию вы придете?

Корнилов кивнул.

— Расскажите-ка лучше про свои дела.

— Наши дела как сажа бела.

— Да уж это-то воистину так! С такими подонками небось приходится дело иметь? Я одного не понимаю, — горячо заговорил Грановский. — Ну что мы нянчимся с ними? Читаешь в газете — человек убийство совершил, а ему восемь лет дали. Что же это такое, дружок? Где же карающая рука закона?

Корнилов молчал.

— Ну что вы молчите? Сказать нечего? Вот то-то же! — словно бы обрадовался режиссер. — По глазам вижу — согласны со мной.

— Согласен, согласен, — отозвался Игорь Васильевич. — Законы наши нуждаются в совершенствовании. Не всегда, правда, в сторону ужесточения наказаний...

Но режиссер не дослушал его, а спросил, внимательно заглядывая в глаза:

— Вы мне скажите, Игорь Васильевич, как на духу скажите: какое преступление вам, лично вам, как человеку, наиболее омерзительно?

— Взятничество, — твердо сказал Корнилов. — Лихоимство всех мастей...

— Взятничество? — разочарованно переспросил Грановский. — Но есть же более мерзкие вещи.

— Самое мерзкое — лихоимство, — горячо запротестовал Игорь Васильевич. — Вот — чудище обло, огромно... Это чудище может прикинуться самой невинностью, а заражает все вокруг. Порождает двойную мораль...

— Вот! — Грановский сделал энергичный жест рукой, нацелив длинный палец на Корнилова.

— Но если говорить вообще, то меня больше пугает не само преступление, — сказал Игорь Васильевич, — а готовность некоторых людей совершить его...

Заметив недоуменный взгляд Грановского, Корнилов добавил извиняющимся тоном:

— Может быть, это я слишком упрощенно? — Он прищурился, будто пытался разглядеть что-то далекое. — Да нет, пожалуй, именно это я и хотел сказать. Меня пугает, что некоторые люди больше боятся карающего меча закона, чем голоса собственной совести, собственного разума. — Он поднялся с кресла и остановился перед режиссером, заговорил с необыкновенной горячностью: — Вот, представляете себе, иное существо может прожить долгую жизнь, не совершив ни разу не то что преступления — проступка не совершив. Всю свою долгую жизнь такое существо аккуратно покупало в трамвае билет, никогда не брало чужого. А почему? Только из-за страха быть пойманным! Человечишко этот не украл ни разу только потому, что боялся. — посадят! И не убил поэтому! Понимаете?

Грановский протестующе поднял руку, но Корнилов остановил его:

— Понимаете, понимаете! Только согласиться не можете, потому что привыкли думать по-другому. Привычка вам мешает. И вот живет такой человечишко, вечно готовый к подлости, к преступлению. Ждет своего часа. И час этот может прийти. Такой час, когда наконец он поймет, почувствует — бери, никто никогда не увидит, убей — не дознаются! И украдет, и убьет, и предаст! Вот кого я боюсь больше, чем какого-нибудь Варезку. Я про Варезку знаю — он преступник. А с таким человечишкой я, может быть, годы бок о бок живу, и он меня в любое время предаст. Когда почувствует, что останется безнаказанным.

— Вы это все всерьез? — удивленно спросил Грановский. — Или на вас полемический стих нашел?

— Всерьез, — вдруг сникнув, ответил Игорь Васильевич и сел в кресло. — А вы, конечно, со мной не согласны?

— Нет, я не могу утверждать, что не согласен, — растерянно ответил режиссер, разводя руками. — Все, что вы говорите, дружок, очень занятно.

— Занятно?

— Простите, ради бога. Слово не к случаю, — Грановский улыбнулся смущенно. — А как же «души прекрасные порывы»? Ум, сердце, чувство долга, наконец! Уж не считаете ли вы, что чувство долга — подневольное чувство? Продиктовано страхом перед ответственностью.

— Что за привычка укоренилась в нашей жизни! — раздражаясь, сказал Игорь Васильевич. — Все толкуется, как говорит наш брат юрист, расширительно! Андрей Илларионович, я лишь одно хочу сказать... Нет, нет, я просто утверждаю: существуют в нашей жизни люди, не совершившие преступления только из страха расплаты. Это плохо. Я не боюсь явных преступников. Их мы поборем! А вот как распознать человечишку с ограниченной совестью? Такого, в котором с детства не воспитали неприятия зла. Который соблюдает законы не по внутреннему убеждению, а только из-за страха перед наказанием! Надо стре-

миться не только к тому, чтобы не было преступлений, но и к тому, чтобы у людей не появлялось даже мысли о них!

Ну что вы на меня так смотрите? Я кажусь вам скептиком? Наверное, даже мизантропом? Нет, дружок. — Корнилов досадливо махнул рукой. — Ваш лексикон! Я ведь имею в виду лишь некоторых. Но то, что их мало, — плохое утешение.

Он замолчал. Закурил сигарету. Молчал и Грановский, зажав в зубах давно потухшую трубку.

— Это страшно. То, о чем вы сейчас говорили, — задумчиво сказал наконец режиссер. — Но я чувствую, что вы правы. Среди честных, великодушных, чистых душой живут и подлецы...

— Нет, не о подлецах я, — перебил Корнилов.

— Да, да. Я понимаю. Вы говорите о людях, которые способны совершать подлости. Это не одно и то же. Да. Но от того, что именно они рядом, особенно страшно. — Они помолчали.

— Андрей Илларионович, — лениво-ласково сказал Корнилов. — А ведь ваш Боря Стрельников никогда не сыграет бандита Варежку.

— Что? — удивился Грановский. — Не сыграет? — повторил он недовольно. — Почему это не сыграет?

— Он человек, видать, очень чистый. Наивный чуть-чуть. Он просто характер этого персонажа не поймет.

— Но ведь он актер! — ухмыльнулся Грановский. — Вы упрощенно мыслите, дружок. Для того чтобы сыграть леди Макбет, совсем не надо быть чудовищем.

— Но Стрельников все-таки не сыграет. Хорошо не сыграет. Он еще слишком молод и неопытен, чтобы понять характер Варежки, а чтобы интуитивно почувствовать, у него консистенция другая. А про леди Макбет — это вы зря...

Грановский стал сердито раскуривать трубку. Спички у него ломались, и он ожесточенно бросал их на пушистый ковер. Раскурив наконец, режиссер ворчливо сказал:

— Ну и подсунули мне консультанта. Не приведи господи. Спектакль сорвет. — Он налил в свою рюмку коньяк, о котором за разговором совсем забыл, и подмигнул Корнилову. — Ну уж дудки. Я из Бори сделаю этого бандюгу. — Грановский выпил и тихо добавил: — А потом посмотрим...

Когда Игорь Васильевич уходил, Грановский задержал его руку в своей и спросил, строго глядя Корнилову в глаза:

— Ну, а какой же выход, дружок? Где ключик, которым открыть заветный ларец?

— Этот ключик — дети, — сказал Корнилов. — Надо с раннего детства воспитывать в человеке отвращение к разной мерзости. А вы разве с этим не согласны?

Когда Корнилов ушел, Грановский долго ходил по кабинету, попыхивая трубкой. «Хм, как это я так легко согласился с этим ершистым подполковником? — думал он. — Станный человек. Ему уже под пятьдесят, наверное, а какой задор! Мыслит он интересно, но спорно, спорно... Целая философская система. Нет, нет. Уж, во всяком случае, его утверждение, что не совершивший преступления, но способный его совершить опаснее, чем

настоящий преступник... Нет, дружок! — И вдруг почему-то подумал о своем бывшем приятеле Пастухове... — Тьфу, черт! — выругался Андрей Илларионович. — Так можно далеко зайти!»

— Послушай, Игорь Васильевич, ну что ты маешься? — спросил Белянчиков, глядя в упор на Корнилова своими карими немигающими глазами. Разговаривали они в кабинете Корнилова после того, как из Луги позвонил Шакутин и сообщил, что следователь дело об убийстве Алексеева и самоубийстве лесника Зотова собирается закрывать.

— А мне непонятно, Юра, почему ты не маешься, — ответил Корнилов. Он встал, прошелся по кабинету, глядя себе под ноги, хмурый, сутулый больше, чем всегда, словно его придавила эта история на станции Мшинской.

Юрий Евгеньевич молчал, сосредоточенно барабанил пальцами по столу. Он в общем-то чувствовал, почему мается шеф. Слава богу, за четырнадцать лет он изучил его характер! Но ему было досадно, что Игорь Васильевич не может успокоиться из-за этого дела. Уж здесь-то все точки расставлены... Художника Тельмана Алексеева убил его родной отец, старик Зотов. Зачем? Кто теперь сможет ответить на этот праздный вопрос? Нет, не праздный, конечно... Но ответить-то на него некому! Отец убил сына и повесился сам. Страшно. Господи, каких только не бывает на свете трагедий! Но они-то, они, работники розыска, что еще могут сделать? Заняться поисками мотивов? Ах-ах, мы не простые сыщики, мы глубокие психологи. Смотрите, мы не только нашли преступника, но докопались еще, почему он стал убийцей, да еще и сам повесился! Мы и до этого докопались. Месяц потратили, но докопались. А кто будет в это время Витю Паршина по кличке Кочан искать? Взломщика и бандита? А участников ограбления в Приморском парке?

— Ты, Игорь Васильевич, лучше меня знаешь, что мы сделали все, что положено по закону нам сделать, — твердо сказал Белянчиков. — Был бы Зотов жив, суд выяснил бы мотивы убийства. А так... Следователь дело прекращает. Они там тоже не мальчики, опыт имеют.

— Имеют, имеют, — пробормотал Корнилов, вспомнив молоденького следователя прокуратуры Каликова. Он подошел к Белянчикову и спросил: — А ты можешь мне ответить, кто шел вместе с художником со станции? Кто топтался возле его тела? И почему этот кто-то не попытался оказать ему помощь? Ведь Алексеев не сразу умер! Участковый-то видел следы?! Почему лесник, застрелив сына, спрятал карабин и спокойно жил-поживал целых два дня, а только потом сунул голову в петлю?

— У тебя есть сомнения в том, что Алексеева убил отец? — с вызовом спросил Юрий Евгеньевич.

— У меня нет твердой уверенности в этом. Но я допускаю, что стрелял лесник Зотов.

— Значит, убийца известен, он сам себя наказал. Соучастников у него не было... Или ты считаешь, что были?

— Этого я не знаю, — сказал Игорь Васильевич.

— Даже если ты ответишь на все свои вопросы, ничего не изменится! Убийцей как был лесник, так он и останется, сообщников ты не выявишь — их нет. Во имя чего же затевать новые поиски? Виновный на свободе не гуляет.

— Истина гуляет где-то, — устало сказал Игорь Васильевич. — Сухой ты человек, Белянчиков.

— Ну-ну, — обиженно протянул Юрий Евгеньевич и встал. — Я, пожалуй, пойду. Нам с Семеном Бугаевым надо на Острова ехать. Там третье ограбление подряд. Что-то райотдел медленно раскачивается.

Он подошел к двери, но не открыл ее, а обернулся к Корнилову.

— Знаешь, Игорь, даже если ты узнаешь что-то новое, какую-то новую истину установишь, она бесплодной будет. Ты ее практически никак не сможешь использовать. — И вышел, осторожно прикрыв дверь.

Игорь Васильевич подошел к столу, снял телефонную трубку: хотел позвонить домой, сказать, что едет. Но передумал. Машинально крутанул ручку сейфа — закрыт ли. Одежда выдалась промозглая. Прошлой ночью подул южный ветер, распустил снег, и люди шагали по жидкой снежной кашнице, шарахаясь от автомашин, из-под которых веером разлетался мокрый снег. Над городом висел туман, и свет от фонарей был тусклым и безжизненным.

Утром он проснулся очень рано — еще шести не было. И проснулся с мыслью об этой проклятой бесплодной истине. Он долго лежал и думал о Белянчикове. Сначала думал о нем с некоторой даже завистью. Позавидовал его умению быстро переключаться на новые дела, не выматывать себе душу сожалениями о чем-то ускользнувшем, не выясненном до конца. Потом вдруг вспомнил, что Юрий Евгеньевич никогда не брался за дела о самоубийствах. Говорил неприязненно: «Пустая трата времени. Живыми надо заниматься». Игорь Васильевич вспомнил об этом и осудил Белянчикова. Выяснить, что привело человека к трагедии, — ведь это так важно. Для будущего важно. А значит, для живых. И не всегда предсмертная записка — даже если она и была — правильно объясняла мотивы. Ну разве мог человек, находясь в таком состоянии, логично оценить поступок, который готовился совершить? А сколько раз бывало, что причина самоубийства — живые, здравствующие люди, заниматься которыми и призывал Белянчиков. Нет, не все так просто.

...Придя на работу, Игорь Васильевич провел ежедневную оперативку. Сводка была беспокойной: кража в новостройках.

— Семен, через полчаса зайди ко мне. Расскажешь, что вы там собираетесь делать в Невском районе, — сказал Корнилов Бугаеву, заканчивая оперативку.

— Я бы хотел доложить тебе по вчерашнему ограблению, — попросил Белянчиков. — Есть кое-что новое... Преступников взяли.

— Я к тебе загляну сам... Попозже.

Все разошлись, и Корнилов снял трубку прямого телефона к начальнику управления.

— Товарищ генерал, разрешите зайти? По одному делу...

— Заходите.

Когда Корнилов открыл дверь в кабинет, Степанов разговаривал по телефону. Игорь Васильевич хотел было подождать, но генерал, увидев его, махнул рукой, показал на кресло.

— Ну что, товарищ Корнилов? — спросил Владимир Степанович, закончив разговор и положив трубку. — Как поживают сыщики? Уж не хотите ли вы доложить мне о том, что задержаны вчерашние грабители?

— Задержаны. Мне только что доложил капитан Белянчиков, сегодня их взяли.

— Этот ваш Белянчиков опытный работник. Быстро умеет закрутить розыск, — уважительно сказал генерал.

— Да, способный сыщик. Очень организованный человек.

Генерал согласно покивал головой, сказал уже буднично:

— Так что ж, какие дела?

— Товарищ генерал, — Корнилов на мгновение замаялся, подумав: «А не зря ли я все-таки затеваюсь?» — Владимир Степанович, дело об убийстве на станции Мшинской прокуратурой изучено, и следователь собирается прекращать его из-за смерти убийцы... Я вам докладывал, помните, отец и сын?

Генерал кивнул. Он слушал внимательно, давно уже привыкший к тому, что подполковник по пустякам не тревожит.

— Но есть в этом деле несколько белых пятен, — продолжал Игорь Васильевич. — Ну как бы сказать поточнее? — он помедлил секунду. — Дополнительный розыск может не оказать никакого влияния на конечный результат уже проведенного расследования. Все останется по-прежнему... Я очень путано говорю? — Игорь Васильевич виновато улыбнулся.

Генерал улыбнулся тоже:

— Не путано, Игорь Васильевич, а непонятно.

— Вы знаете, Владимир Степанович, у нас из-за того, что убийца, лесник Зотов, покончил с собой, сложилась необычная ситуация, — Корнилов вдруг нашел нужные слова. — Знаете, как у экспериментаторов иногда бывает: открытие сделали, конечный результат есть. Но ведь надо же обосновать это открытие, исследовательскую работу провести, которая дала бы ключ к пониманию первопричин открытия...

— Причинно-следственные связи не выявлены? — генерал заинтересованно смотрел на Корнилова.

Игорь Васильевич кивнул:

— Вот именно. Причинно-следственные связи! Они ведь в первую очередь для нас важны. Но стоит ли возиться в каждом конкретном случае? Особенно в таком, как этот. Главное сделано — убийцу мы нашли, он на свободе не гуляет. — Игорь Васильевич поймал себя на том, что повторяет слова Белянчикова. — Один мой товарищ сказал — до истины ты докопаешься, но она будет бесплодной, твоя истина. Ты ее никуда не приложишь. Только собственное любопытство удовлетворишь.

— Ну и что же, вы хотите собственное любопытство удовлетворить? — спросил генерал, и Игорь Васильевич не понял, то ли он пошутил, то ли осудил его.

— Нет, я хочу только, чтобы в каждом деле была полная ясность, — твердо ответил Корнилов. — Нельзя считать дело закрытым, если есть вопросы без ответов...

— Я тоже за полную ясность. — Владимир Степанович задумался, глядя куда-то мимо Корнилова. Лицо его стало пасмурным, озабоченным, словно он вспомнил что-то тревожное и досадное. — Я тоже за полную ясность... — Он хотел еще что-то добавить, но не добавил, а откинулся на спинку кресла и неожиданно улыбнулся доброй, какой-то простодушной улыбкой: — Вот еще с флота помню штурманскую мудрость: «Всякий случай должен быть изложен в сжатой, но ясной форме, не допускающей каких-либо сомнений или неправильного толкования!» — отчеканивая каждое слово, продекламировал он. — Так в капитанском справочнике записано.

Все в управлении знали, что генерал в молодые годы был штурманом, ходил «в загранку». Видно, с той поры осталось в нем пристрастие к четкости и порядку, удивительный лаконизм, так полюбившийся всем сотрудникам. И легкий налет франтоватости, какого-то едва уловимого морского шика, которому многие стремились подражать.

— Так зачем же вы ко мне пришли? Обсудить теоретические вопросы? Судя по всему, вы для себя их давно решили. Значит, хотите получить от меня разрешение самому заняться этим делом?

Корнилов кивнул.

— А вы, подполковник, сегодняшнюю сводку видели?

— Я уже проводил в своем управлении оперативку.

— Ленинградцев хвалят и хвалят на всех совещаниях... И за то, что преступность среди подростков снижается, и за связь со школой, и за опорные пункты. А в те минуты, когда вы сводку читаете, у вас не создается впечатление, что нас перехваливают?

— Нет, Владимир Степанович.

Генерал удивленно хмыкнул и покачал головой.

— Однако с самокритикой в уголовном розыске явно не все в порядке. — Потом подумал и сказал: — Игорь Васильевич, я разрешаю лично вам заняться машинским делом. Три дня... Но не скрою, у меня уже не первый раз появляются сомнения: а не слишком ли часто вы берете на себя конкретные операции, вместо того, чтобы решать вопросы общего руководства? Вы ведь заместитель начальника управления розыска. Ваш опыт и знания надо более рационально использовать...

Корнилов вспыхнул. Сказал тихо:

— Я обдумаю ваше замечание, товарищ генерал. Разрешите идти?

Владимир Степанович добродушно рассмеялся:

— До чего у вас в уголовном розыске народ обидчивый? Это что, Игорь Васильевич, профессиональная болезнь? Идите, идите! И можете ничего не обдумывать — я ведь знаю, что вы потом без ложной скромности скажете мне: я сыщик, у меня это получается лучше, чем общее руководство, прошу вас... и так далее.

Генерал говорил это так весело и добродушно, что и Корнилов не выдержал, улыбнулся.

Придя к себе в кабинет, Игорь Васильевич позвонил в Лугу, попросил начальника уголовного розыска Шакутина срочно при-
слать в управление подробную справку по делу об убийстве
Тельмана Алексеева. Потом зашел к Белянчикову.

Юрий Евгеньевич сидел читал какие-то бумаги. На столе
у него лежал новенький стартовый пистолет и небольшой изящ-
ный наган с ручкой, отделанной перламутром.

— Ого! — удивился Игорь Васильевич. — Целый арсенал.
Откуда?

— Вчерашние грабители. Я тебе и хотел рассказать после
оперативки...

— Я ходил по начальству.

— У Владимира Степановича был? Ну что? Разрешил за-
няться мшинским делом?

— Разрешил. Дал три дня, — Корнилов вздохнул. Лицо его
сделалось замкнутым. — Короче говоря, это дело я доведу до
конца, — сказал он. — Или, как ты считаешь, до середины.

— Шакутину звонить?

— Нет, не надо. Я уже позвонил. — Корнилов взял со сто-
ла наган. — Что-то я такой модели не припомню.

— Вот-вот! Даже ты не припомнишь, а тут и припоминать
нечего, ведь это пугач. Но сделан-то как! — оживился Юрий
Евгеньевич. — И представь себе старушку, когда из кустов на
нее с таким шутильником парни выходят! Везут папеньки сво-
им деткам из зарубежных вояжей!

— Быстро ты вышел на грабителей.

Белянчиков сказал с ненавистью:

— Да разве это грабители — сопляки! Обе потерпевшие рас-
сказали, что у парней пистолеты... А мальчишки молодые — от-
куда у них настоящее оружие? Вот мы и опросили во всем
районе ребят, дворников, не видели ли у кого пугачи, стартовые
пистолеты... — И добавил без перехода: — Упорный ты, Игорь
Васильевич. Всегда на своем поставишь.

— Осуждаешь? — поинтересовался Корнилов.

Юрий Евгеньевич пожал плечами. Несколько мгновений си-
дел молча, сосредоточенно разглядывая бумаги, разложенные
на столе. Потом сказал:

— Я к обеду закончу оформление. Могу подключиться.

— Не-е-ет! — покачал головой Игорь Васильевич. — Когда
берешься за дело, надо иметь представление, ради чего. А для
тебя уже все ясно. Ты считаешь, что дело пора в архив. —
И добавил: — Бесплодными-то, Юра, истины от равнодушия
людей становятся.

Первое, с чего начал Игорь Васильевич, — съездил на улицу
Герцена, в Союз художников, расспросил об Алексееве. Здесь,
однако, о личной жизни Тельмана Николаевича не знали почти
ничего.

— Кажется, женат, — сказал секретарь правления. И, пожал
плечами, словно извиняясь за свою неосведомленность, грустно

добавил: — А про отца ничего не знаю. Алексеев работягой был, в Союзе редко появлялся. Не то что иные... — Он неопределенно кивнул на дверь и пренебрежительно усмехнулся: — Пробивальщики. — Он замолчал и некоторое время сидел задумавшись. Потом сказал строго: — Тельман вкалывал... Несколько лет на Севере пропадал. С весны до поздней осени. Да вы, наверное, знаете — мы в прошлом году его персональную выставку устраивали. В газетах о ней много писали.

Потом Корнилов зашел в отдел кадров, полистал личное дело Алексеева. Кроме пожелтевшего листка по учету кадров да старой характеристики, там ничего не было. И в анкете и в характеристике значилось, что отец Тельмана Николаевича Алексеева — Николай Ильич Зотов — пропал без вести в годы оккупации...

«Неужели Алексеев только сейчас узнал о том, что отец жив? — подумал Игорь Васильевич. Это было похоже на правду. — Судя по свидетельству жителей Владычкина, сын никогда к леснику не приезжал. Никто даже не знал о его существовании! Никто, кроме старухи Кашиной. Да и она слышала лишь о том, что когда-то у Зотова был сын... Был!»

А тринадцатого января 1971 года Тельман Алексеев, писавший в листке по учету кадров, что его отец пропал без вести, поспешно собрался, схватил лыжи и сел в поезд, отправившись на свидание к отцу! «И был убит!» — сверлила навязчивая мысль, но Корнилов сказал себе: «Не торопись! Разберись по порядку...»

Кто кого разыскал? Сын отца или отец сына? Это важно? Очень важно.

Прямо из отдела кадров союза Корнилов позвонил в городское справочное бюро. Попросил выяснить, не разыскивал ли кто-нибудь за последний месяц Алексеева Тельмана Николаевича.

Ему ответили через пятнадцать минут. Да, адрес Алексеева запрашивали в начале января...

Корнилов попросил у прокурора разрешение еще раз осмотреть квартиру Алексеева. Он уже уверился в том, что найдет там письмо или телеграмму от отца. Ведь в карманах убитого ничего подобного не обнаружили.

В квартире Алексеева царил запустение. Вид после обыска был такой, словно хозяин второпях собирался куда-то уезжать и никак не мог найти что-то очень нужное ему в дорогу: вещи лежали в беспорядке, ящики у письменного стола выдвинуты. Повсюду лежали книги, какие-то папки.

Игорь Васильевич представил вдруг, как возвращается из командировки жена Алексеева, и сокрушенно покачал головой. Понятые, снова приглашенные им, сидели, тихо переговариваясь о каких-то своих делах.

Прежде всего Корнилов не торопясь, дотошно осмотрел костюмы и пальто. Ничего интересного он там не нашел, кроме небольшого блокнота с беглыми зарисовками. Игорь Васильевич перелистал его страница за страницей — никаких записей: головы девушек, ребят, контуры каких-то причудливых пейзажей...

Книги. Теперь следовало внимательно перелистать книги. Художник мог сунуть письмо в книгу. Книг было много, и

Игорь Васильевич начал с тех, что лежали на письменном столе. Его поразило обилие богато иллюстрированных книг по истории средневековья. Все они были часто переложены закладками, но писем среди этих закладок не было. Но зато уже в первой из книг, взятых с дивана, Корнилов нашел свернутый вдвое тетрадный листок в косую линейку. Это было письмо.

«Здравствуйте, Тельман Николаевич. Пишет Вам отец Николай Ильич Зотов. Сколько годы прошли, а мы не свиделись, не судьба. Я уже старик, скоро время мое придет. Хотел бы повидать Вас, просить прощения, коли виновен в чем. Живу я на кордоне Каменка, за деревней Владычино, от Мшинской двенадцать верст. Лесникую. Хоть и возраст мой вышел, а пенсий нет, не заработал. Но живу исправно. Грибы, ягоды. И места у нас красивше не найти. Хотел бы только повидать тебя, сынок, слов нет как хотел. Может, напишете старику?

Ваш отец Николай Зотов».

...На следующий день утром, не заезжая в управление, Корнилов отправился в Зайцево, к «зайцевской Поле», которая, по рассказам Надежды Григорьевны Кашиной, знала про какую-то давнюю ссору лесника Зотова с сыном. Отыскать эту женщину оказалось совсем нетрудным делом. В Зайцеве жила всего одна Поля — Полина Степановна Аверьянова, и в правлении колхоза Игоря Васильевича отправили в школу — Аверьянова работала там нянечкой. Она оказалась высокой костистой женщиной с крупными чертами лица, с большими руками. В школе была перемена, и Аверьянова расхаживала по коридору, наполненному бегающими, кричащими, дерущимися ребятами, то и дело кого-то останавливала, заправляя забузившимся мальчишкам рубахи, выехавшие из штанов.

Игорь Васильевич подошел к ней.

— Полина Степановна, мне бы надо поговорить с вами... Я из милиции...

В ее глазах мелькнул испуг:

— Ай набедокурил кто?

— Нет-нет, ваши питомцы в порядке, — поспешил успокоить ее Игорь Васильевич. — Я по другому делу. Где бы нам присесть?

— Идемте в учительскую. Там сейчас никого.

Они уселись за маленький письменный столик, на котором лежали груды тетрадок, и Корнилов спросил без всяких предисловий:

— Полина Степановна, что вы можете рассказать о Зотове?

— О Николке Зотове? — В голосе Аверьяновой он уловил заинтересованность.

— О нем, Полина Степановна.

— Ай, бедолага, опять небось что-то приключилось. Вот уж невезучая судьба у мужика.

— Невезучая?

Нянечка скорбно поджала губы:

— А как еще назвать-то? Женка рано умерла. Чахоточная, упокой господи рабу божью. — Она перекрестилась. — Приятели подвернулись пропивушие. А он и так от рождения мало-

хольный какой-то. Убитый горем... Кто громче позовет, к тому и побежит. Покойница-то держала его в порядке, а тут пока-тился. — Аверьянова тяжело вздохнула. — Признали и у него чахотку. А может, доктор только пристращал. Только перестал пить Николка. Перестал.

— Кем он работал? — спросил Игорь Васильевич.

— В молодости на стекольном заводе. На ванной белого стекла. Стеклодув. У них легкие-то у всех больные. А перед войной счетоводом работал у нас в колхозе.

— А с сыном что у них приключилось? Почему рассорились?

Полина Степановна задумалась. Большая костистая рука ее машинально перебирала кисточки черной косынки, завязанной на груди узлом.

— С сыном-то... — повторила она, собираясь с мыслями. — Что-то такое случилось. Имя у него немцам не понравилось. А уж почему — и не помню. Хотели они мальчонку перекрестить. А ведь он упрямый рос — не приведи господи. Уперся и ни тпру ни ну. Отец его и порол, сказывали... А сын стрелкача дал — ужо как Николку фрицы мордовали, как мордовали! Да вы к Тельманову дружку, к Алехе Маричеву, зайдите. На чугунке путевым обходчиком работает. Там и живет. Тоже бузила был, не приведи господи. Его и нынче Алеха — буйная головушка кличут. Они были дружки с Тельманом. А я не помню, как тогда все повернулось.

— Николай Ильич почему из деревни уехал?

— Нужда заставила. Не по своей воле. Связался с какой-то бабой. С города на сенокос ее прислали. Молодая. Пустил Коля денежки колхозные на гулянку. Мало ему своих, зайцевских, баб? Ведь какие бабы вдовыми остались? Ну а как отсидел — носа не кажет. Видать, совесть осталась. Нонесь я в поезде с ним встрелась. Поколотила его жисть, поколотила, — с сочувствием сказала нянечка. — Еле признала я Колю Зотова.

«Уж не имела ли ты сама, Полина Степановна, виды на Николая Ильича? — мелькнула мысль у Корнилова. — Больно жалеешь его. — Но тут же отогнал ее, взглянув на доброе лицо женщины. — Такая для любого хорошие слова найдет, любого пожалеет».

— Полина Степановна, а как вы думаете, если бы Зотов с сыном сейчас встретились да поссорились они снова, мог бы Николай Ильич, ну, к примеру, выстрелить в Тельмана?

— Ну что ты, хороший человек! Зотов, он на такое зло не способный, — она покачала головой. — Нет, не способный он на это.

«Эх-хе-хе! — вздохнул Игорь Васильевич. — Не способен он на такое зло...»

Он расспросил Аверьянову, как найти Алексея Маричева. Полина Степановна вызвалась показать ему дорогу.

— До переменки еще успею, — сказала, взглянув на часы.

Игорь Васильевич чувствовал, что ей очень хочется узнать, отчего это он все выпрашивал про Зотова, но спросить, видать, стеснялась. «Судя по всему, в деревне не знают о смерти Зотовых», — подумал он.

Машину пришлось оставить в деревне: к домику путевого обходчика вела лишь узенькая тропинка — двоим не разминуться. Полина Степановна вывела Корнилова на деревенские задворки, к длинному, под черепичной крышей, зданию скотного двора.

— По этой вот тропке пойдете, не заблудитесь. Как раз к чугунке приведет, к Лехиному домику. Это он и протоптал.

Поблагодарив Полину Степановну, Корнилов пошел по тропе, петлявшей среди стылых кустов по краю глубокого оврага. Потом кончились и кусты и овраг, и тропинка пошла по полю. Корнилов увидел маленький желтого цвета домик путевого обходчика. Слева от тропы у большого стога стояла лошадь, запряженная в сани. Две женщины укладывали на воз сено.

Игорь Васильевич подумал вдруг о том, что за последние годы еще ни разу не бывал так много в деревне, как в эти дни. Он лишь изредка выбирался по воскресеньям погулять в пригородных парках. То в Павловск, то в Пушкин. Время от времени ездил к брату в деревню Батово.

Спокойный тихий день, безмолвные поля, какая-то умиротворенность, словно пропитавшая морозный воздух, вдруг напомнили ему детство. Светлые и наивные мечты о будущем. Неужели эти мечты ни у кого так и не сбываются? На всю жизнь остаются лишь мечтами, придающими минутам воспоминаний легкий привкус горечи? Неужели никогда уже не ощутить вновь того, что было? Того, что когда-то уже пережил в детстве?

Вот этот снег... Корнилов смотрел на белые поля, на одиноко торчавшие среди снегов стога и чувствовал, как холодок начинает проникать под одежду. Всюду холодный колючий снег. И только. А Корнилова временами беспокоило непонятное, тревожное чувство: нестерпимо хотелось вновь пережить одно, пожалуй, самое яркое детское ощущение. Только что выпал на теплую еще землю первый снег. Мать везет его на санках, и он, лежа на животе, смотрит на этот снег, такой свежий, такой белый, и земля, проступающая кое-где, кажется теплой и чистой. И пахнет чем-то свежим снег, и земля пахнет. А чем пахнет — Корнилову сейчас не вспомнить. И это самое мучительное. Кажется, что все такое же, как и в детстве: и земля, и снег, и погода. А сладостное чувство, тогда испытанное, вновь не приходит. Оно неуловимо.

«С годами мы не только приобретаем, — думал Игорь Васильевич, — но и утрачиваем многое. Приобретаем опыт, знания, характер. Утрачиваем что-то тоже очень важное, утрачиваем, особое, не детское, нет, свежее восприятие мира. Между «было» и «есть» такая лежит граница, такая преграда, которую перейти невозможно. А наши воспоминания лишены плоти. В них солнце светит, но тепла его не ощутить. Видишь заросшее кувшинками озеро, но не слышишь, как всплеснула рыба. Ветер воспоминаний не принесет с полей запахов свежескошенной травы.

Это прошлое. А будущее?

Ну что же мы можем сказать о своем будущем? Оно тоже без звуков, запахов, всего лишь плоская умозрительная схема, словно макет нового города, запечатленный на черно-белой фотографии».

...Яростный лай собаки вывел Корнилова из задумчивости. Большой черный пес метался на снегу около дома. «Ну и псина, — подумал Игорь Васильевич. — Хорошо еще, что на цепи». Из наполовину подмороженного окошка выглянул мужчина. Через минуту он уже стоял на крыльце и, прикрикнув на собаку, с интересом поглядывал на приближавшегося Корнилова. Был он крепкого сложения, круглолиц. На голове непокорный вихор рыжеватых волос.

«Вот он какой, Алеха — буйная головушка», — вспомнив, как назвала Алексея Маричева Полина Степановна, усмехнулся Корнилов. Алеха был в одной тельняшке.

— Здравствуйте, хозяин, — поприветствовал его Игорь Васильевич, остановившись у крыльца.

— И вам здравствуйте, — весело отозвался Маричев. — Вы ко мне? Заходите, гостем будете.

Он провел Корнилова через крошечные сени в комнату, предложил раздеться.

Игорь Васильевич сел на большую лавку около печки, огляделся. Комната была просторной, светлой. На столе ералаш из грязной посуды.

Перехватив взгляд Корнилова, Маричев засмеялся:

— Ох, извиняйте! Приборочку не успел сделать. Не сдогадался, что гость из города пожалует. Своих-то, зайцевских, не робею...

Продолжая похохатывать, Леха достал из шкафа новенький пиджак, надел его прямо на тельняшку. Посмотрев на себя в зеркало, поплевал на ладонь и дурашливо пригладил вихры. Потом сел на стул напротив Корнилова и, нагнав на лицо сосредоточенность и строгость, сказал:

— Ну что, товарищ хороший, дело есть?

— Если нет возражений, поговорим?

Ему этот Леха понравился с первого взгляда. Такие у него были чистые, ничем не замутненные голубые глаза с какой-то дьявольской смешинкой, что Игорь Васильевич сразу подумал: «Недаром зовут его Леха — буйная головушка. Вот уж, наверное, доставил он забот своим родителям. Да и деревенским девчонкам!»

— Я из Ленинграда к вам, из уголовного розыска... — начал Игорь Васильевич.

— Во! Была охота ездить! — неожиданно завопил Маричев и, вскочив со стула, забегал по комнате. — Ну дура баба! Совсем спятила, старая карга! Такую дорогу человека заставила проехать!

— Алексей Павлович! — сказал Корнилов, удивленно глядя на всполошившегося хозяина. — Чегой-то вы разбегались! Никто меня не заставлял к вам ехать, никто не жаловался на вас.

Леха моментально смолк и остановился около Корнилова:

— Не жаловались? А Лампадка Маричева, тетка моя, не жаловалась?

— Да не знаю я никакой Лампадки! — пожал плечами Игорь Васильевич. — Успокойтесь вы, ради бога. Чем вы ей досадили?

— Ха! Чем? — вздохнул Маричев и снова сел. — Эта Олимпиада трехнутая совсем. Вам в деревне каждый скажет. Вбила себе в голову, что я у ней осенью все яблоки в саду снял. На машине ночью приехал и снял. «Чужой бы кто крал, — говорит, — так Полкан залаял. А раз не лаял — значит, Леха. Боле некому!» А мне эти яблоки — тьфу! Оскомина от них, — он улыбнулся. — Я их в детстве переел. Сейчас больше огурчики соленные уважаю. А что собака не лаяла — так откуда мне знать? Такая же старая, как тетка. — Он совсем успокоился, махнул рукой, будто отогнал все эти неприятные воспоминания. — Собаки-то меня и правда никогда не трогают. Даже незнакомые. Аж смешно... Вот выдумала бабка Лампадка! Скоро новые яблоки вырастут, а она все грозит. — И без перехода спросил: — Так вы-то по каковскому делу ко мне?

— Алексей Павлович, вы Тельмана Зотова знали?

— Ну а как же! Знал. Дружили с ним в детстве. Не разлей вода были.

— А когда вы его видели в последний раз?

— И-и! В последний-то раз? — Алексей задумался. — Да, пожалуй, сразу после войны. В конце сорок пятого.

— Говорили с ним?

— Да так... «Жив, здоров Иван Петров!» Все на ходу. Встретиться сговорились. Ну и концы в воду... Да ведь он теперь художник известный. Знаменит! Чего ж я набиваться буду? Приедет — приму как родного.

«Значит, и он не знает, что произошло, — подумал Корнилов. — Может быть, это и хорошо, расскажет все беспристрастно».

— Алексей Павлович, я вас очень прошу подробно рассказать мне все, что вы знаете о Тельмане и о его отце. О том, что произошло между ними в первые месяцы войны. Это очень важно...

Маричев пожал плечами:

— Столько времени прошло... — Потом вдруг забеспокоился: — А что случилось? Не секрет? Мужик-то он добрый. Мухи не обидит, не то что я...

Игорь Васильевич положил ему руку на колени и тихо, но настойчиво попросил:

— Расскажите, Алексей Павлович. По порядку... Я вам все объясню.

— Какой уж там порядок... — Леха как-то странно улыбнулся. — Прямо не знаю, с чего и начать. — Он встал со стула и заходил по комнате.

Корнилов не торопил. Сидел приглядывался к Маричеву. Ему, видать, уже немало лет — много за сорок, а он подвижный, слово ртуть, энергичный. Удаль чувствуется во всех его движениях, в беспокойных глазах.

Леха наконец закончил ходить, вытащил из шкафа чекушку водки, два стакана. Поставил на стол. Виновато посмотрел на Корнилова:

— Эх, товарищ начальник, как вспомню то время, аж вот тут жжет. — Он стукнул себя кулаком в грудь. — Не откажитесь! У меня такие огурчики...

Игорь Васильевич нерешительно пожал плечами.

Леха вихрем метнулся в кухню. Там загремели кастрюли, что-то упало, а через минуту он уже ставил на стол тарелку с огурцами, хлебом, толсто нарезанным салом.

— Вы мне только самую малость, — попросил Корнилов, увидев, как решительно взялся за чекушку Маричев.

— Понятно! — весело сказал Алексей. — Это мы понимаем. И что ломаться не стали — за то уважаем.

Все в общем-то из-за его имени тогда началось, — сказал Маричев после того, как они выпили. — Назвали Тельманом. Отец и назвал-то. В честь Эрнста Тельмана. Ну, мы, мальчишки, его все Телем звали. Тель да Тель. Я ведь с Телем в одном классе учился. Корешки. Тель без матери рос. Умерла его matka еще до войны от какой-то болезни. Вот такие дела... А фрицы пришли — едри их в корень! — тут и началось. — Леха сморщился, будто от зубной боли, и начал со злостью тереть затылок. — Да ведь мы и не ждали их так рано! Все думали — пока сквозь наши леса продерутся! А они туточки. Да еще не с той стороны, откуда должны были. Я с Телем как раз на прогоне, на бревнах сидел — все советовались, куда податься. Мой батя служил, а Николка Зотов, Тельманов отец, — хромоножка, его в армию не взяли. Так он никуда уходить из деревни не хотел. Все баял — не задержатся фрицы до зимы.

Ну а мы с Телем хотели в Питер рвануть. Одни...

Сидим — вдруг на прогон мотоцикл с коляской вылетает. Как дал на тормоза, аж занесло, только пыль столбом. Я гляжу — какие-то странные солдаты, головы будто прищепнутые, ну прямо вровень с плечами. Ничего понять не могу, а Тель мне как саданет в бок. «Немцы, — говорит, — тикаем». Брык с бревен. Я за ним, да в бузину и напролом. А фрицы чегой-то заорали и с пулемета садить!

Отсиделись в гуме за деревней. Все боялись домой возвращаться, думали: а вдруг приметили нас фрицы? А ведь дома и корзинки со жратвой были собраны в дорогу.

К вечеру потихоньку, огородами, пришли в дом к Телю, а там немцы. Ну угодили! Дядя Коля в кухне стоял, а рядом офицер. Как сейчас помню, держал он в одной руке бутылку. С вином, наверное, а в другой — тарелку с горячей картошкой. Пар от нее шел. Мы как немца увидели — с порога назад. А отец возьми и крикни: «Тельман, сынок!»

Алексей закурил папиросу, глубоко затянулся.

— Мы бы удрали, да наткнулись в сених на солдата, малина ему в рот.

Привел он нас в горницу, поставил посередке. А офицер расхаживает по горенке. За половики чепляет. Лицом-то добрый, улыбается. И шпарит по-русски: «Вы, — говорит, — мальчишки или зайчики! — Шкура! — Зачем, — говорит, — так быстро бегаете, боитесь немецкого офицера?»

Мы стоим сопим. Ну прямо как во сне! Свалился этот шпендик на нашу голову! Хоть и ждали, а все же поверить было трудно.

Дядя Коля тут же стоит. Бледный — лица на нем нет. А немец говорит: «Кого это из вас Тельманом зовут? Или мне послышалось?» Дядя Коля тихо отвечает: «Послышалось, господин офицер. Сынка моего Тишей звать». Быстро он, однако, его в господу произвел.

Офицер как захохочет! Чего уж ему смешно стало? Пальцем показал на Теля: «Этот? — И спрашивает: — Как зовут тебя, мальчик? Тишей?» А Тель как зыкнул на отца, ровно волчонок, и отрезал: «Тельман!» — Маричев вздохнул тяжело и задумчиво сказал: — Нас ведь, товарищ начальник, весной в комсомол приняли!

Ну и понесло офицера. Чего он только не говорил! И о том, что Тельман — имя плохое, не русское и не немецкое. Что это и не имя совсем. Да все с улыбкой. Я стою, смотрю на стол, где картошка дымится, — жрать охота! Думаю, черт лысый, картошка остынет, отпустил бы поскорей. Шиша с два! Спрашивает он дядю Колю: «Поп у вас в деревне есть?» Тот кивает, есть, мол. Отец Никифор. «Вот, — говорит, — по русскому обычаю мы и перекрестим вашего сынка в Тишу. Нельзя, чтобы с таким именем мальчишка жил». Так, дескать, зовут врага всех немцев и русских.

А Тель возьми да и брякни: «Я в церкви не крестился».

А я-то знаю, что в церкви крестили его родители. Нас, деревенских, почти всех в те годы крестили. Мне мать рассказывала. Офицер смеется пуще прежнего. «Ну вот и хорошо. Будешь крещеным». А Тель знай твердит — «не буду» да «не буду», «Тельман я».

Офицер посмотрел на свою остывшую картошку и уже зло говорит дяде Коле: «Не должно быть мальчика с таким именем. Это непорядок. Вас я накажу особо за то, что его так называли, но вдвойне накажу, если вы сынка не перекрестите в Тишу. — И повторил, скосорылившись: — Мальчика с таким именем быть не должно. — Отчеканил и посмотрел на дядю Колю так, что у того руки затряслись. — Забирайте его и порите, пока не скажет: я Тиша».

Ох, что было потом! Вспоминать неохота, — как-то виновато улыбнувшись, сказал Маричев.

— Завел дядя Коля Теля в кладовку. Сначала уговаривал: «Застрелит ведь немец и тебя и меня. Хорошо, — говорит, — этот еще добрый попался. Другой бы и чикаться не стал». Но Тель уперся. Ревет. Тогда дядя Коля сказал ему: «Сейчас пороть буду. Ты, сынок, кричи погромче». А меня вытурил. Ну да я все равно никуда не ушел. Во дворе на сеновал залез. Слышал возню в кладовке. Отец ему, видать, крепко поддал, а Тельман не пикнул.

— Ну а потом-то что? — спросил Игорь Васильевич. — Чем все кончилось? — Рассказ Алексея потряс его.

— Потом мы все-таки драпанули, — с удовлетворением ответил Маричев. — Тель ночью, а я утром. Немцы вечером деревню прочесали, всех мужиков и мальчишек в церковь согнали и заперли на ночь. Видать, очень боялись. А дядю Колю оставили. Понадобился он им зачем-то.

Посадили для начала всех нас на каменный пол, велели снять кепки, у кого были. Трех стриженных сразу забрали. Два красноармейца были. Попали в окружение. Бабы их переодели. А третий — Витя-китаец. Наш, зайцевский. С лужской тюрьмы пришел. Так и пропал с тех пор. Может, расстреляли...

Потом закрыли немцы двери. Часового поставили. Тот всю ночь постреливал с автомата да пел гнусавым голосом. Чтоб не заснуть, наверное. Вот и куковали мы в этой церквухе. Я так и остался без жратвы. Злой был — страсть! Ну, думаю, выйти бы только — я им такую козу устрою!

Игорь Васильевич засмеялся. Столько злости и удалства было в словах Алексея, что он спросил:

— Ну и устроили?

— Э-э! — весело отозвался Маричев. — Отлились волку овечьи слезы! Я ведь потом к партизанам попал. Ну да это все другой сказ. А уж раз вы про Тельмана интересуетесь, так я доскажу. Сидим мы в церкви, кукуем. Мне даже страшно стало. А тут еще и поп с нами. Немцы и его заперли. Отца, Никифора. Зажег он лампаду перед иконами, стал на колени, молится. На иконах святые будто живые. Глядят со всех сторон. Огонек у лампадки мечется. Да еще ветер на улице поднялся. И слышно, как на колокольне колокола позванивают. А отец Никифор антихриста на все корки разносит. Жуть. Тут один из мужиков ему говорит: «Ты бы, батя, не рвал душу, кончил бы почитать».

Поп и вправду молиться перестал, подошел к Телю, голову ему потрогал: «Крепись, — говорит, — свистулька. — Принес откуда-то мокрую тряпку, положил ему на фингал, сел рядом. — Каяться, — спрашивает, — будешь?» Тель брыкается. А отец Никифор все пристаёт с покаянием. «Яблочки с церковного сада таскал? Покаялся бы. — И смеется. — Хороши яблочки? Ничего, свистулька. Не переживай. Сказано в священном писании: «Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы».

Вот ведь как наш поп сказал тогда. Я до сих пор помню! Наверное, придумал. По ходу дела, — усмехнулся Маричев. — Не может быть, чтобы в священном писании так сказано было. Правда ведь?

— Не знаю, — ответил Игорь Васильевич. — Мне такого не попадалось.

Они закурили, посидели, помолчали. Потом Алексей продолжил:

— Отец Никифор Телю сказал: «Как, — говорит, — я твоего отца отговаривал, чтоб не называл тебя Тельманом. Нету такого имени в святцах! Настоял, упрямый козел. И согрешил я — записал тебя Тельманом. Мне потом отец благочинный выволочку делал. Да я и сам хотел уйти. «Пишша плохая, лапти сносились — давай рашшот!» — пропел он дурашливо. Все рассмеялись, и Тель улыбнулся. Понял, что шутит поп.

А отец Никифор говорит: «Тут среди нас, приметил я, чужих двое. Думаю, что переодетые. Завтра фрицы уже не по волосам проверять будут. Дознают, кто вы такие. Не зря же вы

переодевались. Надо бы вам тикать отсюда. Да и мальчика с собой прихватить. Не ровен час...»

Все молчат. Потом тот мужик, что молиться попу не дал, говорит зло: «Ты что ж, смеешься, что ли? Как из твоей церквухи выберешься? Ровно тюрьма. Сам-то небось тоже сидишь!»

«Раз господу угодно, чтобы вас от пули спасти, найдет он путь праведный, — проворчал отец Никифор. — Церковь эта со словом поставлена».

Подошел он к мужику, пошептались они о чем-то. Потом еще с одним мужичком пошептались. Прихватили Теля и ушли куда-то за иконостас. Через маленькую дверцу. А поп вернулся. Хотел и я с ними рвануть, да не взяли. «Сиди, — говорят, — тебе бояться нечего».

Ну вот и вся история.

— Алексей Павлович, не угостите ли чайком? — попросил Корнилов. — Вы никуда не торопитесь?

— Не, у меня отгулы за прогулы. Выходной я. Сей момент чайку сварганим.

Он ушел на кухню и опять загремел там кастрюлями. А Игорь Васильевич сидел и думал о том, что услышал от Маричева.

Алексей принес две чашки с блюдцами и варенья в маленькой эмалированной мисочке. Сказал гордо:

— Черноплодка с яблоками. Хозяйкина гордость.

Корнилов посмотрел на часы и спохватился — он сидел у Маричева уже около трех часов и даже не заметил, как стемнело на улице.

— Алексей Павлович, — сказал он. — Еще несколько вопросов, да бежать надо. Время подгоняет. А что ж Зотов-то? Отец? Ему немцы ничего не сделали?

— Сделали. Двое суток мутузили. И мне отлуп поутрянке дали. За дружбу, наверное.

— А потом?

— Потом?.. — рассеянно отозвался Маричев. — Потом, когда фрицы отступали, они полдеревни за собой угнали. И дядю Колю. Он, пожалуй, самый последний и вернулся. В конце сорок шестого. Все так и считали его погибшим. Кто-то из зайцевских его в Германии чуть ли не при смерти видал.

— Алексей Павлович, а с сыном Зотов не встречался?

— Нет. Когда Тель в Зайцево после войны приезжал, ничего не известно было об отце. Все считали, что погиб в Германии дядя Коля. Тельман и уехал. Да и жить было негде. Дом-то сгорел...

— А если бы Тельман с ним встретился?

— Ну и что? — удивился Алексей.

— Не мог он ему грозить? Ударить, например?

— Кто? Тельман? Ну что вы! — отмахнулся Маричев. — Простить, может, и не простил бы, но чтоб руку поднять?! Нет! — И, чуть подумав, добавил: — Да, наверное, и простил бы... Я бы простил. Отец все-таки.

— А почему Тельман потом отца не разыскал?

— Откуда я знаю? Наверное, думал, что погиб. А может, уже и разыскал?

— Ну а Зотов?

— А он-то что? Не-е-ет. Когда со мной говорил, плакал.

«Нет, — говорит, — мне прощения». Еще бы. А почему вы все про это спрашиваете?

— Да потому, что Тельмана нашли убитым недалеко от того места, где жил старик.

Леха вскочил, бледнея:

— Тельмана убили? Какая же падла?

«Нет, не буду говорить, что отец. Всей правды ведь не обяснить», — подумал Корнилов.

Когда он приехал в лужскую прокуратуру, чтобы рассказать о своих сомнениях следователю, то застал Каликова в растерянности. Прокурор возвратил дело на доследование...

«Молодец, — обрадовался Игорь Васильевич, — перепроверить «вариант с рыжими шапками»...»

20

С тревожным чувством отправился на следующий день Корнилов в дирекцию лесхоза, чтобы повидать бухгалтера Мокригина. Игорь Васильевич уже не сомневался в том, что именно он шел вслед за художником в день убийства. Дежурный на станции Мшинской опознал по одной из предъявленных ему следователем фотографий человека, приехавшего пятнадцатичасовой электричкой. Этим человеком был Григорий Мокригин. Но нет, не признается бухгалтер, что ездил на Мшинскую. Не захочет отвечать на опасный вопрос, почему убежал из леса, оставив на произвол судьбы истекающего кровью художника. Ведь не обмолвился ни словом об этом, когда беседовал с работниками уголовного розыска, узнавшими о его дружбе с лесником!

Но, несмотря на все свои сомнения, Игорь Васильевич шел в леспромхоз и надеялся на успех. Корнилов специально не стал приглашать Мокригина в райотдел — ему хотелось застать бухгалтера врасплох, неподготовленным. Поставленный перед необходимостью отвечать сразу же, немедленно, он может допустить промах, неточность, может растеряться.

«Почему Мокригин не пошел за помощью в деревню? — думал Корнилов. — Испугался, что могут и его убить? Вздор! Тогда бы он прибежал хоть в милицию. Побоялся, что могут заподозрить в убийстве самого? Нет, честный человек сначала окажет помощь раненому, а уж потом подумает о себе. Честный человек... Но ведь бухгалтер в прошлом уголовник. Мог подумать: «Первое подозрение — на меня. Попробуй потом отмойся». И повернул домой, даже к дружку своему не пошел в тот день. А почему же не был потом? Почему не пришел на похороны лесника? Они же были друзьями. Об этом и в лесхозе знают, и во Владычкине. Что-то за всем этим кроется более серьезное... Знал ли Мокригин, кто идет вместе с ним по лесной тропе? Нет, скорее всего не знал. Ведь лесник не встречался с сыном тридцать лет... — И вдруг Корнилова обожгла внезапная мысль: — А что, если пуля предназначалась бухгалтеру? — Игорь Васильевич вспомнил, что рассказывала ему во Владычкине старуха Кашина о приятеле Зотова: «Собойо фигуристый, меховая рыжая шапка...» И первое, что он тогда сделал, — попросил проверить, не стряслось ли чего с Мокриги-

ным — ведь убитый был широкоплеч, строен, и шапка на нем была рыжая, лохматая...

Дирекция размещалась недалеко от вокзала, в старом, видать купеческом, доме. Корнилов вошел. В коридоре, стены которого были густо заклеены объявлениями, приказами, сводками, курили двое мужчин. У обоих поверх пиджаков были надеты меховые безрукавки.

— Где мне найти бухгалтера? — спросил у них Игорь Васильевич. — Григория Ивановича Мокригина.

Один из мужчин молча показал на лестницу в конце коридора. Корнилов поднялся на второй этаж и отыскал дверь с надписью «Бухгалтерия». «Если там будут посетители, я подожду», — подумал он. Вообще-то в бухгалтерии работали двое, старший бухгалтер Мокригин и еще одна женщина. Еще вчера Игорь Васильевич уговорился с работниками ОБХСС, и они вызвали ее в это время на беседу.

Корнилов приоткрыл дверь и сразу увидел Мокригина. Бухгалтер сидел за большим столом и сосредоточенно считал на арифмометре. На Корнилова он не обратил никакого внимания, даже голову не поднял. Игорь Васильевич подошел к его столу и сел, положив на колени шапку. Мокригин продолжал крутить ручку, беззвучно шевеля губами. Верхняя губа у него была тонкая, злая, а нижняя пухлая и отвислая. Закончив считать, он записал на бумажке какие-то цифры и только тогда поднял голову.

— Вы ко мне?

Бровей у него почти совсем не было, и оттого лицо казалось каким-то бесцветным, блеклым.

— Да, я к вам, Григорий Иванович, — Корнилов достал удостоверение, представился.

Мокригин хотел что-то сказать, но только облизнул вдруг свою толстую нижнюю губу. В лице у него ничего не изменилось, не дрогнуло. Он замер.

— Григорий Иванович, я пришел к вам поговорить о леснике Зотове. Мне сказали, что вы были с ним друзьями...

Бухгалтер по-прежнему был спокоен. Никаких признаков паники. Только сузились глаза, стали маленькими точками зрачки. «Он давно ждал, что к нему придут, — подумал Корнилов. — Успел приготовить себя».

— А что бы вы хотели узнать о Зотове? — Мокригин явно не собирался распространяться о своей дружбе с лесником.

— Вы, наверно, знаете, Григорий Иванович, что Зотов убил сына и сам повесился. — Игорь Васильевич сказал это нарочито спокойно, буднично. — Мне хотелось бы знать об их отношениях.

Мокригин неопределенно пожал плечами.

— Что ж рассказывать? Я не знаю... — Он посмотрел на Корнилова, чуть-чуть прищурившись. — Вы лучше задавайте вопросы. Я отвечу.

«Ого, да он тертый калач, — подумал Корнилов. — Школа видна. Такого голыми руками не возьмешь». — И спросил:

— С Зотовым давно знакомы?

— Давно.

— А вы неразговорчивы, Григорий Иванович. С вами труд-

но, — улыбнулся Корнилов, бухгалтер пожал плечами, машинально крутанул ручку арифмометра.

«Так мы будем разговаривать неделю, — подумал Игорь Васильевич. — Интересно, надолго ли ему хватит выдержки?»

— Вы были знакомы с Тельманом Алексеевым, сыном Зотова?

— Нет.

«Отвечает не задумываясь. На лице ни один мускул не дрогнет», — отметил Корнилов.

— А знали о его существовании?

— Знал.

— Они были в ссоре?

Мокригин горько усмехнулся:

— Ссорой это не назовешь. Они с войны не виделись. О покойниках плохо не говорят, но Тельман оказался свиньей. Даже не подумал разыскать старика, помочь ему... — Лицо бухгалтера стало злым.

— А Зотов просил его о помощи?

— С какой стати?! Он и не искал сына. Случайно узнал о нем, — неожиданно громко сказал, почти выкрикнул Мокригин. — Чего ему унижаться перед чистеньким сыном! Я, я только и помогал старику, — сказал он с необычной горячностью. — И деньгами, и по хозяйству. Да мало ли... — Он с какой-то безнадежностью махнул рукой и замолк, словно испугался своего порыва.

— А как узнал старик о сыне?

— В журнале портрет увидел. В «Огоньке».

— И решил его разыскать?

— Откуда я знаю? — проворчал бухгалтер. — Он мне не докладывал.

«Наверняка знает, что старик разыскивал сына, — решил Корнилов. — Только зачем скрывает?»

— А где вы познакомились с Зотовым, Григорий Иванович?

Бухгалтер вдруг посмотрел на Корнилова с откровенной ненавистью:

— Там и познакомился. Будто не справились... — И сказал с вызовом: — Кто еще у бывшего зека другом может быть? Такой же зек, как и он. Вот мы со стариком и держались друг друга.

«Старый друг лучше новых двух, — вдруг вспомнилась Корнилову поговорка. — Старый друг лучше новых двух... — И какая-то совсем смутная догадка мелькнула у него, скорее не догадка, а предчувствие того, что за этой неожиданной горячностью бухгалтера, за его словами о старой дружбе отверженных обществом людей и кроется разгадка к трагедии.

— Вы, Григорий Иванович, не женаты? — спросил Игорь Васильевич. Он всегда так вел беседы, перескакивая с одного вопроса на другой, лишая своего собеседника возможности понять, что же интересует подполковника больше всего.

— Нет, — отчужденно ответил Мокригин.

— А у вас есть родные?

— Какое это имеет значение? Вы ведь хотели узнать о Зотове, а не обо мне?

— Простите, если задал неприятный вопрос, — дружелюбно сказал Игорь Васильевич. — Я не хотел вас обидеть.

Бухгалтер посмотрел на Корнилова с такой ненавистью, что Игорь Васильевич утвердился в своей догадке: одиночество мучает Григория Мокригина.

— А зачем Зотов убил сына?

— Откуда я знаю! — закричал бухгалтер. Веко на правом глазу у него задергалось. От его несокрушимого спокойствия не осталось и следа. — Что вы не даете покоя старику? Он умер! Умер! И никто не узнает, зачем он убил Тельмана.

Корнилов подождал, пока бухгалтер успокоится, и примирительно сказал:

— Ладно, оставим в покое Зотова, начнем с другой стороны...

Он достал из папки стопку бумаги, авторучку. И вдруг почувствовал, как напрягся Мокригин. Лицо у него стало каменным, только зрачки еще больше сузились.

— Григорий Иванович, — сказал Корнилов. — У меня есть поручение следователя допросить вас по делу об убийстве Тельмана Алексеева. По вновь открывшимся обстоятельствам... — Мокригин молчал. — Предупреждаю вас, что за дачу ложных показаний вы будете нести ответственность. — Игорь Васильевич подвинул бухгалтеру первый листок. — Распишитесь, что я предупредил вас об этом.

Мокригин достал из кармана авторучку, молча расписался.

— Когда вы виделись с Зотовым в последний раз?

— Пятого января... На день рождения он ко мне приезжал.

— А вы?

— Что я? — не понял бухгалтер.

— Вы когда у него были? У Зотова.

— Сразу после Нового года. Съездил, по хозяйству помог.

— Как вы праздновали день рождения? Много было гостей?

— Нет, никого не было, кроме Коли. Посидели в ресторане — и домой.

— В каком ресторане? — спросил Игорь Васильевич.

Мокригин осклабился:

— И этим интересуетесь? В «Радуге».

— Где вы были тринадцатого января с часу дня и до полуночи?

— Ездил в Ленинград, — нехотя процедил Мокригин. — На электричке в тринадцать тридцать.

— Расскажите мне последовательно, где вы были в Ленинграде?

Бухгалтер недобро усмехнулся:

— Если это так необходимо... Попробую вспомнить. — И начал перечислять магазины. Он врал умно, с оглядкой. Корнилов мысленно проследил его путь по городу — все магазины выстраивались по маршруту третьего трамвая.

— Ни один из этих магазинов не был закрыт на переучет? — Игорь Васильевич заметил, как на скулах Мокригина вздулись желваки.

— Нет, на переучет закрыты не были, — медленно ответил он. — Правда, в каком-то из них отдел не работал... Только не помню в каком.

«Интересно, почему Мокригин не спрашивает меня, для чего этот допрос и в чем он провинился? — подумал Игорь Васильевич. — Хочет показать свое безразличие».

— Вы что-нибудь купили себе?

— Нет. Искал пальто на меховой подкладке, да не повезло...
«Еще бы! Такое пальто и летом по большому благу не достанешь. А уж то, что его зимой в магазинах не бывает, — в этом-то, голубчик, ты наверняка уверен. Беспроигрышно играешь».

— Значит, ничего не купили?

— Ничего.

— Когда вы приехали в Ленинград, какая там была погода?

— Пасмурно. Снежок шел, — сказал Мокригин, и Корнилов вдруг увидел, как его лоб внезапно покрылся мелкими капельками пота. Бухгалтер заерзал, стал вдруг переключивать с места на место бумаги, лежавшие перед ним на столе.

Корнилов помнил, что по сводке метеобюро пасмурная погода со снегом была на Мшинской, а в Ленинграде днем было ясно.

— Григорий Иванович, а когда вы уезжали из Ленинграда? Время? Погода?

— Не помню, — отрывисто бросил Мокригин. Похоже, что нервы у него совсем сдали.

— Когда пришли домой?

— В двенадцать.

— Это вы на фото? — Игорь Васильевич вынул из кармана фотографию Мокригина, которую по его просьбе сделали гатчинские оперативники.

— А вы что, не видите? — огрызнулся бухгалтер. — И что это за допрос?! Я в чем-то виноват? Вы даже не потрудились мне объяснить!

— Служащие станции Мшинской, Григорий Иванович, опознали в этом мужчине пассажира, который сошел тринадцатого января с пятнадцатичасового поезда и направился по лесной тропе в сторону деревни Владычкино...

— Я был в Ленинграде, — упрямо сказал бухгалтер.

— С этого же поезда сошел и Алексеев, — продолжал Корнилов. — У него были лыжи. Он ушел вперед, но на одной лыжине сломалось крепление. — Мокригин уже не мог справиться с собой, лицо его перекосила какая-то странная гримаса — не то ужаса, не то боли. Он весь подался к Корнилову, впился в него взглядом. — Да, забыл одну деталь — у Тельмана Алексеева была такая же шапка, как у вас. — Он повернулся к вешалке, на которой висели пальто и мохнатая шапка бухгалтера. — Рыжая, мохнатая.

Мокригин молчал.

Тогда Игорь Васильевич наклонился к нему и сказал, положив свою руку на руку бухгалтера:

— А ведь это вам приготовил старик пулю, Григорий Иванович. За что?

Мокригин резко вскочил, уронив стул. Несколько секунд он молча смотрел на Корнилова, словно не зная, что предпринять, а потом вдруг громко, горячечно зашептал:

— Не докажете, не докажете! Не мог он в меня. У него и был-то один друг на свете — Гриша Мокригин! Один! Все от него отвернулись, все! И Тельман этот тридцать лет не знался, а тут — нате, поперся к папочке. Кому он нужен, Павлик Моро-

зов! Говорил я деду — доживай свой век без чистеньких. Не послушал — умереть ему прощеным захотелось! Тьфу! — Мокригин плюнул и, будто опомнившись, спросил, пристально глядя в глаза Корнилову: — А я-то, я в чем виноват, товарищ хороший? Мне-то вы зачем о прошлом напоминаете? Мало ли в кого стрелял старик. Он и расчелся. Не я ведь стрелял! — И снова закричал: — Что вы мне душу терзаете, все старых грехов забыть не можете!

Дверь в комнату приоткрылась, и заглянула испуганная женщина. Мокригин посмотрел на нее с такой злостью, что женщина моментально исчезла.

— Вы садитесь, — спокойно, но настойчиво попросил Корнилов. Так мучивший его все последние дни вопрос — зачем убил старик лесник своего сына — перестал быть вопросом... — Я не о старом пришел напоминать. — Мокригин сел. Веко у него все дергалось, а руки не находили покоя. Он хватался то за лицо, то за шею, не в силах совладать с собой. — Дело ведь вот в чем, Григорий Иванович: бросили вы Тельмана Алексея в беспомощном состоянии. Умирать в лесу. А его спасти можно было, если бы вы сходили за помощью.

— Мертвый он был, мертвый, — упавшим голосом пробормотал бухгалтер. — Старик без промаха бил. — Его передернуло, словно от холода.

— Экспертиза свидетельствует — несколько часов жил. Вот за это преступление вам отвечать придется. Оно доказуемо...

— Мертвый он был, — опять сказал Мокригин. Вид у него был затравленный.

«Опытный дядя, — думал Игорь Васильевич, разглядывая бухгалтера, — а нервишки подводят. Эк он расчиховался, когда я сказал, что пуля ему предназначалась!» И быстро спросил еще раз:

— Григорий Иванович, а за что все-таки хотел убить вас лесник? Неужели не догадываетесь?

Мокригин шумно вдохнул в легкие воздуха, лицо его сделалось таким багровым, что Корнилов испугался, не хватит ли бухгалтера удар.

— А если и догадываюсь, — наконец выдохнул он, — вам-то какая с этого корысть? К делу не пришьете! — Мокригин неожиданно улыбнулся, но улыбнулся дико и зловеще. Глаза у него при этом блеснули. Корнилову даже показалось, что как-то гордо блеснули.

— Боялся меня Николка, — сказал бухгалтер. — Своего прошлого боялся. Сыну хотел чистеньким представиться. А меня, значит, побоку?! Рылом в чистенькие не вышел! Курва! — Он так же внезапно погасил свою жуткую улыбку и замолк.

Остальная часть допроса пошла спокойно. На все вопросы Мокригин отвечал безучастно и односложно: «да», «нет». Он подтвердил, что услышал выстрел перед тем, как выйти из леса на поляну, и через несколько минут наткнулся на тело лыжника. Думал якобы сначала, что выстрел случайный, что поблизости охотники. Боясь, что могут выстрелить еще, он спрятался за ель и только тогда увидел справа на горке спину удалявшегося человека. Это был Зотов.

О лыжнике Мокригин все время твердил: «Он был мертвый, лыжник-то. Мертвый. Я ничем не мог помочь». О том, что это был Тельман Алексеев, сын лесника, Мокригин узнал только вчера, от директора лесхоза.

Корнилов сел за соседний столик, где стояла большая пишущая машинка, и начал печатать протокол допроса. Бухгалтер сидел понурый, время от времени исподлобья поглядывал на Игоря Васильевича. Когда протокол был готов, Корнилов мельком перечитал его и дал Мокригину. Ознакомиться и подписать, Бухгалтер спокойно взял листки и, глядя прямо в глаза Корнилову, разорвал протокол на мелкие кусочки. В лице у него ничего не дрогнуло, ни один мускул.

— Ничего не докажете. Можете хоть сто опознаний делать. — И бросил бумажки на пол.

Корнилову стоило большого труда, чтобы не показать бешенства, которое им овладело. «Ох какой подонок, какой зрелый подонок», — подумал он, ощущая нестерпимое желание ударить.

— Вы можете сколько угодно рвать бумажки, но от ответа вам не уйти, Мокригин.

Возвращаясь в райотдел, Корнилов думал о том, что же могло связывать этого злобного бухгалтера и лесника Зотова? Бухгалтера и лесника... Сидели вместе. Верно, сидели. Но раскаявшиеся преступники на свободе избегают друг друга. А уж если объединяются, то закоренелые. На дурное. Наперекор пословице «В счастье — вместе, в горе — врозь».

Бухгалтер и лесник. Правил без исключений нет, но не обязательно ведь эта пара — исключение. Нет, недаром держались они вместе столько лет. Лесник и бухгалтер лесхоза. Что же их связывало? Лес? Воровали лес? Слишком на поверхности...

В райотделе Игорь Васильевич рассказал обо всем начальнику уголовного розыска.

— Свяжитесь с лужской прокуратурой. У них делом об убийстве следователь Каликов занимается. Но стерегите бухгалтера. Сбежать может. Сердцем чую. Попросите обэхаэсэсовцев — пусть займутся лесхозом. Что-то тут нечисто. Бухгалтер и лесник — улавливаете? Сидели вместе. Да уж раз этот Мокригин человечко подлый, за ним все равно какое-нибудь преступление найдется.

...Дня через два после всех этих событий Игоря Васильевича остановил в коридоре управления Белянчиков.

— Все забываю тебя спросить, Игорь. Когда ты понял, что лесник не в сына стрелял, а в своего дружка, в Мокригина? — Юрий Евгеньевич немножко sluкавил — они с Корниловым встречались постоянно, на дню по несколько раз. И давно бы он мог спросить, да просто дулся за тот разговор. Белянчиков обиды долго помнил.

— На репетиции в театре.

— При чем здесь театр? — удивился Юрий Евгеньевич.

— Да как тебе сказать, — задумчиво начал Корнилов. — В двух словах не расскажешь.

Игорь Васильевич закурил.

— Пригласили меня проконсультировать одну пьесу. На нашу тему. Там в третьем действии молодой парень убивает свою знакомую. Бежит к другой подружке и в любви ей объясняется, пьют вместе вино как ни в чем не бывало. А на репетиции заминка произошла — не получается эта сцена у молодого актера, и все тут. «Дайте, — говорит, — мне еще время в образ вжиться».

Я сначала решил — не под силу актеру роль. А потом, когда подумал всерьез да всю пьесу вспомнил, другое понял. Это не актера вина. Он-то молодчина. Фальшь уловил. Интуитивно почувствовал, что его герой не мог совершить это преднамеренное убийство, да еще тут же с новой милашкой объясняться!

— Что значит не мог? — спросил Белянчиков.

— Ну конечно, в жизни все бывает: случай, пьянка, вспышка гнева. А чтобы преднамеренно — нет! Этот герой не мог, понимаешь? Логика характера не позволяет. Уж таким сотворил его автор. А потом ссамовольничал.

Белянчиков засмеялся:

— Ну ты чудишь, Игорь! Это уж дело автора, как повернуть...

— Ничего смешного не вижу. Я с тобой как с другом... — Корнилов сердито поглядел на Белянчикова. — Не могу я тебе объяснить, что уж там автор думал...

— Ну а к чему ты мне всю эту историю рассказал? Я ж тебя о другом спросил.

— С логикой у тебя слабовато, Юра. Логикой тебе подзаниваться не мешало бы. Да, наверное, поздно. Чему Ваня не выучился, тому Ивана не обучишь... А если говорить серьезно, то слишком уж страшное это преступление — сыноубийство. Да особенно если совершено оно так расчетливо, обдуманно. Для этого ох какие основания иметь надо! А Зотов полжизни врозь с сыном прожил, даже не встречался.

— Ну и довод у тебя, — тихо сказал Юрий Евгеньевич. — Не слишком профессиональный.

— Логичный довод, — сказал Корнилов. — Простой, человеческий. Да ведь еще и шапки у Мокригина и у Тельмана Алексева одинаковые были. Мне это сразу в глаза бросилось. — И хлопнул дружески Белянчикова по плечу: — Вот так-то, товарищ капитан. А все-таки бесплодных истин не бывает!

И НЕ ОСТАЛОСЬ НИКОГО

Фантастическая повесть

Диаметр космического крейсера был восемьсот футов, длина — немногим больше мили. Растянулся он через все поле, прихватив половину соседнего. Земля осела под его тяжестью футов на двадцать.

Две тысячи людей на борту четко делились на три группы. Высокие, подтянутые, с прищуренными глазами — экипаж. Коротко стриженные, с тяжелыми челюстями — десантники. И наконец, лысеющие, близорукие, с невыразительными лицами — штатские чиновники.

Экипаж разглядывал этот мир с профессиональным, но безразличным интересом людей, привыкших окидывать планету быстрым цепким взглядом, прежде чем устремиться к другой. Солдаты взирали на него со смесью грубоватого презрения и скуки. Чиновники — с холодным властным выражением.

Эти люди привыкли к новым мирам, посетили десятки их и ничего необычного не испытывали. Освоение новой планеты, как и предыдущих, было всего лишь повторением хорошо отработанной, четко выполняемой программы. Но на этот раз они здорово влипли, хотя еще не знали об этом.

С корабля высаживались в строго установленном порядке. Первым — имперский посол. За ним — капитан крейсера, командир десантного подразделения, старший гражданский чиновник.

Ну и потом, разумеется, сошка помельче, но в том же порядке: личный секретарь его превосходительства, старший помощник капитана, заместитель командира десантников и канцелярские крысы соответствующего ранга.

И так ступень за ступенью, исключая самых низших: приказмахера его превосходительства, чистильщика сапог и слуги, рядовых и нескольких канцелярских служек, взятых временно и мечтающих о постоянном месте. Это собрание несчастных оставалось на борту для уборки корабля под приказом воздерживаться от курения.

Будь планета неизвестной и враждебной, высадка проходила бы в обратном порядке, выполняя библейские предска-

ния о том, что последние будут первыми, а первые будут последними. Но неизвестной эта планета была только формально, потому что давно уже числилась в пыльных gross-бухах и папках в двухстах с лишним световых года отсюда как поспевший для сбора плод. Задержка объяснялась только сверхобилием других переспевших плодов.

Согласно архивным данным планета лежала на самой дальней границе гигантского скопища миров, заселенных во время Великого Взрыва — переселенческой лихорадки, охватившей Терру, когда двигатель Блидера практически преподнес ей космос на блюдецке.

В те времена каждая семья, клан или племя, решившие поискать счастья, выходили на звездные тропы. Мятащиеся, честолюбивые, недовольные, эксцентричные, антиобщественные, непоседливые и просто любопытные срывались с места десятками, сотнями, тысячами.

Около двухсот тысяч бывших жителей Терры обосновались лет триста тому назад на этой планете. Как обычно и случается, процентов на девяносто поселенцы были знакомыми, родичами или друзьями пионеров, людьми, решившими последовать примеру дяди Эдди или доброго старого Джо.

Если с тех пор они раз в шесть или семь размножились, то к настоящему времени их здесь было несколько миллионов. А то, что они размножились, стало ясным еще при подходе к планете: больших городов не наблюдалось, но обнаружилось изрядное количество мелких городков и деревень.

Его превосходительство одобрительно глянул на дерн под ногами, наклонился и ворча выдернул травинку.

— Трава-то как у нас на Терре, капитан? Это что, совпадение или они завезли с собой семена?

— Совпадение, наверное, — высказал свое мнение капитан Грейдер. — Я уже бывал на четырех травоносных планетах. Есть, наверное, и другие, где трава растет.

— Да, вероятно. — Его превосходительство осмотрелся вокруг с хозяйственной гордостью. — Похоже, там кто-то пашет землю. Маленький двигатель, два широких колеса. Неужели они такие отсталые? — Он потер пару подбородков. — Приведите его сюда. Побеседуем, выясним, с чего лучше начинать.

— Есть. — Капитан Грейдер повернулся к полковнику Шелтону, командиру десанта: — Его превосходительство желает говорить с фермером. — Он показал на далекую фигуру.

— Вот тот фермер, — сказал Шелтон майору Хейму. — Его превосходительство требует фермера немедленно.

— Доставить фермера сюда, — приказал Хейм лейтенанту Дикону. — Быстро.

— Взять этого фермера, — сказал Дикон старшему сержанту Бидворси. — Да поживее. Его превосходительство ждет.

Старший сержант, огромный краснолицый человек, искал взглядом кого-нибудь рангом пониже, но вспомнил, что

все низшие чины убирают сейчас корабль под запретом курить. Миссия, видимо, выпала ему.

Бухая башмаками по полю и подбежав на расстояние окрика к указанному объекту, он продемонстрировал образцовую строевую стойку, испустил казарменным басом вопль: «Эй ты, здорово!» — и призывно замахал руками.

Фермер остановился, вытер пот со лба, оглянулся. По его поведению было похоже, что громада крейсера для него не более чем мираж. Бидворси опять замахал, делая весьма повелительные жесты. Фермер спокойно помахал в ответ и продолжал пахать.

Бидворси выругался и подошел поближе. Теперь ему было хорошо видно обветренное лицо фермера и его густые брови.

— Здорово!

Снова остановив плуг, фермер оперся на него, ковыряя в зубах.

Осененный мыслью, что за последние три года века старый земной язык мог уступить место какому-нибудь местному наречию, сержант спросил:

— Ты меня понимаешь?

— А может один человек понять другого? — осведомился фермер на чистейшем земном языке и повернулся, чтобы продолжать работу.

Бидворси несколько растерялся, но, придя в себя, торопливо сообщил:

— Его превосходительство имперский посол желает говорить с тобой.

— Ну? — Фермер окинул его задумчивым взглядом. — А чем это он превосходитен?

— Он особа значительной важности, — заявил Бидворси, который никак не мог решить, издевается ли этот тип над ним или был тем, что принято называть «характером».

— Значительной важности, — повторил фермер, переводя взор на горизонт. Он, видимо, пытался понять смысл, вкладываемый чужаком в эти слова. Подумав немного, он спросил: — Что случится с твоим родным миром, когда эта особа умрет?

— Ничего, — признал Бидворси.

— Все будет идти как прежде?

— Конечно.

— В таком случае, — заявил фермер решительно, — нечего его считать важной особой. — С этими его словами моторчик загудел, колеса закрутились, и плуг начал пахать.

Вонзая ногти в ладони, Бидворси с полминуты вбирал в себя кислород, прежде чем сумел выдать хрипло:

— Я не могу вернуться к его превосходительству без ответа.

— Да ну? — Голос фермера звучал недоверчиво. — Что же тебя держит? — Потом, заметив опасное увеличение интенсивности окраски лица Бидворси, добавил сочувственно: — Ну ладно, передай ему, что я сказал. — Он запнулся и добавил: — Благослови тебя боже и прощай!

Старший сержант Бидворси, мощный человек весом в двести двадцать фунтов, носился по космосу уже два де-

сятка лет и ничего не боялся. В жизни на его голове и волосок не дрогнул, но сейчас, когда он вернулся к кораблю, его била дрожь.

Его превосходительство уставился на Бидворси холодным взором и требовательно спросил:

— И так?

— Не идет. — У Бидворси на лбу жилы выступили. — Его бы в мою роту, сэр, на пару месяцев. Я б его так обтесал, что он скакал бы галопом.

— Я в этом не сомневаюсь, старший сержант, — утешил его превосходительство. И шепнул полковнику Шелтону: — Он хороший парень, но не дипломат. Слишком резок и голосом груб. Идите лучше вы сами и приведите этого фермера. Не сидеть же нам вечно и ждать, пока найдем, с чего начать.

— Есть, ваше превосходительство. — Полковник Шелтон двинулся через поле и поравнялся с плугом. Любезно улыбаясь, он сказал: — Доброе утро, дорогой мой.

Остановив плуг, фермер вздохнул, как бы покоряясь судьбе, которая иногда приносит и неприятные моменты, повернулся к пришельцу, глаза его были темно-карими, почти черными.

— А чем это я вам дорог? — поинтересовался он.

— Это просто выражение такое, — объяснил Шелтон. Теперь он понял, в чем дело. Повезло Бидворси, наткнулся на раздражительного типа. Вот и сцепились. Шелтон продолжал: — Я просто старался быть вежливым.

— Что ж, — рассудительно заметил фермер. — Я думаю, что ради такого дела стоит постараться.

Несколько порозовев, Шелтон решительно продолжал:

— Мне приказано просить вас почтить своим присутствием наш корабль.

— Думаете, на корабле будут почтены моим присутствием?

— Я уверен в этом, — ответил Шелтон.

— Врете, — сказал фермер.

Побагровев, полковник Шелтон отрезал:

— Я никому не позволяю называть меня лжецом.

— Только что позволили, — отметил его собеседник.

Пропустив это мимо ушей, Шелтон продолжал настаивать:

— Пойдете вы на корабль или нет?

— Нет.

— Почему?

— Зассд, — сказал фермер.

— Что?!

— Зассд, — повторил фермер.

От этого словечка пахло чем-то оскорбительным.

Полковник Шелтон отправился обратно.

— Строит кого-то из себя, — сказал он послу. — Все, чего я добился, в конце концов, было «зассд», что бы оно ни значило.

— Местный жаргон, — вмешался капитан Грейдер, — за три-четыре столетия развивается со страшной силой. Видывал я парочку планет, где жаргон так распространился, что практически приходилось учить новый язык.

— Вашу речь он понимал? — спросил посол, глядя на полковника.

— Так точно, ваше превосходительство. И сам говорил чисто. Но никак не соглашался прекратить пахать. — Подумав немного, он добавил: — Если бы решение вопроса предоставили на мое усмотрение, я бы его доставил сюда силой под вооруженным конвоем.

— Чем, конечно, поощрили бы его дать ценную информацию, — прокомментировал посол с нескрываемым сарказмом. Он погладил себя по животу, расправил пиджак, взглянул на свои начищенные туфли. — Ничего не остается, кроме как пойти самому с ним побеседовать.

Полковник Шелтон был шокирован:

— Ваше превосходительство, но вам не следует этого делать!

— Почему не следует?

— Идти самому не подобает вашему званию!

— Я отдаю себе в этом отчет, — сухо ответил посол. — Вы можете предложить что-либо другое?

— Мы можем выслать поисковую группу найти кого-нибудь поговорчивее.

— И потолковее, — высказался капитан Грейдер. — От этого деревенского лапотника мы все равно много не узнаем. Я сомневаюсь, известна ли ему хоть толика сведений, которые нам нужны.

— Хорошо. — Его превосходительство оставил мысль об экспедиции собственными силами. — Организуйте группу и давайте, наконец, добьемся каких-нибудь результатов.

— Поисковая группа, — сказал полковник Шелтон майору Хейму. — Выделить немедленно.

— Назначить поисковую группу, — приказал Хейм лейтенанту Дикону. — Сейчас же.

— Поисковую группу вперед, старший сержант, — распорядился Дикон.

Бидворси подошел к кораблю, вскарабкался по трапу, сунул голову в люк и прорычал:

— Отделение сержанта Глида, на выход, да поживей!

Он с подозрением принялся и пролез дальше в люк. Голос его набрал еще несколько децибел:

— Кто курил? Клянусь Черным Мешком, если поймаю...

С поля доносился звук работающего двигателя и шуршание толстых шин. Рывкнула команда — две шеренги по восемь человек развернулись и зашагали по направлению к носу корабля. Солдаты ступали в ногу, брэнчала амуниция, и сверкало на пряжках оранжевое солнце.

Сержанту Глиду не пришлось вести своих людей далеко. Промаршировав ярдов сто, он заметил справа от себя идущего через поле человека. Не обращая абсолютно никакого внимания на корабль, тот шел к фермеру, продолжавшему пахать.

— Отделение, напра-во! — завопил Глид. Дав своим людям обойти путника, он скомандовал им: — Кругом! — сопровождая команду выразительным жестом.

Ускорив шаг, отделение разомкнуло строй, образуя две

шеренги, марширующие по обеим сторонам одинокого пешехода. Игнорируя этот неожиданный эскорт, пешеход продолжал идти своей дорогой, убежденный, видимо, в том, что все происходящее не более чем мираж.

— Нале-во! — заорал Глид, пытаясь направить всю эту компанию в сторону посла.

Молниеносно выполнив команду, двойная шеренга развернулась налево, демонстрируя образцовый воинский маневр. Одно лишь нарушило его безупречность: человек посредине продолжал идти своим путем и непринужденно проскользнул между четвертым и пятым номерами правой шеренги.

Глида это расстроило, тем паче что за отсутствием другого приказа отделение продолжало маршировать по направлению к послу. На глазах его превосходительства происходила недостойная армии сцена: конвой тупо чеканил шаг в одну сторону, а пленник беззаботно шел себе в другую. У полковника Шелтона найдется много чего сказать по этому поводу, а если он что и упустит, то Бидворси припомнит уж наверняка.

— Отделение! — завопил Глид, негодуяще тыча пальцем в сторону беглеца, причем все уставные команды мгновенно высочили из его головы. — Взять этого хмыря!

Разомкнув строй, солдаты окружили путника так плотно, что он не мог двигаться дальше. Поэтому он застыл на месте.

Глид подошел к нему и сказал, несколько запыхавшись:

— Слушай, с тобой всего-навсего хочет поговорить наш посол.

Абориген ничего не ответил, лишь уставился на него мягкими голубыми глазами. Тип он был весьма забавный, давно небритый, рыжие баки, окаймлявшие лицо, торчали во все стороны. И вообще он был похож на подсолнух.

— Пойдешь ты к его превосходительству? — стоял на своем Глид.

— Не-а, — туземец кивнул в сторону фермера. — Я иду поговорить с Заком.

— Сначала с послом, — твердо ответил Глид. — Он — фигура.

— Я в этом не сомневаюсь, — заметил «подсолнух».

— Ты у нас большой умник, да? — сказал Глид, состроив отвратительную физиономию и приблизив ее к лицу собеседника. — А ну, ребята, тащи его. Мы ему покажем.

«Большой умник» сел на землю. Сделал он это очень основательно, приняв вид статуи, прикованной к этому месту на веки вечные. Рыжие баки, правда, особого благородства ситуации не придавали. Но сержанту Глиду иметь дело с такими сидунами было не впервой. С той только разницей, что этот был абсолютно трезв.

— Поднять его и нести, — приказал Глид.

Солдаты подняли его и понесли, ногами вперед, баками назад.

Не сопротивляясь и расслабившись, абориген повис в их руках мертвым грузом. В такой неблагоприятной позе он и предстал перед послом.

Как только его поставили на ноги, он сразу же устремился в сторону Зака.

— Задержать его, чтоб вас... — заорал Глид.

Солдаты скрутили туземца. Его превосходительство оглядел аборигена с хорошо воспитанным умением скрывать неудовольствие, деликатно кашлянул и заговорил:

— Я искренне сожалею, что вам пришлось прибыть ко мне подобным образом.

— В таком случае, — предложил пленник, — вы могли бы избежать душевной муки, просто не позволив этому произойти.

— Другого выхода не было. Нам надо как-то установить контакт.

— Не понимаю, — ответили «рыжие баки», — почему именно сейчас?

— Сейчас? — Его превосходительство нахмурился от растерянности. — При чем здесь это?

— Так я об этом и спрашиваю.

— Вы понимаете, о чем он говорит? — обернулся посол к полковнику Шелтону.

— Позвольте высказать предположение, ваше превосходительство. Я думаю, что он имеет в виду следующее: если мы

Рисунки Ю. МАКАРОВА

оставили их без контактов с нами более чем на триста лет, то нет особой спешки в том, чтобы устанавливать контакт именно сегодня. — Он обернулся к «подсолнуху» за подтверждением.

Эта достойная личность подтвердила правильность его логики следующим образом:

— Для недоумка вы соображаете не так уж плохо.

Не говоря уже о Шелтоне, это было слишком для багровеющего поблизости Бидворси. Грудь его раздувалась, глаза извергали огонь, с командным металлом в голосе он рявкнул:

— Не смей проявлять непочтительность, обращаясь к старшим офицерам!

Мягкие голубые глаза пленника обратились на него в детском изумлении, медленно изучая с головы до ног. Потом они вернулись к послу.

— Что это за нелепая личность?

Нетерпеливо отмахнувшись от вопроса, посол сказал:

— Послушайте, в наши намерения не входит беспокоить вас из чистого своеволия, как вы, кажется, склонны думать. Никто не намерен задерживать вас более чем необходимо. Все мы...

Подергивая себя за бородку, что придавало его поведению особое нахальство, туземец перебил посла:

— А решать, что необходимо, будете, разумеется, вы?

— Напротив, решение будет предоставлено вам, — ответил посол, демонстрируя достойное восхищения самообладание. — Все, что от вас требуется, — это сказать...

— В таком случае я уже решил, — опять перебил его пленник и попытался сбросить с себя руки конвоиров. — Дайте мне наконец пойти поговорить с Заком.

— Все, что от вас требуется, — стоял на своем посол, — это сказать нам, где мы можем найти представителя местной администрации, который нас свяжет с центральным правительством. — Слова эти сопровождалось строгим начальственным взглядом. — Ну, например, укажите, где находится ближайший полицейский участок.

— Зассд, — ответил туземец.

— Сам зассд, — ответил посол, терпение которого начало иссякать.

— Именно этого я и добиваюсь, — загадочно заверил его пленник. — Только вы мне все время мешаете.

— Если можно внести предложение, ваше превосходительство, — вмешался полковник Шелтон, — позвольте мне...

— Никаких предложений мне не требуется, и я вам не позволю, — неожиданно грубо ответил посол. — Хватит с меня этого шутовства. Мы, наверное, приземлились в зоне для умалишенных, нужно это понять и без задержки покинуть ее.

— Вот теперь вы говорите дело, — одобрили «рыжие баки». — И чем дальше уберетесь, тем лучше.

— Я отнюдь не намерен покидать планету, если именно такая мысль пришла в вашу неразумную голову, — с глубоким сарказмом заверил его посол. Он по-хозяйски топнул ногой. — Эта планета — часть нашей Империи. И как таковая она будет зарегистрирована, изучена и реорганизована. Корабль лишь переместится в другой район, где люди лучше соображают. — Он сделал жест конвоирам. — Отпустите его. Он, без сомнения, спешит одолжить у кого-нибудь бритву.

Туземец, не сказав ни слова, сразу же направился к фермеру, как будто не намагниченной стрелкой компаса, непреодолимо притягиваемой к Заку. На лицах наблюдавших за ним Глида и Бидворси вырисовались отвращение и разочарование.

— Немедленно готовить корабль к перелету, — приказал посол капитану Грейдеру. — Сядем у какого-нибудь приличного городка, а не в глуши, где эта деревенщина принимает пришельцев из космоса за цыганский табор.

С важным видом он поднялся по трапу. За ним капитан Грейдер, за ним полковник Шелтон, за ним в должном порядке все остальные чины. Последними поднялись люди сержанта Глида.

Убрали трап. Задраили люк. Несмотря на огромную мас-

су, корабль взлетел без оглушительного шума и языков пламени.

Тишину нарушали лишь звук работающего плуга и голоса двух человек, разговаривающих подле него. Ни один из них не удосужился даже повернуться, чтобы проводить корабль взглядом.

— Семь фунтов первосортного табака — это очень много за ящик бренди, — протестовали «рыжие баки».

— За мой бренди это еще мало, — отвечал Зак.

На этот раз корабль приземлился на широкой равнине в миле севернее городка, населенного на первый взгляд двенадцатью-пятнадцатью тысячами жителей. Капитан Грейдер предпочел бы перед посадкой произвести обстоятельную разведку с низких высот, но тяжелым космическим крейсером не сманеврируешь, как атомосферной посудиною. На таком расстоянии от поверхности корабль может пойти или на взлет, или на посадку, и ничего более.

Так что Грейдер прицелил свое судно в лучшее место для посадки, которое он мог выбрать в считанные секунды. Спустили трап и в прежнем порядке повторили церемонию высадки.

Его превосходительство бросил на городок оценивающий взгляд, дал окружающим отметить свое разочарование и сообщил:

— Что-то здесь не то. Вот город. Мы на виду у всех, и корабль торчит как стальная гора. Не менее тысячи людей видели, как мы идем на посадку, даже если остальные в это время занимались спиритизмом за спущенными шторами или дулись в карты в подвалах. И что же, взволнованы они?

— Похоже, нет, — признал полковник Шелтон.

— Я не спрашивал вас. Я указывал вам. Они не взволнованы. Они не удивлены. Им просто-напросто даже неинтересно. Да что же с ними такое?

— Должно быть, им не хватает любопытства, — предположил Шелтон.

— Может быть. А может, они просто боятся. Или все они чокнутые. Не одна планета была колонизирована всякими чудаками, которые искали свободы для своих чудачеств. Ежели психов триста лет никто не одергивал, то их отклонения превращаются в норму. Это да соответствующее воспитание из поколения в поколение могут создать весьма странных типов. Но мы их вылечим!

— Разумеется, ваше превосходительство, конечно.

Посол указал на юго-восток:

— Я вижу там дорогу. Она кажется широкой и хорошо мощенной. Послать туда поисковую группу. Если они не приведут никого, кто желал бы побеседовать, мы немного пождем и пошлем в город батальон.

— Группу, — повторил полковник Шелтон майору Хейму.

— Вызвать поисковую группу, — приказал Хейм лейтенанту Дикону.

— Выслать их опять, старший сержант, — сказал Дикон.

Бидворси выкликнул Глида и его людей, показал направ-

ление, обложил их парой выражений и приказал отправляться.

Глид маршировал во главе колонны. До дороги было не больше полумили, она углом выгибалась к городу. Левая шеренга, которой хорошо были видны городские окраины, жадно их рассматривала.

Объект появился, как только они дошли до шоссе. Он довольно быстро передвигался со стороны города на конструкции, отдаленно напоминающей мотоцикл. Два больших резиновых колеса приводились в действие чем-то вроде вентилятора в клетке. Глид расставил своих людей поперек шоссе.

Приближавшаяся машина вдруг испустила резкий, пронзительный звук, смутно напоминавший голос Бидворси при виде нечищенных сапог.

— Стоять по местам! — скомандовал Глид. — Кто сойдет с места — шкуру спущу.

Опять резкий сигнал. Никто не шелохнулся. Машина замедлила ход, подползла ближе и остановилась. Вентилятор продолжал вращаться на малых оборотах, можно было различить издающие тихое шипение лопасти.

— В чем дело? — осведомился водитель. Он был худ, лет за тридцать, носил в носу золотое кольцо, а волосы его были заплетены в косичку.

При виде его Глид заморгал от изумления, но все же собрался с силами, ткнул пальцем в сторону стальной горы и сказал:

— Корабль из космоса!

— Ну и что я, по-вашему, должен теперь делать?

— Сотрудничать, — ответил Глид, все еще ошарашенный косой. Ничего похожего ему раньше встречать не приходилось. И ее хозяин отнюдь не выглядел женоподобно. Скорее наоборот, коса придавала его лицу свирепое выражение.

— Сотрудничать, стало быть, — размышлял вслух туземец. — Что ж, красивое слово. И вам, разумеется, известно, что оно означает?

— Я не ослуп.

— Точная степень вашего идиотизма не является предметом обсуждения в настоящий момент, — ответил туземец. Кольцо в его носу чуть покачивалось, когда он говорил. — Сейчас предметом обсуждения является «сотрудничество». Сдается мне, вы сами всегда готовы сотрудничать?

— А то как же, — заверил его Глид. — И все другие тоже, если не хотят неприятностей.

— Давайте не будем уклоняться от темы, ладно? — Туземец прибавил вентилятору оборотов, потом снова замедлил его вращение. — Вам отдают приказы, и вы их выполняете?

— Конечно. Мне так всыпят, если...

— Это и есть то, что вы именуете «сотрудничеством»? — перебил Глида собеседник. Он пожал плечами и отрешенно вздохнул. — Ну что ж, всегда приятно проверить историков. Книжки ведь могли и ошибаться. — Вентилятор завертелся вовсю, и машина двинулась вперед. — Извините, пожалуйста.

Переднее резиновое колесо врезалось в двух солдат, от-

бросив их в стороны без какого-либо ущерба для их здоровья. Машина с воем рванулась вперед по дороге.

— Кретины чертовы! — вопил Глид, пока его солдаты поднимались и отряхивались. — Я вам приказал стоять по местам, как вы посмели его выпустить?

— А что было делать, сержант? — ответил один из них, бросив на Глида угрюмый взгляд.

— Заткнись! Надо было держать оружие наизготовку и прострелить ему шину. Никуда бы он тогда не делся.

— А вы нам не приказывали держать оружие наизготовку.

— Да и вообще, ваше-то где? — добавил кто-то из солдат.

Глид круто развернулся и прорычал:

— Кто это сказал? — Его разгневанные глаза обшарили длинный ряд безразличных, пустых лиц. Найти виновного было невозможно. — Ну ничего, всыплю я вам нарядов вне очереди, — пообещал Глид. — Я вам...

— Старший сержант идет, — предупредил один из солдат.

Подошел Бидворси, окинул отделение холодным, презрительным взглядом.

— Что здесь происходит?

Изложив вкратце обстановку, Глид закончил угрюмо:

— Он был похож на Чикасёва, который владеет нефтяным колодцем.

— Что такое «Чикасёва»? — потребовал объяснения Бидворси.

— Я про них читал где-то еще пацаном, — пояснил Глид, радуясь возможности блеснуть познаниями. — Они носили длинные прически, одеяла и разъезжали в автомобилях, отделанных золотом.

— Шиза какая-то, — сказал Бидворси. — Я плюнул на всю эту муру про волшебные ковры, когда мне было семь. К двенадцати я знал назубок баллистику, а к четырнадцати — тыловое обеспечение. — Он громко фыркнул, окидывая собеседника ехидным взглядом. — Некоторые страдают, правда, замедленным развитием.

— Они действительно существовали, — стоял на своем Глид. — Они...

— И феи тоже, — отрезал Бидворси. — Мне о них мамочка рассказывала. А мамочка была хорошей женщиной и не врала. По крайней мере, часто. — Он сплюнул на дорогу. — Не будь младенцем! — И затем он окрысился на солдат: — Ну-ка, держать оружие как следует, если вы знаете, что это такое. Следующим, кто попадется, я лично займусь.

Он присел на большой камень у дороги и вперил в город истерпеливый взгляд. Глид примостился рядом, несколько задетый. Полчаса прошло без каких-либо событий.

Один из солдат спросил:

— Закурить можно, старший сержант?

— Нет.

Все смотрели на город, сохраняя мрачное молчание, облизывая губы и думая. Им было о чем подумать. Город, лю-

бой город, где живут люди, обладает многими привлекательными чертами, которых лишен космос: огнями компаний, свободой, смехом, всеми проявлениями жизни, по которым они изголодались.

Наконец из пригорода выехал большой экипаж и направился в их сторону. Длинная машина, битком набитая людьми, катилась на двадцати колесах (по десять с каждой стороны) и издавала такой же вой, как ее маленькая предшественница, но вентиляторов не было видно.

Когда она подошла ярдов на двести к заграждению на шоссе, из рупора, установленного под крышей, раздалось:

— С дороги, с дороги!

— Ага, — с удовлетворением пробурчал Бидворси, — целая орава катит к нам в руки. Или один из них заговорит, или я подам в отставку. — Он встал со своего камня и приготовился действовать.

— С дороги, с дороги!

— Стрелять по шинам, если они попытаются прорваться, — приказал Бидворси солдатам.

Делать этого не пришлось. Экипаж замедлил ход и остановился в ярде от цепи, водитель высунулся из кабины, а пассажиры, наоборот, отвернулись от окон.

Бидворси, решивший начать по-хорошему, подошел к водителю и сказал:

— Доброе утро.

— Чувство времени у вас ни к черту, — заметил водитель. Нос у него был перебит, уши похожи на цветную капусту, а на лице прямо-таки светилась любовь к температурным шоссейным гонкам. — Что бы вам не обзавестись часами?

— Как?

— Сейчас не утро. Сейчас поздний полдень.

— Ну да, ну да, — согласился Бидворси, выдавливая кривую улыбку. — Добрый день.

— Я-то в этом не уверен, — хмыкнул водитель, ковыряя в зубах. — Еще одним днем ближе к могиле.

— Может, оно и так, — согласился Бидворси, ничуть не задетый этим пессимизмом. — Но у меня других забот хватает, и я...

— Да, не стоит беспокоиться ни о прошедшем, ни о настоящем, — посоветовал водитель. — Впереди еще большие заботы.

— Да, наверное, — ответил Бидворси, чувствуя, что сейчас не время и не место для обсуждения теневых сторон бытия. — Но я предпочитаю решать свои проблемы в удобное мне время и удобным мне образом.

— Ни про одного человека нельзя сказать, что его проблемы — это только его проблемы. И время и методы тоже, — заявил этот боксерского вида оракул. — Разве не так?

— Я не знаю, да и наплевать мне, — ответил Бидворси, выдержка которого убывала по мере того, как поднималось давление. Он помнил, что за ним наблюдают Глид и солдаты. Наблюдают, слушают и, вполне возможно, посмеиваются над ним про себя. Да и пассажиры тоже.

— Я думаю, ты тянешь резину специально, чтобы меня задержать. Не выйдет. Посол ждет...

— И мы тоже, — подчеркнуто ответил водитель.

— Посол желает говорить с вами, — продолжал Бидворси, — и он будет говорить с вами!

— Я был бы последним человеком, если не дал бы ему говорить. У нас здесь свобода слова. Пусть выйдет и скажет, что хочет, чтобы мы могли наконец ехать по своим делам.

— Ты, — сообщил Бидворси, — пойдешь к нему. И вся твоя компания, — он показал на пассажиров, — тоже.

— Только не я, — сказал высунувшийся из бокового окна толстяк в очках с толстыми стеклами, за которыми его глаза были похожи на яйца всмятку. Более того, голову его украшала высокая шляпа в красную и белую полоску.

— И не я, — поддержал его водитель.

— Хорошо, — в голосе Бидворси прозвучала угроза. — Только попробуй сдвинуть с места свою птичью клетку, мы тебе сразу шины в клочья разделаем. Вылезай из машины!

— Вот еще! Мне и здесь уютно. А вы попробуйте меня вытащить.

Бидворси сделал знак шести солдатам, стоящим возле него.

— Слышали, что он сказал? А ну тащи его наружу!

Распахнув дверь кабины, они вцепились в водителя. Он и не пытался сопротивляться. Схватив его, они дернули все разом и наполовину вытянули податливое тело из кабины. Дальше вытянуть они не могли.

— Давай, давай! — понукал нетерпеливо Бидворси. — Покажем ему, что к чему. Не прирос же он там.

Один из солдат перелез через тело, разглядел кабину и сказал:

— Почти что.

— То есть как?

— Он прикован к рулевой колонке.

— Что? А ну дай посмотреть.

Нога водителя была прикована к рулевой колонке цепочкой и маленьким, но тяжелым и замысловатым замком.

— Где ключ?

— А ты меня обыщи, — заржал водитель.

Но обыск оказался тщетным. Ключа не было.

— У кого ключ?

— Зассд.

— Сунуть его обратно в кабину, — приказал, свирепея, Бидворси. — Возьмем пассажиров. Что один болван, что другой, какая разница! — Он подошел к дверям и рывком распахнул их. — Вылезать, и живо!

Никто даже не пошевелинулся. Все молча изучали его, и выражения их лиц отнюдь не были ободряющими. Толстяк в полосатой шляпе уставился на него сардонически. Бидворси решил, что толстяк совсем не в его вкусе и что курс строгой армейской муштры мог бы помочь ему сохранить фигуру.

— Либо выйдете, — предложил Бидворси пассажирам, — либо поползете. Как вам больше нравится. Решайте сами.

— Если ты не можешь шевелить мозгами, то, по крайней мере, шевели глазами, — посоветовал толстяк. Он изменил позу, и это движение сопровождалось звяканьем металла.

Бидворси просунул голову в дверь. Потом залез в машину, прошел по салону и оглядел каждого пассажира. Когда он вышел обратно и заговорил с сержантом Глидом, багровая окраска его лица сменилась темно-серой.

— Они все прикованы. Все до одного. — Он посмотрел на водителя. — Что это за гениальная мысль всех приковать?

— Зассд, — беззаботно ответил водитель.

— У кого ключи?

— Зассд.

Глубоко вздохнув, Бидворси сказал, ни к кому не обращаясь:

— Пока этот болван сидит на водительском месте, мы не сможем подогнать машину к кораблю. Нужно найти ключи или достать инструменты и расковать их.

— Или сделать нам ручкой и пойти принять таблетку, — предложил водитель.

— Молчать! Даже если я застряну здесь на следующий миллион лет, я тебе...

— Полковник идет, — буркнул Глид, дергая Бидворси за рукав.

Подошедший полковник Шелтон медленно и церемонно прошествовал вокруг экипажа, изучая его конструкцию и пассажиров. Вид полосатой шляпы заставил его вздрогнуть. Потом он подошел к своим разъяренным подчиненным.

— В чем дело на этот раз, старший сержант?

— Опять психи, сэр. Порют чушь, говорят «засед» и знать не хотят его превосходительство. Выходить отказываются, а вытащить мы их не можем, потому что каждый прикован к креслу.

— Прикован? — брови Шелтона поползли вверх. — За что?

— Не могу знать, сэр. Прикованы, как каторжники при транспортировке в тюрьму, и...

Шелтон отошел, не дослушав до конца. Осмотрев все сам, он вернулся обратно.

— Может быть, вы и правы, старший сержант. Но я не думаю, что это преступники.

— Нет, сэр.

— Нет. — Шелтон многозначительно посмотрел на красочный головной убор толстяка. — Они больше похожи на группу чокнутых, которых везут в дурдом. Спрошу-ка я водителя.

Подойдя к кабине, он сказал:

— Не будете ли вы против объяснить мне, куда вы едете?

— Да, — сухо ответил водитель.

— Итак, куда же?

— Слушайте, — сказал водитель, — мы с вами на одном языке говорим?

— Что?

— Вы спросили, не буду ли я против, и я сказал «да». Я очень даже против.

— Вы отказываетесь говорить?

— Ты делаешь успехи, сынок.

— Сынок? — вмешался Бидворси, дрожа от возмущения. — Да ты понимаешь, что говоришь с полковником?

— Предоставьте это мне, — успокоил старшего сержанта Шелтон. Взгляд его был холоден, когда он вновь посмотрел на водителя. — Следуйте дальше. Я сожалею, что мы задержали вас.

— Пусть это вас не беспокоит, — ответил водитель преувеличенно вежливо. — Когда-нибудь и я вам тем же отплачу.

С этим загадочным ответом он тронул машину с места. Солдаты расступились. Вой двигателей достиг верхней ноты, машина рванулась и исчезла вдали.

— Клянусь Черным Мешком, — выругался Бидворси, уставившись ей вслед, — на этой планете больше разгильдяев, отвыкших от дисциплины, чем на...

— Успокойтесь, старший сержант, — посоветовал Шелтон. — Я чувствую то же, что и вы, но забочусь о своих артериях. Даже если они раздуются, как морские водоросли, это вряд ли облегчит решение наших проблем.

— Должно быть, так, сэр, но...

— Мы столкнулись здесь с чем-то очень странным, — продолжал Шелтон. — И мы должны выяснить, с чем именно и что будет лучшим способом действий. Видимо, нужна новая тактика. Пока что мы ничего не добились, высылая поисковую группу. Только время зря теряем. Придется изыскать другой, более эффективный метод установления контакта с властями предрежащими. Прикажите своим людям возвращаться на корабль, старший сержант.

— Есть, сэр. — Бидворси отдал честь, круто повернулся, щелкнул каблуками и открыл свою пещероподобную пасть:

— Отделение, направо!

* * *

Совещание затянулось на всю ночь до следующего утра. За эти наполненные спорами часы по шоссе проследовало много различных экипажей, в основном колесных, но ни один водитель не остановился, чтобы посмотреть на гигантский корабль, никто не подошел к нему, чтобы перекинуться с командой парочкой приветственных слов. Странные обитатели этого мира страдали, казалось, какой-то особой формой умственной слепоты: ничего не видели, пока вещь не совали им прямо под нос, но и тогда рассматривали ее искоса.

Пассажирами одного из грузовиков, промчавшихся мимо корабля ранним утром, были девушки в цветастых косынках. Девушки пели что-то вроде «Поцелуй меня на прощанье, дорогой». С полдюжины солдат завопили, замахали и зашвистели. Все зря. Пение не прервалось ни на секунду, и ни одна даже не подумала помахать в ответ.

Зато Бидворси, к еще большему унынию любвеобильных рядовых, показался из люка и рявкнул:

— Если вам, козлы вы этикие, энергию девать некуда, я для вас работенку сыщу. Да погрязнее.

И окинул всех по очереди уничтожающим взглядом, прежде чем убраться.

За подковообразным столом в навигаторской командный состав продолжал обсуждение обстановки. По большей части присутствующие подчеркнуто настоятельно повторяли, что уже говорили не раз, так как ничего нового сказать не могли.

— Вы уверены, — спросил посол капитана Грейдера, — что никто не посещал эту планету с тех пор, как триста лет назад на нее высадились поселенцы?

— Абсолютно уверен, ваше превосходительство. Любой такой рейс был бы зафиксирован.

— Если это был рейс земного корабля. Но ведь могли быть и другие. Меня не оставляет впечатление, что в истории этой планеты было что-то неприятное, связанное с пришельцами из космоса. Ее жители страдают аллергией к космическим кораблям. То ли их пытались оккупировать, то ли им пришлось отбиваться от налета космических пиратов. А может быть, они стали жертвой шайки мошенников торговцев.

— Абсолютно исключено, ваше превосходительство, —

заявил Грейдер. — Эмиграция распространилась на такое огромное количество миров, что и по сей день каждый из них недонаселен, только одну сотую из них можно считать развитыми, и ни на одном не научились еще строить космические корабли, даже самые элементарные. На некоторых планетах хотя и помнят, как их строят, но не обладают технической базой для строительства.

— Ну да, и я так всегда считал.

— Частных кораблей подобного радиуса действия просто не существует, — заверил Грейдер. — И космических пиратов тоже. По нынешним ценам кандидат в пираты должен быть миллиардером, чтобы обзавестись кораблем с двигателем Блидера.

— Тогда, — сказал посол веско, — нам придется вернуться к моей первоначальной теории, что из-за каких-то особых условий этой планеты и из-за специфичных форм воспитания все ее население свихнулось.

— Многое подтверждает это, — вставил полковник Шелтон. — Видели бы вы пассажиров в экипаже, который мы остановили на дороге. Один — типичный гробовщик, да еще в разных туфлях: коричневой и желтой. Другой — этакий пижон с лунообразной физиономией, в шляпе прямо как с вывески парикмахерской, да еще и полосатой к тому же. Ему только соломинки для мыльных пузырей не хватало, да и ту, наверное, дадут, когда доставят на место.

— А куда именно?

— Не могу знать, ваше превосходительство. Все они отказывались отвечать.

Окинув полковника ироническим взглядом, посол заметил: — Это, безусловно, ценный вклад в информацию, которой мы располагаем. Мы обогащены сообщением, что неизвестный индивидуум, возможно, получит в подарок бесполезный предмет неизвестно для чего, когда этот индивидуум будет доставлен неизвестно куда.

Шелтон сник, искренне сожалея о том, что вообще по-встречался с тем импозантным толстяком.

— Есть же у них где-то столица, центр, резиденция правительства, — утвердительно заявил посол. — Чтобы принять управление планетой на себя и реорганизовать ее на нужный лад, мы должны этот центр найти. Столица должна быть большой. Маленькое заштатное поселение никогда не сделают столицей. У столицы всегда есть какие-то внешние признаки, придающие ей значимость. С воздуха ее будет легко заметить. Следует приступить к ее поискам, именно с этого вообще и следовало начинать. На других планетах найти столицу никогда не было проблемой. В чем же дело сейчас?

— Извольте взглянуть сами, ваше превосходительство. — Капитан Грейдер разложил на столе фотографии. — Это снимки обоих полушарий, сделанные при подходе к планете. Ни на одном не видно ничего похожего на большой город. Не видно даже ни одного городка, хотя бы чем-то отличающегося от других или чуть большего, чем другие.

— Не очень-то я верю снимкам, особенно сделанным

с большого расстояния. Невооруженным глазом увидишь больше. У нас на борту четыре шлюпки, с которых можно прочесать всю планету от полюса до полюса. Почему бы не воспользоваться ими?

— Потому, ваше превосходительство, что они не предназначены для подобных целей.

— Какое это имеет значение?

Грейдер терпеливо ответил:

— Наши ракетные шлюпки старого образца, предназначены для запуска с борта корабля в космосе и развивают скорость до сорока тысяч миль в час. Произвести толковый обзор планеты можно только со скоростью не выше четырехсот миль в час. Попытка маневрировать шлюпками с такой малой скоростью приведет к неэкономному расходу горючего, порче дюзов и неминуемой катастрофе.

— В таком случае на блидеровских кораблях давно пора иметь блидеровские шлюпки.

— Полностью с вами согласен, ваше превосходительство, но самая маленькая модель двигателя Блидера превышает триста тонн, для шлюпки это слишком много. — Грейдер собрал фотографии и положил их обратно в ящик. — Что нам действительно нужно, так это древний аэроплан с пропеллером. Он обладал преимуществом, которого мы лишены: мог медленно летать.

— Вы бы еще по велосипеду затосковали, — фыркнул посол за неимением лучшего аргумента.

— Велосипед как раз у нас есть, — доложил Грейдер. — У десятого инженера Гаррисона.

— И он привез его с собой?

— Он его повсюду с собой таскает. Поговаривают, что он даже спит с ним.

— Космонавт на велосипеде? — посол громко высморкался. — Я полагаю, он получает наслаждение от чувства огромной скорости, развиваемой этим видом транспорта, приходит в экстаз от гонки через космос.

— Не могу знать, ваше превосходительство.

— Вызвать сюда этого Гаррисона. Пошлем психа ловить психов.

Грейдер моргнул, подошел к микрофону и объявил:

— Десятому инженеру Гаррисону немедленно прибыть в навигаторскую.

Гаррисон прибыл через десять минут. Ему пришлось прошагать почти три четверти мили от двигателя. Это был худой человечек с темными обезьяньими глазками и с такими ушами, что при попутном ветре ему можно было не жать на педали. Посол изучал его с любопытством зоолога, увидевшего розового жирафа.

— Мне стало известно, что вы обладаете велосипедом.

Гаррисон ответил осторожно:

— Сэр, в инструкциях не сказано ничего, что...

— К чертям инструкции, — сделал нетерпеливый жест посол. — Мы оказались в идиотской ситуации, и выпутываться из нее придется по-идиотски.

— Так точно, сэр.

— Поэтому я хочу дать вам поручение. Поезжайте в город на своем велосипеде, найдите мэра, шерифа, самую большую шишку, или верховное ничтожество, или кто там у них есть. И передайте ему мое официальное приглашение на ужин. Ему и всем официальным лицам, которых он сочтет нужным с собой привести. С женами, разумеется.

— Слушаюсь, сэр.

— Партикулярное платье, — добавил посол.

Гаррисон выставил вперед одно ухо, опустил другое и сказал:

— Прошу прощения, сэр?

— Могут одеваться как хотят.

— Понятно, сэр. Мне можно отправляться прямо сейчас, сэр?

— Немедленно. Возвращайтесь как можно скорее и доставьте мне ответ.

Неуклюже отковыряв, Гаррисон вышел. Его превосходительство удобно раскинулся в кресле, игнорируя взгляды присутствующих.

— Только и всего. — Посол вытянул из ящика длинную сигару и тщательно откусил кончик. — Если мы не можем подобрать ключ к их головам, то подберем к желудкам. — Он хитро сощурился. — Капитан, проследите, чтобы выпивки было вдоволь. И покрепче. Венерианский коньяк или что-нибудь в этом роде. Час за обильным столом, и языки развяжутся. Мы их потом всю ночь остановить не сможем. — Посол закурил сигару и с удовольствием затянулся. — Старый испытанный дипломатический прием: незаметное обольщение путем набивания желудка. Всегда срабатывает безотказно, сами увидите.

* * *

Энергично давя на педали, десятый инженер Гаррисон въехал на улицу, по обеим сторонам которой стояли маленькие дома, окруженные аккуратными садами. Пухленькая, миловидная женщина подстригала в одном из них газон. Он подкатил к ней, вежливо прикоснувшись пальцами к пилотке.

— Прошу прощения, мэ. Кто у вас в городе самый большой человек?

Она обернулась, скользнула по нему взглядом и указала ножницами на юг.

— Джефф Бэйнс. Первый поворот направо, второй налево. У него кулинарная лавка.

— Спасибо.

Он двинулся дальше. Первый поворот направо. Он объехал грузовик на резиновых колесах, стоящий у угла. Второй налево. Трое ребята тыкали в него пальцами, хрипло вопя, что заднее колесо его велосипеда вихляет. Он нашел лавку, прислонил велосипед педалью к обочине и хлопал его ободряюще, прежде чем войти и взглянуть на Джеффа.

А посмотреть было на что. У Джеффа было четыре подборodka, шея объемом в двадцать два дюйма и выпирающее на пол-ярда брюхо. Простой смертный запросто мог нырнуть в одну штанину его брюк, не снимая при этом акваланга. Без сомнения, он действительно был самым большим человеком в городе.

— Хочешь чего-нибудь? — извлек Джефф вопрос откуда-то из глубины своей утробы.

— Да не совсем. — Десятый инженер Гаррисон окинул взглядом обильные запасы еды, и ему пришло в голову, что если ее всю к вечеру не раскупят, то вряд ли выкинут кошкам. — Я ищу определенного человека.

— Вот как. Я-то сам держусь обычно от таких подалше, но у каждого свой вкус. — Джефф подергал толстую губу, собираясь с мыслями, а потом предложил: — Почему бы тебе не обратиться к Сиду Вилкону на Дэйд-авеню? Он самый определенный из всех людей, которых я знаю.

— Я не совсем это имел в виду. Я хотел сказать, что ищу человека особенного.

— Так какого же рожна ты не скажешь прямо? — Поразмыслив над новой проблемой, Джефф Бэйнс предложил: — По этой части годится Тод Грин. Ты его найдешь в обувной мастерской на углу. Он-то уж точно особенный. И еще какой!

— Вы меня не понимаете, — объяснил Гаррисон. — Я охочусь за большой шишкой, чтобы пригласить его откусать.

Усевшись на высокий табурет, со всех сторон которого его тело свисало не меньше чем на фут, Джефф Бэйнс окинул Гаррисона любопытным взглядом и сказал:

— Что-то здесь не то. Во-первых, тебе придется не один год искать человека с шишкой, особенно если тебе обязательно нужна именно большая шишка. И какой смысл тратить на него об только из-за этого?

— Тратить что?

— По-моему, это само собой разумеется. Об нужно устраивать так, чтобы им гасить старый об. Разве нет?

— Разве? — Гаррисон даже не закрыл рот. Мозг его пытался разобраться в странном вопросе: как устраивать об?

— Ты, стало быть, не знаешь? — Джефф Бэйнс зевнул. — Слушай, это на тебе что, униформа, что ли?

— Да.

— Самая что ни на есть настоящая униформа?

— Конечно.

— А, — сказал Джефф. — На этом-то я и купился: пришел ты один, сам по себе. Если бы вы приперлись целой оравой, да еще одинаково одетые, я бы сразу понял, что это униформа. Ведь в этом и есть смысл униформы, чтобы все были одинаковые. Так, что ли?

— Должно быть, так, — согласился Гаррисон, никогда раньше над этим не задумывавшийся.

— Значит, ты с того корабля. Я мог бы и сразу догадаться, да что-то туго соображаю сегодня. Но никак уж не ожидал увидеть кого-нибудь из вас, шатающегося в одиночку на этой штуке с педалями. Это о чем-то говорит, разве нет?

— Да, — сказал Гаррисон, поглядывая в сторону велосипеда, проверяя, не увел ли его кто, пока хозяину заговаривают зубы. Машина была на месте. — Это о чем-то говорит.

— Ну ладно, выкладывай, зачем пришел.

— Да я же все время пытаюсь объяснить. Меня послали, чтобы...

— Послали? — Глаза Джеффа полезли на лоб. — Ты хочешь сказать, что ты действительно позволил кому-то послать себя?

Гаррисон уставился на него:

— Конечно. А почему нет?

— Кажется, я наконец понял, — сказал Джефф, и его обескураженное лицо мгновенно прояснилось. — Ты меня просто сбил с толку своей странной манерой выражаться. Ты хочешь сказать, что имеешь об?

В отчаянии Гаррисон спросил:

— Да что это такое — об?

— Он не знает, — прокомментировал Джефф Бэйнс, вперив в потолок молитвенный взгляд. — Он даже этого не знает! — И отрешенно вздохнул. — Ты случаем не голоден?

— Скоро буду.

— Лады. Я, конечно, мог бы тебе сказать, что такое об, но сделаю лучше. Я тебе покажу, что это такое. — Джефф сполз с табурета и переместился к задней двери. — Не знаю даже, с чего это я должен стараться и учить уму-разуму человека в униформе. Так разве что, от скуки. Иди за мной.

Гаррисон покорно последовал за ним во двор. Джефф Бэйнс показал на груду ящиков:

— Консервы. — Потом показал на склад рядом. — Вскрой ящики и сложи консервы в складе. Тару сложи во дворе. Хочешь — делай, хочешь — нет. На то и свобода, не так ли?

Он потопал обратно в лавку.

Предоставленный самому себе, Гаррисон почесал уши и задумался. Дело пахло каким-то розыгрышем. Кандидата Гаррисона искушали сдать экзамен на диплом соплика. Но, с другой стороны, стоило посмотреть, в чем дело, и перенять трюк. И вообще, риск — благородное дело. Поэтому он сделал все, как было сказано. Через двадцать минут энергичного труда он вернулся в лавку.

— Так вот, — объяснил Бэйнс, — ты сделал что-то для меня. Это значит, что ты на меня имеешь об. За то, что ты для меня сделал, я тебя благодарить не буду. Это ни к чему. Все, что я должен сделать, это погасить об.

— Об?

— Обязательство. Я тебе обязан. Но зачем тратить на длинное слово, когда и короткого хватает? Обязательство — это об. Я с ним обхожусь таким путем: здесь через дом живет Сет Ворбертон. Он мне должен с полдюжины обов. Так что я погашу об тебе и дам возможность один об погасить Сету следующим образом: пошлю тебя

к нему, чтобы он тебя покормил. — Джефф нацарапал что-то на клочке бумаги. — Отдашь это Ворбертону.

Гаррисон уставился на записку. Очень небрежным почерком там было написано: «Накорми этого оборота».

Несколько ошарашенный, он выбрался за порог, остановился у велосипеда и перечитал записку. «Оборот», — гласила она. А на корабле подобное выражение многих бы привело в ярость. Но внимание Гаррисона привлекла витрина через дом от лавки Джеффа. Она ломилась от яств, а над ней висела вывеска из двух слов: «Харчевня Сета». Приняв (не без подстрекательства со стороны желудка) твердое решение, инженер вошел в харчевню, все еще сжимая записку в руке, как смертный приговор. С порога его встретил запах кушаний и звон посуды. Он подошел к мраморному столу, за которым сидела сероглазая брюнетка.

— Вы не против? — вежливо осведомился он, опускаясь в кресло.

— Против чего? — Ее взгляд обследовал уши Гаррисона, как будто они были чем-то особенным. — Детей, собак, старости или прогулок под дождем?

— Вы не против того, чтобы я здесь сидел?

— Посмотрим, как мне это понравится. На то и свобода, не так ли?

— Ну да, — сказал Гаррисон, — конечно.

Пока он думал, что бы еще сказать, появился худенький человечек в белой куртке и поставил перед ним тарелку с жареным цыпленком и гарниром из трех сортов

неизвестных Гаррисону овощей. Содержимое тарелки привело его в изумление. Он и не помнил, когда в последний раз видел жареного цыпленка или когда ел овощи, кроме как в порошке.

— В чем дело? — спросил официант, не понявший, почему клиент уставился на тарелку пораженным взглядом. — Не нравится?

— Нравится. — Гаррисон отдал ему записку. — И еще как.

Взглянув на нее, официант крикнул кому-то, почти невидимому в струях пара за стойкой:

— Ты погасил Джеффу еще один.

И разорвал бумажку в мелкие клочки.

— Быстро это ты, — прокомментировала брюнетка, кивая на полную тарелку. — У кого-то об тебя накормить, и ты его сразу отоварил, так что все квиты. А мне придется за мой обед мыть посуду или погасить какой-нибудь об за Сета.

— Я перетаскал груды ящиков с консервами. — Гаррисон взял нож и вилку, чувствуя, как у него слюнки потекли. На корабле ножей и вилок не было: когда питаешься пилюлями и порошками, столовые приборы просто ни к чему. — А здесь особого выбора нет? Ешь, что дают?

— Есть, если имеешь об на Сета. Тогда он должен в лепешку для тебя разбиться. Так что, вместо того чтобы полагаться на судьбу, а потом жаловаться, сделал бы лучше что-нибудь для него.

— Я не жалуясь.

— А это твое право. На то и свобода, не так ли? — Девушка поразмыслила немножко, потом добавила: — Не так уж часто бывает, чтобы Сет мне был обязан. Но когда такое случается, я требую ананасного мороженого, и он летит на всех парах. А когда я ему обязана, бегать приходится мне.

Ее серые глаза вдруг сузились от неожиданной догадки.

— Ты слушаешь, как будто это все тебе в диовинку. Ты не здешний?

Он кивнул, поскольку рот его был набит цыпленком. Проглевав, добавил:

— Я с того корабля.

— Ничего себе! — На лице девушки сразу же появилось ледяное выражение. — Антиганд! Кто бы мог подумать, ты же выглядишь почти по-человечески.

— Всегда гордился этим сходством. — Вместе с ощущением сытости к Гаррисону возвращалось чувство юмора.

Снова подошел официант.

— Что есть из питья? — спросил Гаррисон.

— Дис, двойной дис, шемак и кофе.

— Кофе. Черный и большую чашку.

— Шемак вкуснее, — посоветовала брюнетка, когда официант отошел. — Но с чего, собственно, я тебе буду подсказывать?

Кофейная кружка была объемом в пинту. Поставив ее на стол, официант сказал:

— Поскольку Сет погашает свой об, то выбирай сам, что тебе на десерт? Яблочный пирог, импик, тертые тарфельсуферы или канимелон в сиропе?

— Ананасное мороженое.

Официант моргнул, укоризненно посмотрел на брюнетку и пошел за мороженым.

— Угощайтесь, — подвинул Гаррисон тарелочку через стол.

— Это твое.

— Не могу даже попробовать.

Он откусил еще кусок цыпленка, помешал ложечкой кофе и почувствовал себя в ладах со всем миром.

— В меня больше не влезет. Давай угощайся, и черт с ней, с талией.

— Нет. — Девушка решительно отодвинула лакомство обратно. — Если я его приму, то буду тебе обязана.

— Ну и что с того?

— Я не позволяю чужакам делать меня им обязанной.

— Ну и правильно. Очень с твоей стороны разумно, — одобрил Гаррисон. — Чужаки часто бывают со странно-стями.

Мороженое опять передвинулось на ее сторону стола.

— Если ты полагаешь, что я на тебя буду иметь за это об, то ты можешь погасить его вполне пристойным образом. Все, что мне нужно, — это некоторые сведения. Где мне найти самую важную птицу в городе?

— Иди к Алеку Питерсу, он живет на десятой улице. — С этими словами брюнетка запустила ложечку в тарелку.

— Спасибо. А то я уже начал думать, что здесь все придурковатые.

Гаррисон допил кофе и лениво откинулся на спинку кресла. Непривычная сытость обострила его мыслительный процесс, ибо через минуту лицо его затуманилось подозрением, и он спросил:

— А у этого Питера что, птицеферма?

— Конечно, — переводя с удовольствием дух, она отодвинула пустую тарелку.

Тихо протонав, Гаррисон сообщил ей:

— Я ищу мэра.

— Это еще что такое?

— Человек номер один. Большой босс, шейх, пахан или кто у вас здесь есть.

— Я так ничего и не поняла, — сказала девушка в не-притворном изумлении.

— Человек, который руководит городом. Ведущий гражданин.

— Объясни, пожалуйста, — она честно пыталась ему помочь. — Кого или что этот гражданин должен вести?

— Тебя, Сета и всех остальных. — Гаррисон описал рукой круг для вящей убедительности.

Нахмурившись, брюнетка спросила:

— Куда он нас должен вести?

— Куда бы вы ни шли.

Девушка обратилась за помощью к официанту:

— Мэтт, мы куда-нибудь идем?

— Откуда мне знать?

— Тогда спроси Сета.

Официант исчез и тотчас вернулся.

— Сэт сказал, что он идет домой в шесть часов, а тебе что до этого?

— Его кто-нибудь ведет?

— Рехнулась, что ли? — спросил Мэтт. — Дорогу домой он знает, да и трезвый к тому же.

Гаррисон вмешался в разговор:

— Слушайте, я не понимаю, почему это все так сложно. Вы только скажите мне, где я могу найти какое-нибудь официальное лицо, любого чиновника, начальника полиции, городского казначея или, на худой конец, хоть мирового судью?

— Что такое «официальное лицо»? — спросил в изумлении Мэтт.

— Что такое «мировой судья»? — добавила брюнетка.

Голова у Гаррисона пошла кругом, и он решил зайти с другой стороны.

— Предположим, — сказал он Мэтту, — что ваше заведение загорится. Что вы все тогда будете делать?

— Раздувать пожар, — ответил Мэтт, не считая нужным скрывать, что эта беседа ему осточертела. Он вернулся к стойке с видом человека слишком занятого, чтобы тратить время на всяких недоумков.

— Он будет его гасить, — сообщила брюнетка. — Что же еще, по-твоему, ему делать?

— А если он один не справился?

— Тогда позовет других на помощь.

— А они помогут?

— Конечно, — заверила она, глядя на инженера с жалостью, — кто же упустит такой случай заработать об?

— Похоже, что так. — Гаррисон чувствовал себя прижатым к стенке, но сделал последнюю попытку. — Но все-таки, что случится, если пожар не удастся погасить?

— Тогда Сет вызовет пожарную команду.

— Ага, значит, есть все-таки пожарная команда. Это я имел в виду, когда спрашивал об официальных организациях. Это-то мне и нужно. Ну-ка скажи мне, как найти пожарное депо?

— Конец Двенадцатой улицы. Ты его не сможешь не заметить.

— Спасибо, — Гаррисон вскочил и помчался вперед.

Пожарное депо было большим зданием, в котором содержались четыре раздвижные лестницы, водомет и два мощных насоса — все моторизованное, на шасси с толстыми резиновыми колесами. Внутри Гаррисон столкнулся нос к носу с маленьким человечком, одетым в чересчур просторный комбинезон.

— Ищешь кого? — осведомился человечек.

— Брандмейстера.

— Это еще кто?

Уже наученный опытом, Гаррисон разговаривал так, как будто его собеседник был ребенком.

— Слушайте, мистер, это ведь пожарная команда. Кто-то ею командует. Кто-то же руководит всем балаганом, заполняет бумаги, нажимает на кнопки, повышает в чине, увольняет, приписывает себе все заслуги, валит вину на других и вообще хозяйничает. Он во всей ораве самый важный, и все это знают. — Палец Гаррисона уперся человеку в грудь. — И он тот человек, с которым я намерен поговорить, чего бы мне это ни стоило.

— Ни один человек не может быть важнее другого. Такого просто не бывает, а ты, по-моему, спятил.

— Думай, что хочешь, но я тебе говорю, что...

Хриплый звон колокола прервал фразу. Двадцать человек, выросшие как будто из-под земли, в мгновение ока заняли свои места на машинах с лестницей и насосом, и машины выкатились на улицу. Единственной общей деталью в их туалетах были плоские, похожие на тапки каски. Во всем же остальном они демонстрировали глубины падения портновского искусства. Человечек в комбинезоне, одним бравым прыжком догнавший насос, скрылся из поля зрения за спинами толстого пожарного, перетянутого кушаком всех цветов радуги, и тощего, щеголяющего юбкой желто-канареечной окраски. Их опоздавший коллега, украшенный сережками в форме маленьких колокольчиков, отчаянно преследовал машину, пытался ухватиться за задний борт, промахнулся и грустно посмотрел вслед удаляющейся бригаде. Потом побрел обратно, раскачивая каску на руке.

— Везет как утопленнику, — сообщил он обескураженному Гаррисону. — Лучшая тревога года. Горит винзавод. Чем быстрее ребята туда доберутся, тем больше об. — При этой мысли он облизнулся, садясь на бухту брезентового шланга. — Но, может, оно и лучше для здоровья, что я опоздал.

— Объясни мне, — стоял на своем Гаррисон, — как ты себе обеспечиваешь жизнь?

— Что за вопрос? Ты, по-моему, и сам видишь. Работаю в пожарной команде.

— Это я знаю. Но кто тебе платит?

— Платит?

— Ну, деньги дает за работу?

— Странно ты выражаешься; что такое деньги?

Гаррисон почесал череп, чтобы усилить приток крови к мозгу. Что такое деньги? Ничего себе. Он решил попробовать другой подход.

— Предположим, твоей жене нужно новое пальто. Где она его возьмет?

— Пойдет в лавку, которая обязана пожарным. Взяв пальто, она погасит пару-другую обов.

— А что, если в лавках, торгующих одеждой, пожаров не было?

— Братец, да откуда ты такой темный взялся? Почти каждая лавка имеет обы пожарным. Если они не дураки, то каждый месяц выделяют определенное количество обов.

Для страховки. Предусмотрительные они, понял? В какой-то мере они и наши обы имеют, так что, когда мы несемся их спасать, нам приходится гасить обы им, прежде чем получим на них новые. Это не позволяет нам злоупотреблять. Вроде бы сокращает задолженность лавочников. Толково, правда?

— Может, и да, но...

— Я понял наконец, — перебил абориген, сузив глаза. — Ты с того корабля. Ты — антиганд.

— Я с Терры, которая когда-то называлась Землей, — с подобающим достоинством сказал Гаррисон. — Более того, первые поселенцы на этой планете тоже были землянами.

— Будешь меня истории учить? — Пожарный ехидно рассмеялся. — Ошибаешься, пять процентов из них были марсианами.

— Марсиане тоже произошли от земных поселенцев, — парировал Гаррисон.

— Ну и что? Это было черт знает как давно. Все меняется, если ты раньше этого не знал. На этой планете нет уже ни марсиан, ни землян. Мы все здесь ганды. А вы, которые суете свой нос, куда вас не просят, антиганды.

— Мы вовсе не анти что-то, насколько мне известно. С чего ты все это взял?

— Зассд, — ответил его собеседник, неожиданно решивший прекратить дискуссию. Он перебросил каску в другую руку и плюнул на пол.

— Что?

— Что слышал. Катись отсюда на своем драндулете.

Так отчаявшийся Гаррисон и сделал. Расстроенный, он покатил обратно на корабль.

* * *

Его превосходительство впери́л в Гаррисона повелительный взгляд.

— Итак, вы вернулись наконец. Сколько человек придет и когда?

— Никто не придет, сэр, — сказал Гаррисон, начиная чувствовать дрожь в коленках.

— Никто? — Посол грозно нахмурил брови. — Вы хотите сказать, что никто не принял мое приглашение?

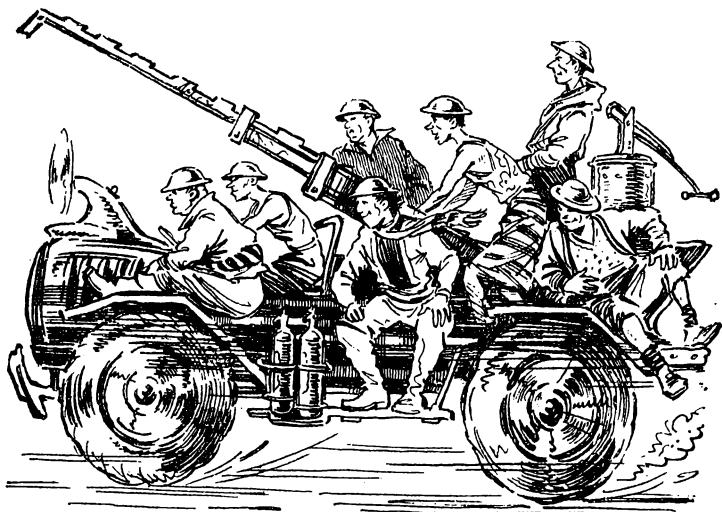
— Никак нет, сэр.

Посол подождал секунду, потом сказал:

— Выкладывайте, в чем дело. И перестаньте таращить-ся. Вы сказали, что мое приглашение никто не отвергал, но никто не придет тем не менее. Как я должен все это понимать?

— Я никого не пригласил.

— А, так вы никого не пригласили! — Обернувшись к Грейдеру, Шелтону и другим офицерам, посол сказал: — Не пригласил, видите ли. — Потом он повернулся к Гаррисону. — Я полагаю, вы просто-напросто забыли это сделать? Опьяненный свободой и властью человека над техникой, вы

носились по городу, наплевав на все их правила движения, создавая угрозу для жизни пешеходов, не утруждая себя даже дать гудок или...

— На моем велосипеде нет гудка, сэр, — опроверг его слова Гаррисон, внутренне протестуя против этого списка преступлений. — У меня есть свисток, который приводится в действие вращением заднего колеса.

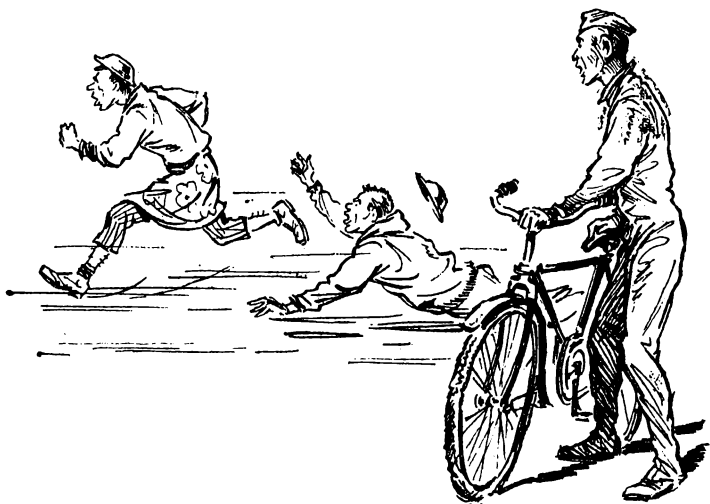
— Ну вот, — сказал посол с видом человека, потерявшего всякую надежду. Он рухнул в кресло, хватаясь за голову: — Одному только соломинки для мыльных пузырей не хватало... — Он трагически выставил указательный палец. — А у другого — свисток!

— Я его сам изобрел, сэр, — сообщил ценную информацию Гаррисон.

— Я в этом и не сомневаюсь. Вполне могу себе представить... Я ничего другого от вас и не ожидал. — Посол взял себя в руки. — Скажите мне под строжайшим секретом, абсолютно между нами, — он наклонился вперед и спросил шепотом, повторенным семикратным эхом: — **Почему** вы никого не пригласили?

— Не нашел никого, сэр. Я старался изо всех сил, но они, кажется, не понимали, о чем я говорю. Или притворялись, что не понимают.

— Так. — Его превосходительство посмотрел в иллюминатор, потом на часы. — Уже смеркается. Скоро наступит ночь. Сейчас уже поздно приступать к дальнейшим действиям. — Последовало раздраженное хмыканье. — Еще один день впустую. Мы здесь уже два дня, а все тыкаемся без толку. — Кислый взгляд посла остановился на Гаррисоне. — Ну хорошо, сударь. Поскольку мы все равно теряем время

зря, мы могли бы выслушать ваш рассказ и полностью. Расскажите все подробности. Может быть, мы сумеем таким путем найти в нем хоть какой-нибудь смысл.

Гаррисон завершил свой рассказ следующими словами:

— Мне показалось, сэр, что болтать с ними можно хоть до второго пришествия, даже по-дружески и с удовольствием, но все равно каждый будет нести свое, не понимая собеседника.

— Похоже, что так оно и есть, — заметил посол сухо. Он обернулся к капитану Грейдеру. — Вы изрядно попутешествовали, много чего повидали на своем веку. Что вы думаете обо всей этой болтовне?

— Думаю, дело в семантике, — ответил капитан, которого обстоятельства заставили некогда изучать этот предмет. — Подобная проблема возникает почти на каждой планете, надолго оторванной от связей со всем остальным миром, но обычно все рано или поздно разъясняется. — Он помолчал, припоминая что-то. — Первый абориген, которого мы встретили на Базилевсе, сказал очень сердечно: «Сымай башмаки сей минут!»

— И что же это означало?

— «Заходите, пожалуйста, обуйте мягкие тапочки и будьте как дома». Другими словами — «добро пожаловать». Не так уж трудно разобраться, ваше превосходительство, когда знаешь, чего ожидать. — Грейдер бросил задумчивый взгляд на Гаррисона и продолжал: — Здесь, вероятно, процесс дошел до крайности. Сохраняется беглость языка, сохраняется и внешнее сходство, маскирующее, однако, глубокие изменения в значениях слов, отброшенные концепции, заменившие их новые реалии и мыслительные ассоциации, не

говоря уже о неизбежном влиянии развивающегося местного слэнга.

— Как, например, зассд, — ответил его превосходительство. — Вот ведь странное слово! И никаких видимых связей с земными корнями!

— Разрешите, сэр? — вмешался Гаррисон робко. Он замялся, видя, что привлек к себе общее внимание, но потом смело продолжил: — На обратном пути я встретил даму, указавшую мне дорогу к дому Бэйнса. Она спросила, нашел ли я его. Я ответил: «Да, спасибо». Мы немного поболтали. Я спросил ее, что такое зассд. Она сказала, что это сокращение. — Здесь Гаррисон запнулся.

— Продолжайте, — приказал посол. — После тех соленых выражений, которые доносились до меня из машинного отделения через вентиляционную трубу, меня уже ничто не смутит. Что же означает это сокращение?

— З-а-с-с-д, — сообщил, моргая, Гаррисон. — «Занимайся своим собственным делом».

— Вот как! — Его превосходительство порозовел. — То есть не суйся, куда не просят? Вот, значит, что они мне все время говорили?

— Боюсь, что так, сэр.

— Им, совершенно очевидно, придется многому поучиться. — В неожиданном припадке отнюдь не дипломатической ярости шея посла вздулась, а кулак громко вошел в соприкосновение с крышкой стола. — И они научатся!

— Да, сэр, — не стал возражать Гаррисон, все больше чувствуя себя не в своей тарелке и желая поскорее смыться. — Могу ли я идти и заняться своим велосипедом?

— Убирайтесь с глаз долой! — заорал посол. Сделав пару бессмысленных жестов, он повернулся багровой физиономией к капитану Грейдеру: — Велосипедом! А пращи ни у кого на этом корабле нет?

— Сомневаюсь, ваше превосходительство, но могу узнать, если прикажете.

— Не будьте идиотом, — приказал посол. — Свою порцию идиотизма на сегодня мы уже получили.

Следующее совещание, отложенное до рассвета, было отнюдь не коротким. Его превосходительство занял председательское кресло, принял удобную позу и обвел присутствующих хмурым взглядом.

— Давайте рассмотрим ситуацию с другой стороны. Мы знаем, что населяющие эту планету лошаки именуют себя гандами, не придают никакого значения своему происхождению и настаивают на том, что мы — антиганды. Это свидетельствует о системе воспитания, результатом которой и явилось неприязненное отношение к нам. С детства здешних жителей приучили к мысли, что мы, появившись на их планете, будем противниками всего их образа жизни.

— Однако мы не имеем ни малейшего понятия о том, в чем именно заключается их образ жизни, — вставил полковник Шелтон.

Ничего нового он этим не мог сказать, но зато напомнил

лишний раз о своем присутствии и продемонстрировал внимание к обсуждаемому вопросу.

— Я осознаю наше прискорбное неведение, — поддержал его посол. — Они держат в тайне принципы своего общественного устройства. Мы должны до них как-то докопаться. — Прочистив горло, он продолжал: — Они создали странную безденежную экономику, которая, по-моему, способна функционировать только благодаря материальным избыткам. Она и дня не продержится, когда перенаселенность принесет свои обычные проблемы. Похоже, что их экономическая система держится на кооперации, частном предпринимательстве и какой-то детсадовской честности. По сравнению с ней даже идиотская экономика четырех внешних планет Эпсилона выглядит образцом разумной организации.

— Однако, — заметил Грейдер подчеркнуто, — она функционирует.

— Это как смотреть. Велосипед нашего лопухого инженера тоже функционирует. Но с мотором ему не пришлось бы так потеть. — Удовлетворенный своей аналогией, посол немного посмаковал ее. — Эта система экономики, если ее вообще можно назвать системой, почти наверняка возникла в результате беспорядочного и бесконтрольного развития какого-то эксцентричного отклонения, завезенного первыми поселенцами; она давным-давно нуждается в модернизации. Аборигены знают это, но отказываются признавать, потому что в умственном развитии отстали на триста лет. Как и все остальные народы, они с опаской относятся к переменам, прогрессу, улучшениям. Более того, некоторые из них определенно заинтересованы в сохранении существующего порядка вещей. — Он презрительно фыркнул. — Антагонизм по отношению к нам объясняется их нежеланием позволять беспокоить себя.

Посол оглядел лица присутствующих, ища желающих предложить другую версию, но все были слишком хорошо вышколены, чтобы угодить в подобную ловушку. Поскольку никакой реакции не последовало, посол продолжал:

— В должное время, после того как мы окончательно разберемся, что к чему, нам придется заняться длительной и нудной работой. Придется перестроить всю их педагогическую систему и воспитывать людей на уровне современных требований. Мы уже имеем опыт аналогичной деятельности на нескольких планетах, хотя ни разу еще перед нами не вставала задача такого масштаба, как здесь.

— Справимся! — заверил кто-то.

Не обращая на реплику внимания, посол закончил:

— Тем не менее все это вопросы завтрашнего дня. Сегодня же нам предстоит решить другую проблему. А именно: где бразды правления и кто их держит? Это необходимо установить, чтобы успешно двигаться дальше. Как нам быть? — Он откинулся в кресле и добавил: — Пошевелите-ка мозгами и подскажите мне что-нибудь толковое.

Поднялся капитан Грейдер, держа в руках большую книгу в кожаном переплете.

— Ваше превосходительство, я не думаю, что нам придется напряженно искать новые пути контакта и сбора информации. Похоже, что следующий ход просто будет нам навязан.

— Что вы имеете в виду?

— Среди членов моего экипажа много старослужащих. Они прямо-таки собаку съели на космическом праве. — Капитан похлопал по книге. — И все уставы космослужбы знают не хуже меня. Я даже думаю, что они знают слишком много.

— То есть?

Грейдер раскрыл книгу.

— Параграф 127 гласит, что при посадке на враждебную планету экипаж выполняет свои обязанности согласно инструкциям о несении службы в боевой обстановке вплоть до отлета в космос. На невраждебной планете экипаж выполняет свои обязанности согласно инструкциям о несении службы в небоевой обстановке.

— Ну и что с того?

— Параграф 131а гласит, что в небоевой обстановке весь экипаж, за исключением дежурной вахты, имеет право на увольнение на берег сразу же после разгрузки корабля или в течение 72 часов после посадки на планету. — Грейдер поднял взгляд от книги. — К полудню все настроится на увольнение и будут гореть нетерпением. Если увольнения они не получают, может возникнуть недовольство.

— Недовольство? — переспросил, криво улыбаясь, посол. — А если я объявлю эту планету враждебной? Это сразу пресечет недовольство, не так ли?

Невозмутимо сверившись с книгой, Грейдер дал ответ:

— Параграф 148 гласит, что враждебной может считаться планета, систематически оказывающая землянам противодействие силой. — Он перевернул страницу. — В настоящем уставе противодействие силой определяется как любое действие, направленное на причинение физических повреждений, независимо от того, имело ли данное действие успех или нет.

— Я не согласен. — Посол принял выражение глубокого недовольства. — Неизвестный мир может быть враждебен психологически, даже если он не прибегает к противодействию силой. Пример у вас перед глазами. Это отнюдь не дружественная планета.

— Устав космослужбы не предусматривает классификации планет как «дружественных» или «недружественных», — сообщил Грейдер. — Все планеты классифицируются только как «враждебные» или «невраждебные». — Он опять похлопал по переплету. — В этой книге все указано.

— Мы получим первый приз на конкурсе дураков, если позволим руководить собой какой-то книжонке или команде. Вышвырните свой талмуд в иллюминатор. Или суньте в мусоросборник. Избавьтесь от него любым удобным вам путем и забудьте о нем.

— Прошу, ваше превосходительство, простить меня, но я не имею на это права. — Грейдер открыл книгу на первой странице. — Основные параграфы 1а, 1б гласят: «Как в космосе, так и на берегу весь личный состав корабля подчиняется только капитану или назначенному им лицу, которые действуют исключительно на основании устава космослужбы и несут ответственность только перед Главным штабом космического флота, расположенным на Терре. То же касается десантных войск, официальных гражданских лиц и пассажиров, находящихся на борту космических кораблей (как в полете, так и на берегу). Вне зависимости от их ранга и полномочий они подчинены капитану или назначенному им лицу. Этим лицом является один из офицеров корабля, исполняющий обязанности своего непосредственного начальника в случае отсутствия последнего или его выхода из строя».

— И все это означает, что хозяин в замке вы, — сказал не очень этим обрадованный посол. — А кому такой порядок не нравится, может сойти и дальше не ехать.

— Со всем должным к вам уважением я вынужден признать, что дела обстоят именно так. Я ничего не могу изменить: устав есть устав. И личному составу он хорошо известен. — Грейдер с шумом захлопнул книгу и отложил ее в сторону. — Могу поставить десять против одного, что все сейчас гладят брюки, причесываются и наводят лоск. Я знаю, что они обратятся ко мне, как положено по уставу, и я не имею права им отказать. Согласно правилам они попросят старпома представить мне на утверждение список увольняемых. — Он глубоко вздохнул. — Единственное, что я смогу сделать, это вычеркнуть несколько фамилий или изменить очередность увольнений, но отменить их совсем я не могу.

— Может быть, это даже будет полезным — пустить ребят погулять в город, — предложил полковник Шелтон, который и сам был бы не прочь гулянуть. — Прибытие флота всегда хорошая встряска для захолустного порта. Контакты будут устанавливаться десятками, а мы именно этого и добиваемся.

— Мы добиваемся контактов с руководством этой планеты, — отметил посол. — Мне как-то трудно себе представить руководящее лицо, примеряющее свою лучшую шляпку, пудрящее нос и выскакивающее на улицу, чтобы подцепить изголодавшегося забулдыгу матроса. — Его пухлое лицо передернулось. — Мы должны искать иголку в стогу сена. Это работа не для матросни.

— Я не могу не согласиться с вами, ваше превосходительство, нам придется рискнуть, — сказал Грейдер. — Личный состав ожидает увольнения, а обстановка лишает меня власти препятствовать ему. Подобную власть мне может дать только одно.

— Что именно?

— Факты, которые позволят мне классифицировать планету как враждебную в том смысле, как определено уставом.

— Можно ли как-нибудь это устроить? — И, не дожидая-

ясь ответа, посол продолжил: — В каждом экипаже всегда есть неисправимый бузотер. Найдите его, поднесите двойную чарку венецианского коньяка, обещайте немедленное увольнение на берег, но выскажите сомнение в том, что оно придется ему по душе: мол, эти ганды на нас смотрят как на отбросы. Потом выпихните его из корабля. Когда он вернется с подбитым глазом и будет хвастать, как он отделал того парня, объявите планету враждебной. — Посол сделал выразительный жест. — Что еще? Физическое насилие. Все согласно уставу.

— Параграф 148а особо подчеркивает, что устав имеет в виду **систематическое** противодействие силой. Индивидуальные же стычки не рассматриваются уставом как факты, доказывающие враждебность планеты.

Посол разгневанно обернулся к старшему гражданскому чиновнику:

— Когда вернетесь на Терру, если вы вообще доберетесь обратно, можете сообщить руководству соответствующего ведомства, что космическая служба дезорганизована, парализована и не способна к выполнению своих функций благодаря составляющим уставы бюрократам.

Прежде чем чиновник смог придумать ответ, достаточно благоприятный для себя, но и не противоречащий словам посла, раздался стук в дверь. Вошедший старший помощник Морган молодцевато откозырнул и протянул капитану Грейдеру лист бумаги.

— Список первой группы увольняемых, сэр. Прошу утвердить.

* * *

Четыреста двадцать матросов ринулись на город ранним утром. Как все моряки, истосковавшиеся по берегу, они горели надеждами и нетерпением.

Глид примкнул к Гаррисону. Среди отпускников он был единственным сержантом, а Гаррисон — единственным десятым инженером. К тому же только они двое были в штатском. Без мундира Глид чувствовал себя не в своей тарелке, а Гаррисону не хватало велосипеда. Этих мелочей было достаточно, чтобы свести их вместе хотя бы на один день.

— Лафа, ей-богу, — с энтузиазмом заявил Глид. — Немало было на моем веку приятных увольнений, но это просто лафа. На всех остальных планетах всегда возникала проблема, что брать с собой вместо денег. Ребята выкатывались из корабля, как батальон дедов-морозов, нагруженные всякой всячиной для меновой торговли. На девять десятых это барахло никому не было нужно, и приходилось потом переть все обратно.

— На Персефоне, — сказал Гаррисон, — один длинноногий милик предлагал мне двадцатикаратовый бриллиант чистой воды в обмен на мой велосипед.

— И ты отказался?

— Конечно. Мне бы пришлось возвращаться за шестнадцать световых лет, чтобы достать другой велосипед.

— Мог бы некоторое время и без велосипеда обойтись.

— Я могу обойтись и без бриллианта.

— Ну и балда же ты. За такой камень мог бы огрести тысяч двести, а то и двести пятьдесят кредитов. — Глид даже облизнулся, вообразив такую уйму денег. — Кредиты, и побольше! Это я уважаю! Потому и говорю, что здесь лафа! Обычно перед увольнением Грейдер нас накачивает насчет хорошего поведения, чтобы мы производили благоприятное впечатление и все такое прочее. А на этот раз он говорил о кредитах.

— Это его посол настропалил.

— Неважно кто, мне это все равно пришлось по душе, — сказал Глид. — Десять кредитов и внеочередное увольнение каждому, кто сумеет привести на корабль взрослого ганда, мужчину или женщину, согласных дать информацию.

— Не так-то просто будет их заработать.

— Сто кредитов тому, кто установит имя и адрес руководителя городской администрации. Тысячу кредитов за название и координаты столицы! — Сержант присвистнул и продолжал: — Кто-то огребет всю эту кучу денег!

Он замолчал, заглядевшись на проходившую мимо высокую гибкую блондинку. Гаррисон дернул его за рукав.

— Вот лавка Бэйнса, про которую я тебе говорил. Зайдем?

— Давай. — Глид не очень охотно последовал за ним, не отрывая глаз от улицы.

— Добрый день, — бодро сказал Гаррисон.

— Вот уж нет, — возразил Джефф Бэйнс. — Торговля плохо идет. Сегодня полуфинальные игры, и добрая половина города смотрела туда. А о брюхе вспомнят, когда я уже закрою лавку. Значит, набегут завтра и навалят мне работы.

— Как может торговля идти плохо, если ты не берешь денег даже тогда, когда она идет хорошо? — поинтересовался Глид, выводя разумный вопрос из полученной ранее от Гаррисона информации.

Джефф медленно обшарил его взглядом, потом повернулся к Гаррисону.

— Еще один обормот с твоего корабля? О чем это он говорит?

— Деньги, — сказал Гаррисон, — это то, что мы используем для упрощения торговли. Их печатают. Что-то вроде документированных обов различного достоинства в письменном виде.

— Понятно. Отсюда можно сделать вывод, что людям, которые письменно документируют каждый об, доверять нельзя, потому что они сами себе не доверяют. — Добравшись до своего высокого табурета, Джефф плюхнулся на него. Дышал он хрипло и тяжело. — Это подтверждает все, чему нас учили в школе: антиганд надует и собственную мать.

— В ваших школах учили неправильно, — заверил его Гаррисон.

— Может, и неправильно. — Джефф не считал нужным спорить на эту тему. — Но мы будем осторожными, пока не убедимся в обратном. — Он еще раз окинул их взглядом. — Ну ладно, вам-то двоим чего надо?

— Совета, — быстренько вклинился в разговор Глид. — Где можно лучше всего поесть и повеселиться?

— А времени у вас много?

— До завтрашнего вечера.

— Ничего не выйдет. — Джефф печально покачал головой. — За это время вы только и успеете заработать достаточное количество обов на то, что вас интересует. К тому же немного найдется желающих дать антигандам иметь на себя об.

— Слушай, — сказал Гаррисон, — но можем мы заработать хоть на приличный обед?

— Не знаю. — Джефф подумал над вопросом, потирая свои подбородки. — Может, вы и пристроитесь, но я вам на этот раз помочь не сумею. Мне от вас сейчас ничего не надо, так что ни один из обов, которые я имею на других, я вам передать не могу.

— Посоветуй нам, как быть.

— Если бы вы были местные — дело другое. Вы бы могли получить все, что вам нужно, прямо сейчас за долгосрочные обы, которые вы бы погасили в будущем при первой же возможности. Но кто же даст кредит антиганду, который сегодня здесь, а завтра весь вышел?

— Полегче насчет «весь вышел», — посоветовал Глид. — Если сюда прибыл имперский посол, то это значит, что мы пришли на веки вечные.

— Кто это сказал?

— Империя. Ваша планета — часть Империи.

— Нет, — сказал Джефф. — Не были мы ничьей частью и не будем. Более того, мы и не дадим никому сделать нас своей частью.

Глид облокотился на прилавок и рассеянно уставился на большую банку свинины.

— Поскольку я не в мундире и вне строя, я тебе сочувствую, хотя и не должен этого говорить. Мне и самому бы не понравилось, если бы мною стали править чужеземные чинуши. Но вам, ребята, от нас не отделаться. Такие вот дела.

— Ты так говоришь, потому что не знаешь, чем мы располагаем. — Джефф казался очень уверенным в себе.

— Да чем вы можете располагать? — фыркнул сержант Глид тоном скорее дружески-критическим, чем открыто презрительным. Он обернулся к Гаррисону. — Как ты думаешь?

— Кажется, ничем.

— Не судите поверхностно, — посоветовал Джефф. — До того, что у нас есть, вам никогда не додуматься.

— Например?

— Для начала могу тебе сказать, что мы обладаем самым могущественным оружием, изобретенным когда-либо. Мы — ганды, понял? Поэтому мы не нуждаемся в кораблях, пушках и прочих игрушках. Наше оружие эффективнее. От него нет никакой защиты.

— Хотел бы я его увидеть, — бросил перчатку Глид. За сведения о новом сверхмощном оружии можно получить намного больше, чем за адрес мэра. Грейдер за такое дело отвалит тысяч пять, не меньше. Не без сарказма он добавил: — Но, конечно, ты не можешь выдать военную тайну.

— Никакой тайны здесь нет, — спокойно ответил Джефф. — Можешь получить наше оружие за так, когда пожелаешь. Попроси только, тебе его любой ганд отдаст. Хочешь знать, почему?

— Еще бы.

— Потому что это оружие одностороннего действия. Против вас мы его использовать можем. А вы против нас — нет.

— Такого не бывает. Невозможно изобрести оружие, которым человек не сможет воспользоваться, если заполучит его в руки и будет знать, как с ним обращаться.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно, — без всякого сомнения сказал сержант. — Я уже двадцать лет в десантных войсках, а в них какое только оружие не освоишь! От луков до водородных бомб. Тебе меня не провести. Оружия одностороннего действия просто не может быть в природе.

— Не спорь с ним, — сказал Гаррисон Бэйнсу. — Он никогда ничему не верит, пока не убедится собственными глазами.

— Оно и видно. — Лицо Джеффа расплзлось в медленной ухмылке. — Я ведь тебе сказал, что ты можешь получить наше чудо-оружие, если попросишь. Что же ты не просишь его?

— Хорошо, я прошу, — сказал Глид без особого энтузиазма. Оружие, которое демонстрировалось по первому требованию и за которое не приходилось отрабатывать даже самый пустяковый об, вряд ли уж было таким могучим. Воображаемые пять тысяч кредитов съезжились до пяти, а потом до нуля. — Дай мне испытать его.

Тяжело повернувшись вместе с табуретом, Джефф протянул руку, снял со стены маленькую сверкающую плашку и протянул ее через прилавок.

— Можешь взять себе. Надеюсь, пойдет на пользу.

Глид повертел плашку в пальцах. Всего-навсего продолговатый кусочек вещества, напоминающего слоновую кость. С одной стороны гладко полированный. На другой стороне выбиты три буквы: «С — Н. Т.».

Глид спросил обескураженно:

— И это ты называешь оружием?

— Конечно.

— Ничего не понимаю. — Сержант передал плашку Гаррисону. — А ты?

— Я тоже, — Гаррисон внимательно осмотрел плашку и спросил Бэйнса: — Что означает «С — Н. Т.»?

— Всеобщий лозунг. Вы его повсюду увидите, если не замечали еще.

— Я его встречал несколько раз, но не придавал ему значения. Теперь припоминаю: эти буквы были написаны на стене в ресторанчике Сета и у входа в пожарное депо.

— И на бортах автобуса, из которого мы не смогли вытряхнуть пассажиров, — добавил Глид. — Только мы не поняли, что это значит.

— Это очень много значит, — ответил Джефф. — Это значит: «Свобода — Нет и Точка».

— Я убит, — заявил ему Глид. — Убит наповал.

Он посмотрел на Гаррисона, который с задумчивым видом засовывал плашку в карман.

— Абракадабра какая-то. Тоже мне, оружие!

— Блажен неведающий, — заметил уверенный в себе Бэйнс. — Особенно когда и не подозревает, что играет с детонатором бомбы неизвестного устройства.

— Ладно, — поймал его на слове Глид. — Объясни нам, как она устроена.

— Нет, и точка. — Лицо Бэйнса снова расплылось в ухмылке. Он явно был чем-то доволен.

— Хорошая помощь. — Глид чувствовал себя обманутым, особенно из-за минутного упоения воображаемыми пятью тысячами. — Нахвастал каким-то оружием одностороннего действия, сунул кусок какого-то барахла с тремя буквами и замолк. Наболтать каждый может. А доказательства где?

— Не будет доказательств, и точка, — сказал Бэйнс, ухмыляясь еще шире. Его жирная бровь многозначительно мигнула следящему за разговором Гаррисону.

Гаррисона вдруг осенило. Раскрыв в изумлении рот, он вынул плашку из кармана и уставился на нее, как будто до этого вообще не видел.

— Отдай мне ее обратно, — потребовал Бэйнс, наблюдая за ним.

Засунув плашку обратно в карман, Гаррисон твердо ответил:

— Нет, и точка.

Бэйнс прищелкнул языком:

— Одни соображают быстрее, чем другие.

Глиду это замечание явно не понравилось. Он протянул руку к Гаррисону.

— Дай-ка мне еще раз взглянуть.

— Нет, и точка, — ответил Гаррисон, глядя ему прямо в глаза.

— Слушай, так не... — Внезапно негодующие нотки исчезли из его голоса. Он замер на месте, по слегка остеклевшим глазам было видно, что голова у него идет кругом. Потом он прошептал: — Черт возьми.

— Вот именно, — одобрительно буркнул Бэйнс. — Долго ты раскачивался.

Ошеломленный потоком обрушившихся на него вольнодумных мыслей, Глид хрипло сказал Гаррисону:

— Уйдем отсюда. Мне надо подумать. Давай найдем какое-нибудь спокойное местечко.

Неподалеку они нашли скверик со скамейками, газончиками и цветами, в котором у фонтана играли ребяташки. Сев напротив лужайки с непривычно яркими для земного глаза цветами, оба погрузились в раздумья.

Через некоторое время Глид сказал:

— Если один человек будет так вести себя, ему обеспечен мученический венец, но если всем миром... — Голос его дрогнул, но он продолжал говорить: — Когда я думаю, к чему это может привести, у меня сердце екает.

Гаррисон хранил молчание.

— Вот тебе пример, — продолжал Глид. — Предположим, я возвращаюсь на корабль, и этот рыкающий носорог Бидворси отдает мне приказ. А я ему отвечаю, не моргнув глазом: «Нет, и точка». Тут либо его кондрашка хватит, либо он меня бросит в карцер.

— То-то тебе будет здорово!

— Да подожди, я же не кончил еще. Так вот, я сижу в карцере, но работа-то остается несделанной. Значит, Бидворси приказывает кому-то другому. А другой, будучи со мной заодно, смотрит на него ледяным взглядом и отвечает: «Нет, и точка». Его тоже бросают в карцер, и у меня появляется компания. Бидворси отдает приказ следующему. Повторяется та же история. В карцер влезает только двадцать человек. Значит, им придется теперь сажать арестованных в инженерскую столовую.

— При чем здесь наша столовая? — запротестовал Гаррисон.

— Именно в столовую, — стоял на своем Глид, преисполненный решимости покарать инженеров. — Скоро и она будет битком набита отказчиками. А Бидворси продолжает их сажать одного за другим, если только у него к этому времени сосуды не полопаются. Следующую партию придется запирать в инженерский кубрик.

— Да чего ты привязался к инженерам?

— Их там придется штабелями укладывать до самого потолка, — сказал не без садистского удовольствия Глид. — А кончится все это тем, что придется Бидворси самому взять ведро и швабру и драить медяшки, пока Грейдер, Шелтон и вся остальная братия будут караулить карцеры. А его пузатое превосходительство и его блюдолизы попрутся на камбуз стряпать арестантам обед. — Глид перевел дух и добавил: — Вот это да!

К ногам его подкатился цветастый мяч. Глид наклонился и подобрал его. Тут же подбежал мальчишка лет семи.

— Отдайте, пожалуйста, мой мяч.

— Нет, и точка, — ответил Глид.

Никакого протеста, никакого гнева, никаких слез. Мальчик просто разочарованно отвернулся и пошел прочь.

— Эй, сынок, держи. — Глид бросил ему мяч.

— Спасибо, — схватив мяч, мальчишка убежал.

Гаррисон сказал:

— Что произойдет, если каждый гражданин империи на всей ее территории от Прометея до Кальдора, на всех ее 1800 световых годах космического пространства разорвет полученное им извещение об уплате подоходного налога и скажет: «Нет, и точка!»? Что случится тогда?

— Тогда правительству потребуется еще одна вселенная для карцера и другая для караульных.

— Начнется хаос, — продолжал Гаррисон. Он кивнул на фонтан и на играющих около него детей. — Но непохоже, чтобы здесь у них был хаос. Я, во всяком случае, этого не замечаю. Отсюда можно сделать вывод, что они не перебарщивают с этим бескомпромиссным отказом. Они применяют его рассудительно, на основании какого-то общепринятого соглашения. Но что это за соглашение — не пойму, хоть убей.

— И я тоже.

Пожилой человек остановился у их скамейки, посмотрел на них, колеблясь, потом решил обратиться к проходившему мимо юноше:

— Не скажете, где остановка роллера на Мартинстаун?

— В конце Восьмой улицы. Отходит каждый час. Перед отъездом вам прикуют конечности.

— Конечности? — Старик поднял недоуменно брови. — Это еще зачем?

— Этот маршрут проходит мимо корабля антигандов. Они могут попытаться вытащить вас из машин.

— Да-да, конечно, — проходя мимо Глида и Гаррисона, он окинул их взглядом и сказал: — Эти антиганды такие зануды!

— Это уж точно, — поддержал его Глид. — Им говорят: «Убирайтесь», а они отвечают: «Нет, и точка».

Пожилой джентльмен сбился с ноги, странно посмотрел на него и скрылся за углом.

— Они все-таки замечают наш акцент, — сказал Гаррисон. — Хотя, когда я обедал в тот раз у Сета, никто на это внимания не обратил.

— Где удалось поесть один раз, — неожиданно оживился Глид, — можно попробовать и другой. Что мы теряем?

— Ничего, кроме терпения, — ответил Гаррисон и поднялся со скамейки. — Попробуем счастья у Сета. Не получится, пойдем куда-нибудь еще. А если нигде не получится, то успеем похудеть, прежде чем помрем голодной смертью.

— Похоже, что именно до этого они нас и хотят довести, — ответил Глид. Потом проворчал: — Но они добьются своего только через мой труп.

— Именно так, — согласился Гаррисон, — только через твой труп.

* * *

С салфеткой через руку подошел Мэтт.

— Антигандов я не обслуживаю.

— Но в прошлый раз ты меня обслужил, — сказал Гаррисон.

— Тогда я не знал, что ты с того корабля. Зато теперь знаю! — Он смахнул салфеткой крошки со стола. — Антигандов я не обслуживаю.

— А нет другого места, где мы бы могли пообедать?

— Если вам удастся обязать кого-нибудь. Никто, конечно, этого не сделает, если поймет, кто вы, разве что ошибется, как я ошибся в прошлый раз. Но я два раза подряд ошибок не делаю.

— Как раз сейчас и делаешь, — сказал жестким командным голосом Глид. Он толкнул Гаррисона локтем. — Смотри. — И выхватил из кармана маленький бластер. Направив его Мэтту в живот, он продолжал: — В нормальной обстановке меня отдали бы за это под суд, но сейчас начальство вряд ли расположено поднимать шум из-за этих двуногих ослов. — Он значительно повел оружием. — Ну живо тащи нам две порции.

— Нет, и точка, — выпятив челюсть и не обращая внимания на бластер, ответил Мэтт.

Глид щелкнул предохранителем.

— Учти, он сейчас от кашля сработать может. Шевелись!

— Нет, и точка, — ответил Мэтт.

Глид с отвращением сунул бластер обратно в карман.

— Я просто тебя пугал. Он не заряжен.

— Заряжен или незаряжен, значения не имеет. Антигандов я не обслуживаю, и точка.

— А если бы я психанул и всадил в тебя полный заряд?

— А как бы я тогда мог тебя обслужить? Что с мертвеца возьмешь? Пора бы вам, антигандам, поучиться логике.

Выпустив эту последнюю стрелу, он ушел.

— Что-то в этом есть, — сказал Гаррисон уныло. — Что ты сделаешь с мертвецом? Над ним ты не властен.

— Не скажи. Вид нескольких трупов может привести остальных в чувство. Сразу забегают.

— Ты рассуждаешь по-земному, — сказал Гаррисон. — Это неправильно. Как ни крути, они давно уже не земляне. Они — ганды, хоть я и не понимаю, что они под этим имеют в виду. — Он задумался, потом добавил: — Создание Империи привело к образу мышления, согласно которому Терра неизменно права, в то время как остальные шестнадцать тысяч сорок две планеты неизменно не правы.

— От твоих разговорчиков мятежам попахивает.

Гаррисон не ответил. Глид, заметив, что внимание собеседника отвлечено чем-то другим, оглядел комнату и увидел только что вошедшую брюнетку.

— Хороша, — одобрил сержант. — Не слишком юна, не слишком стара. Не слишком толста, не слишком худя. В самый раз.

— Я с ней уже знаком.

Гаррисон помахал ей в знак приветствия. Она подошла легкой походкой и села за их стол. Гаррисон представил:

— Мой друг сержант Глид.

— Артур, — поправил его Глид, пожирая брюнетку взглядом.

— Меня зовут Илисса. А что такое «сержант»?

— Вроде шишки на ровном месте. Я только передаю парням приказы, кому что делать.

Ее глаза широко раскрылись.

— Неужели люди действительно позволяют другим людям указывать себе, что им делать и как?

— Разумеется. Как же иначе?

— Мне это кажется диким. — Девушка перевела взгляд на Гаррисона. — А твоего имени я так и не узнаю?

— Джим.

— Мэтт подходил к вам?

— Да. И отказался нас обслуживать.

Она передернула полными плечиками.

— Это его право. Каждый человек имеет право отказаться. На то и свобода.

— У нас такая свобода называется бунтом.

— Не будь ребенком, — упрекнула девушка инженера и поднялась со стула. — Подождите здесь. Я пойду поговорю с Сетом.

— Ничего не понимаю, — сказал Глид, когда Илисса отошла. — Судя по тому, что говорил толстяк в лавке, нас все должны игнорировать, пока мы не дадим деру с тоски. Но эта дамочка ведет себя дружелюбно. Она не ганд.

— Ошибаешься, — возразил Гаррисон. — Она просто пользуется своим правом сказать: «Нет, и точка».

— Верно! Я об этом и не подумал. Они могут его применить, как им нравится.

— Конечно, — инженер снизил голос. — Тихо, она идет обратно.

Сев снова за столик, девушка поправила прическу и сказала:

— Сет лично вас обслужит.

— Еще один предатель, — усмехнулся Глид.

— Но с условием, — продолжала она, — что вы оба поговорите с ним перед уходом.

— Цена подходящая, — решил Гаррисон. — Но это значит, что тебе придется погашать обед за нас троих своими обами?

— Нет, только за себя.

— Как так?

— У Сета свои соображения. Он такого же мнения об антигандах, как и все остальные, но обладает склонностью к миссионерству. Он не согласен с тем, что всех антигандов нужно игнорировать. По его мнению, так можно относиться только к слишком глупым и упрямым, кого не перевоспитаешь. Сет уверен, что каждый разумный антиганд является потенциальным гандом.

— Да что это такое «ганд»? — спросил Гаррисон.

— Обитатель нашего мира.

— Но от чего происходит это слово?

— От имени Ганди.

Гаррисон наморщил лоб.

— Это еще кто?

— Человек, который изобрел Оружие.

— Никогда о нем и не слышал.

— Меня это не удивляет, — заметила Илесса.

— Не удивляет? — Гаррисон почувствовал раздражение. — Позволь тебе заметить, что в наше время на Терре все получают такое образование...

— Успокойся, Джим. Я просто хотела сказать, что это имя наверняка вычеркнуто из ваших учебников истории. Оно могла вызвать у вас нежелательные настроения. Поэтому меня и не удивляет, что ты о нем не слышал. Не можешь же ты знать того, чему тебя никогда не учили.

— Если ты подразумеваешь, что на Терре история подвергается цензуре, то я в это не верю.

— Это твое право, верить или нет. На то и свобода.

— До известной степени. У человека есть обязанности, отказываться от которых он не имеет права.

— Да? А кто определяет ему эти обязанности — он сам или другие?

— По большей части люди, стоящие выше его.

— Ни один человек не может стоять выше другого. Ни один человек не имеет права указывать другому, в чем состоят его обязанности. Если на Терре кто-то обладает подобной идиотской властью, то только потому, что идиоты это ему позволяют. Они боятся свободы. Они предпочитают получить указания. Они любят выполнять приказы. Ну и люди!

— Мне бы не следовало тебя слушать, — вмешался в разговор Глид. Его дубленое лицо горело. — Ты настолько вредная, насколько хорошенькая.

— Боишься своих собственных мыслей, — уколола она, подчеркнуто игнорируя комплимент.

Глид покраснел еще больше.

— Никогда в жизни. Но я...

Он не договорил, потому что появился Сет и поставил на стол три полные тарелки.

— После обеда поговорим, — напомнил Сет. — Мне вам надо кое-что сказать.

Сет подсел к их столику, как только они кончили есть.

— Что вы уже знаете?

— Они уже знают достаточно, чтобы поспорить, —插вила Илесса. — Они беспокоятся об обязанностях, о том, кто их определяет и кто выполняет.

— И не без оснований, — парировал Гаррисон. — Вы ведь тоже не можете этого избежать.

— То есть? — спросил Сет.

— Ваш мир держится на какой-то странной системе обмена обязательствами. Но что заставит человека гасить об, если он не будет это считать своим долгом?

— Долг здесь ни при чем, — ответил Сет. — А если и возникает вопрос о долге, то каждый определяет его для себя сам. Было бы в высшей степени возмутительной наглостью со стороны одного человека напоминать об этом другому, а одному приказывать другому — просто неслыханно.

— Так можно очень хорошо устроиться, — перебил его Глид. — Как вы справитесь с гражданином, у которого совсем нет совести?

— Проще пареной репы.

— Расскажи им сказочку о Ленивом Джеке, — предложила Илесса.

— Это детская сказочка, — пояснил Сет. — Ее все детишки наизусть знают. Классика вроде как... как... — Он сморщил лоб. — Совсем забыл сказки, которые привезли пионеры.

— Красная Шапочка, — подсказал Гаррисон.

— Вот-вот, — благодарно кивнул Сет.

Он провел языком по губам и начал рассказ:

— Этого Ленивого Джека привезли сюда с Терры ребенком, он вырос в нашем новом мире, изучил нашу экономическую систему и решил, что он всех перехитрит. Он решил стать хапугой. Мы так называем тех, кто хватает обы и пальцем не шевелит, чтобы их погасить или дать другим иметь об нас. Человек, который брат берет, а давать не хочет. Ну так вот, до шестнадцати лет это ему сходило с рук. Он ведь был ребенком. А у детей всегда есть к этому склонность. Мы это понимаем и делаем определенные скидки. Но после шестнадцати он влип.

— Каким образом? — спросил Гаррисон, которого сказочка заинтересовала больше, чем он хотел показать.

— Он хапал все, что попадалось под руку. Еду, одежду. А городки у нас небольшие, в них все друг друга знают. Месяца через три Джек стал известен как самый настоящий хапуга. И куда бы он ни пришел, везде получал отказ. Ни еды, ни крова, ни друзей. Проголодавшись, он вломился ночью в чью-то кладовую и в первый раз за неделю поел по-человечески.

— И как его наказали за это?

— А никак. Ничего ему не сделали.

— Но безнаказанность наверняка только поощрила его.

— Да нет, — усмехнулся Сет. — Люди просто стали все запирают. В конце концов ему пришлось перебраться в другой город.

— Чтобы там начать все сначала, — сказал Гаррисон.

— На некоторое время... А потом пришлось перебираться в третий город, в четвертый, в двадцатый. Он был слишком упрям, чтобы делать выводы.

— Но ведь он устроился, — сказал Гаррисон. — Брал все, что надо, и передвигался с места на место.

— Не совсем. Городки у нас, как я говорил, маленькие. Люди часто ездят друг к другу в гости. Все все знают. — Сет перегнулся через стол и сказал выразительно: — До двадцати лет Джек кое-как протянул, а затем...

— Затем?

— Он пытался прожить некоторое время в лесу на подножном корму. А потом его нашли висющим на дереве. Одиночество и презрение к самому себе погубили его. Вот что случилось с Ленивым Джеком, хапугой.

— У нас на Терре людей за лень не вешают, — сказал Глид.

— У нас тоже. Им предоставляют свободу сделать это самим. — Сет обвел собеседников пронизательным взглядом и

продолжал: — Но пусть вас это не беспокоит. За всю мою жизнь я не припомню, чтобы случилось что-либо подобное. Люди уважают свои обязательства в силу экономической необходимости, а не из чувства долга. Никто никому не приказывает, никто никого не заставляет, но сам по себе образ жизни на нашей планете содержит в себе определенное принуждение. Либо будешь играть по правилам, либо пострадаешь. А страдать никому не хочется, даже дуракам.

— Похоже, что ты прав, — вставил Гаррисон, ум которого в эту минуту напряженно упражнял свои способности.

— Не похоже, а наверняка, — заверил его Сет. — Но я хотел с вами поговорить о более важном. Скажите, чего вы хотите больше всего в жизни?

Не задумываясь, Глид ответил:

— Путешествовать по космосу, оставаясь целым и невредимым.

— И я тоже, — сказал Гаррисон.

— Так я и думал. Но вы не можете остаться во флоте на веки вечные. Все рано или поздно приходит к концу. Что потом?

Гаррисон заерзал обеспокоенно.

— Я не люблю об этом думать.

— Но ведь рано или поздно придется, — сказал Сет. — Сколько тебе осталось летать?

— Четыре с половиной года.

Сет перевел взгляд на Глида.

— А мне три.

— Немного, — заметил Сет. — Значит, когда вы доберетесь обратно до Терры, для вас это будет концом пути?

— Для меня — да, — признался Глид, которому эта мысль никакой радости не доставляла.

— Чем старше становишься, тем быстрее бежит время. Однако ты будешь еще относительно молод, когда уйдешь в отставку. Ты, наверное, приобретешь собственный корабль и будешь продолжать путешествовать по космосу?

— Откуда? Даже самые богатые не смогут себе позволить больше, чем лунный катер. Но болтаться между Землей и спутником скучно для того, кто привык к глубокому космосу. А двигатель Блидера по карману только правительству.

— И что же ты будешь делать после увольнения?

— Я не такой, как Большие Уши, — ткнул пальцем в Гаррисона Глид, — я солдат, а не специалист. У меня выбор ограничен. Но я родился и вырос на ферме. Я еще помню фермерскую работу. Хорошо бы осесть и обзавестись маленьким хозяйством.

— Это возможно? — спросил Сет, внимательно глядя на него.

— На какой-нибудь из развивающихся планет, но не на Терре. Для Терры мне и половины суммы не наскрести.

— Вот, значит, как Терра вознаграждает за годы верной службы! Либо забудь о своей сокровенной мечте, либо выметайся?

— Заткнись.

— Не заткнусь, и точка. Как ты думаешь, почему ганды эмигрировали на эту планету, духоборы на Хайгею, а квакеры на Центавр Б? Потому что Терра так награждала своих верноподданных — либо гни шею, либо выметайся. Вот мы и вымелись.

— Оно и к лучшему, — вставила Илисса. — Избавили Терру от перенаселения.

— Это к делу не относится, — ответил Сет и вернулся к Глиду. — Ты хочешь ферму. Хочешь ее на Терре, но получить ее там не можешь. Терра говорит тебе: «Выметайся». Значит, тебе нужно искать ферму где-то в другом месте. А здесь ты можешь получить ферму просто за так. — Он выразительно щелкнул пальцами.

— Меня не обманешь, — ответил Глид, хотя по лицу его было видно, что ему очень хочется быть обманутым. — За так не бывает.

— На нашей планете земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает. Пока человек продолжает на ней работать, никто не оспаривает его права на этот участок. Все, что тебе нужно, — найти свободный участок, а их здесь сколько хочешь, и начать работать на нем. С этой минуты он твой. Как только ты перестанешь на нем работать и покинешь его, он принадлежит кому угодно.

— Святые метеоры! — Глид уставился на него неверящим взглядом.

— Более того, если тебе повезет, можешь наткнуться на брошенную ферму, которую оставили из-за болезни, смерти или желания перебраться куда-нибудь, где подвернулось что-то поинтереснее. В таком случае тебе достанется готовая ферма с сараями, коровниками и всем хозяйством.

— А что я буду должен предыдущему владельцу?

— Ничего. Ни единого оба. С какой стати? Если он ушел оттуда, то он рассчитывает на что-то лучшее. Не может же он пользоваться выгодами и от одного и от другого.

— Бессмыслица какая-то. Где-то здесь ловушка. Кому-то мне придется выкладывать на бочку либо деньги, либо кучу обов.

— Несомненно. Ты заводишь ферму. Соседи помогают тебе построить дом. Это накладывает на тебя солидные обы. Будешь, к примеру, два года снабжать плотника и его семью продуктами с фермы и погасишь об. А потом будешь поставлять ему продукты еще два года и тем самым будешь иметь об на него. И так со всеми остальными.

— Но не всем же нужны сельскохозяйственные продукты.

— Ну и что? Вот, к примеру, жестянщик сделал для тебя маслобойку. Продукты ему не нужны. Его жена и трое дочерей на диете, и одна только мысль о еде приводит их в ужас. Но у него есть портной или сапожник, которые имеют на него обы. Он переводит эти обы на тебя. Поставляя продукты портному или сапожнику, ты погасишь об жестянщику. И все довольны.

Насупившись, Глид разжевывал услышанное.

— Ты меня подстрекаешь. Не следовало бы делать этого. Попытка подстрекательства к дезертирству является на Терре уголовным преступлением и сурово наказывается.

— Так то на Терре, — сказал Сет презрительно.

— Все, что вам надо сделать, — мило и убедительно вставила Илисса, — это объяснить себе, что пора возвращаться на корабль, что это ваш долг, что ни на корабле, ни на Терре без вас не обойдутся. — Она поправила кудряшку. — А потом стать свободной личностью и сказать: «Нет, и точка!»

— С меня за это с живого шкуру спустят. Под личным руководством Бидворси.

— Вряд ли, — усомнился Сет. — Этот Бидворси, который мне кажется человеком отнюдь не жизнерадостным, находится в таком же положении, как и ты, и все остальные: на распутье. Рано или поздно он либо во всю прыть уберется отсюда, либо будет в своем грузовичке доставлять тебе на ферму молоко, потому что в глубине души ему всегда хотелось заниматься именно этим.

— Ты его не знаешь, — хмуро буркнул Глид. — У него вместо сердца кусок ржавого железа.

— Занятно, — взглянул на него Гаррисон, — я всегда думал то же самое о тебе, вплоть до сегодняшнего дня.

— Я сейчас не на службе, — ответил Глид, как будто такой ответ все объяснял.

Он встал и сжал челюсти.

— Но я возвращаюсь на корабль. Прямо сейчас.

— У тебя увольнение до завтрашнего вечера, — запротестовал Гаррисон.

— Возможно. Но я вернусь сейчас.

Илисса открыла рот, но тут же закрыла, потому что Сет толкнул ее. Они сидели молча и смотрели, как Глид выходил за дверь решительной походкой.

— Это хороший знак, — сказал Сет со странной уверенностью в голосе. — Задели его за живое. — Потом повернулся к Гаррисону. — А у тебя какое главное желание в жизни?

— Спасибо за еду. — Гаррисон, явно обеспокоенный, поднялся со стула. — Постараюсь догнать его. Если он пошел на корабль, мне, пожалуй, тоже лучше вернуться.

Опять Сет остановил Илиссу. Оба хранили молчание, пока Гаррисон выходил на улицу, аккуратно затворяя за собой дверь.

— Бараны, — сказала непонятно чем опечаленная Илисса. — Один за другим, ну прямо стадо баранов.

— Нет, — возразил Сет, — это люди, движимые теми же мыслями и чувствами, что и наши предки, которые баранами отнюдь не были. — Повернувшись в кресле, он крикнул Мэтту: — Принеси нам два шемака! — Потом сказал Илиссе: — Сдается мне, что этому кораблю не поздоровится, если он здесь задержится.

Динамик внутренней сигнализации рывкнул:

— Гаррисон, Глид, Грегори... — и так далее в алфавитном порядке.

В коридорах и на палубах разговаривали между собой вернувшиеся из увольнения.

— Ни единого слова ни от кого не добьешься, кроме «зассд». Просто осточертело!

— Надо было разделиться, как мы. Там, в цирке, на окраине никто про нас и знать не знал. Я просто вошел и сел.

— Слышал про Майка? Он починил крышу, взял в уплату бутылку двойного деса и нажрался. Был в полной отключке, когда его нашли. Пришлось тащить его обратно на себе.

— Везет же некоторым. А нас отовсюду гнали.

— Так я ж и говорю, что надо было разделиться.

— Половина увольнения, наверное, все еще валяется по канавам.

— Грейдер психанет, когда узнает, что столько народа опоздало.

Каждую минуту старпом Морган выходил в коридор и выкрикивал одну из фамилий, только что объявленных по радио. По большей части никто не отзывался.

— Гаррисон! — завопил он.

Гаррисон вошел в навигаторскую с недоуменным выражением на лице.

Его превосходительство расхаживал взад и вперед, бормоча в свои подбородки: «Всего пять дней, а разложение уже началось». Резко повернувшись к вошедшему Гаррисону, он выпалил:

— А, это вы, сударь! Давно вернулись из увольнения?

— Позапрошлым вечером, сэр.

— Досрочно, не так ли? Это интересно. Прокололи шину?

— Никак нет, сэр. Я велосипед не брал.

— Тоже неплохо. Если бы вы его взяли, вы были бы уже за тысячу миль отсюда.

— Почему, сэр?

— Почему? Он меня спрашивает, почему? Да я именно это и хочу знать — почему? Вы в городе были один или с кем-нибудь?

— С сержантом Глидом, сэр.

— Вызвать его, — приказал посол.

Морган послушно открыл дверь и позвал:

— Глид! Глид!

Ответа не последовало. Он попробовал еще раз, но безрезультатно. Потом опять вызвал Глида по радио. Сержант Глид исчез.

— Он отметился, когда возвращался?

Капитан Грейдер сверился с лежащим перед ним списком.

— Вернулся на двадцать четыре часа раньше срока. Видимо, выскользнул со второй группой, не отметившись. Это двойное преступление.

Морган вернулся в навигаторскую.

— Ваше превосходительство, один из десантников видел сержанта Глида в городе совсем недавно.

— Вызвать этого солдата. — Его превосходительство повернулся к Гаррисону. — А вы стойте, где стоите, и постарайтесь не хлопать своими чертовыми ушами. Я с вами еще не кончил.

Вошел испуганный таким обилием начальства солдат и вытянулся по стойке «смирно».

— Что вам известно о сержанте Глиде? — потребовал посл.

Солдат облизал губы, явно сожалея, что вообще ляпнул о встрече с Глидом.

— В общем, ваше благородие, я...

— Называйте меня «сэр».

— Есть, сэр. Я пошел в увольнение со второй группой рано утром, но через пару часов решил вернуться, потому что брюхо схватило. На обратном пути я встретил сержанта Глида и с ним разговаривал.

— Где? Когда?

— В городе, сэр. Он сидел в одной из этих ихних междугородных колываг. Мне это сразу показалось странным.

— Он вам что-нибудь говорил?

— Немного, сэр. Он был в возбужденном состоянии. Кто-то ему что-то сказал о молодой вдове, которой трудно управиться с участком в двести акров. Он решил поехать посмотреть.

— Ваш человек, — сказал посол полковнику Шелтону. — Вроде бы дисциплинированный, с выслугой лет, тремя нашивками, с пенсией на носу. — Он снова повернулся к солдату. — Глид сказал, куда именно он едет?

— Никак нет, сэр. Я спрашивал, но он только усмехнулся и сказал: «Засед».

— Хорошо, можете идти. — Его превосходительство возобновил разговор с Гаррисоном: — Вы были в первой группе?

— Так точно, сэр.

— Позвольте вам сообщить кое-что, сударь. Из четырехсот двадцати человек вернулись только двести. Сорок из них в различных стадиях алкогольного опьянения. Десять сидят в карцере и вопят: «Нет, и точка!» Без сомнения, они будут орать, пока не протрезвеют.

Он уставился на Гаррисона так, как будто эта достойная личность была виновата в происходящем, затем продолжал:

— В этом есть что-то парадоксальное. Пьяных я могу понять. Всегда найдутся несколько человек, которые, сойдя с корабля, первым делом налягутся в стельку. Но из двух сотен, соизволивших вернуться, почти половина вернулась раньше времени, как и вы. И все давали примерно одинаковые объяснения: местные относились к ним недружелюбно, игнорировали их.

Гаррисон ничего не сказал.

— Итак, налицо две крайности. Одни с отвращением возвращаются на корабль, а другие находят туземный городок

настолько гостеприимным, что набираются до бровей какой-то дрянью, именуемой двойным дисом, или дезертируют совершенно трезвыми. Есть же какое-то объяснение всему этому? Вот вы были в городе два раза. Что вы можете сказать?

Гаррисон осторожно ответил:

— Все зависит от того, признают они нас или нет. А так же от того, на какого ганда вы наткнетесь: есть такие, которые попытаются обратить вас в свою веру вместо того, чтобы игнорировать. Многих наших выдает униформа.

— У них что, аллергия к униформам?

— Более или менее, сэр.

— А почему?

— Не могу сказать точно, сэр. Я о них не так уж много знаю. Думаю, потому, что униформа у них ассоциируется с тем режимом на Терре, от которого бежали их предки.

— А у них никто униформы не носит?

— Не замечал. Им, по-моему, доставляет удовольствие выражать свое «я», одеваясь и украшаясь на любой лад — от косичек до розовых сапог. Странности во внешнем виде у гандов — норма. А униформа им кажется ненормальной, они ее считают проявлением угнетения.

— Вы их все время именуете гандами. Откуда взялось это слово?

Гаррисон объяснил, возвращаясь при этом мыслями к Илессе и к ресторанчику Сета с накрытыми столами, с баром за стойкой, с вкусными запахами из кухни. Сейчас, вспоминая это место, он понимал, что там было что-то неуловимое, но очень важное, чего никогда не было на корабле.

— И этот человек, — закончил он, — изобрел то, что они называют «оружием».

— И они утверждают, что он был землянином? А как он выглядит? Вы видели его портреты или памятники ему?

— Они не воздвигают памятников, сэр. Они говорят, что ни один человек не может быть выше другого.

— Чушь собачья, — отрубил посол. — Вам не пришло в голову осведомиться, в какой период истории проводились испытания этого чудо-оружия?

— Никак нет, сэр, — сознался Гаррисон. — Я не придавал этому значения.

— Конечно, куда вам. Я не ставлю под сомнение ваши качества космонавта, но как разведчик вы ни к черту не годитесь.

— Прошу извинить, сэр, — ответил Гаррисон.

«Извинить? Ты ничтожество, — прошептал голос в его душе. — За что ты просишь прощения? И у кого? Это всего лишь помпезный толстяк, которому в жизни не погасить ни одного оба, как бы он ни старался. Чем он тебя лучше? Тем, что у него бочкообразное брюхо? И перед этой бочкой ты вытягиваешься и лепечешь: «Простите, сэр, извините, сэр!» Да попробуй он прокатиться на твоём велосипеде, он свалится, не проехав и десяти ярдов. Плюнь ему в рожу и скажи: «Нет, и точка!» Что же ты струсил?»

— Нет, — громко выпалил Гаррисон.

Капитан Грейдер оторвал глаза от своих бумаг.

— Если вы решили сначала отвечать, а потом выслушивать вопросы, то вам лучше зайти к врачу. Или у нас на борту появился телепат?

— Я думал... — пояснил Гаррисон.

— Это я одобряю, — сказал посол. — Думайте, и побольше. Может быть, это постепенно войдет в привычку. Когда-нибудь вы даже добьетесь того, что этот процесс будет проходить безболезненно.

Он снял с полки толстую книгу.

— Вот он, на этой странице. Жил четыреста семьдесят лет тому назад. Ганди, именуемый Отцом. Основатель системы гражданского неповиновения. Последователи этого учения покинули Терру во время Великого Взрыва.

Гражданское неповиновение, — повторил посол, закатывая глаза. — Но нельзя же использовать его как социальный базис! Такая система просто не сработает!

— Сработала, да еще как, — утверждающе сказал Гаррисон, забыв добавить «сэр».

— Вы возражаете мне?

— Просто констатирую факт.

Посол свирепо впился в него глазами.

— Вы отнюдь не специалист по социально-экономическим проблемам. И зарубите это себе на носу. Любого такого, как вы, ничего не стоит обвести вокруг пальца.

— Система работает, — стоял на своем Гаррисон, удивляясь собственному упрямству.

— Как и ваш идиотский велосипед. У вас образ мышления на уровне велосипеда.

Что-то щелкнуло, и голос, очень похожий на голос Гаррисона, сказал: «Чушь».

— Что?!

— Чушь, — повторил Гаррисон.

Посол потерял дар речи. Встав из-за стола, капитан Грейдер применил свои полномочия:

— Вам запрещается покидать корабль. Убирайтесь отсюда и ждите дальнейших распоряжений.

Гаррисон вышел. Мысли его были в смятении, но в душе он испытывал странное удовлетворение.

Прошло еще четыре долгих, томительных дня. Всего девять со времени посадки на этой планете.

На борту назревали неприятности. Увольнения третьей и четвертой групп постоянно откладывались, что вызывало нарастающее недовольство и раздражение.

* * *

— Морган опять представил третий список, но капитан снова отложил увольнение, хотя и признал, что этот мир нельзя классифицировать как враждебный и что нам положено увольнение.

— Так какого же черта нас не выпускают?

— Предлог все тот же. Он не отменяет увольнение, он только откладывает его. Здорово придумал, а? Говорит, что даст увольнение немедленно, как только вернутся все, кто не пришел из первых двух групп. А они никогда не вернутся.

Претензии были законными и обоснованными. Недели, месяцы, годы заключения в непрерывно дрожащей бутылке неважно какого размера требуют полного расслабления хотя бы на короткое время. Люди нуждаются в свежем воздухе, в твердой земле под ногами, в широких горизонтах, в обильной еде, в женщинах, в новых лицах.

— Только мы сообразили, как здесь надо себя вести, а он уже хочет наострить лыжи. Одевайся в штатское и веди себя как ганд, и все дела. Даже ребята из первого увольнения не прочь попробовать еще раз.

— Грейдер побоится рисковать. Он уже и так многих потерял. Если не вернется еще хотя бы половина следующей группы, у него не хватит людей довести корабль обратно. Застрянем тогда здесь. Что ты на это скажешь?

— А я бы не возражал.

— Пусть обучит чиновников. Хоть раз в жизни займутся честным трудом.

Подошел Гаррисон с маленьким конвертом в руках.

— Смотри, это он уел его превосходительство и остался без берега, прямо как мы.

— Мне так больше нравится, — заметил Гаррисон. — Лучше быть наказанным за что-то, чем ни за что!

— Это ненадолго, вот увидишь. Мы терпеть не намерены. Скоро мы им покажем.

— Как именно?

— Подумать надо, — уклонился его собеседник, не желая раскрывать раньше времени свои карты. Он заметил конверт. — Это что, дневная почта?

— Вот именно.

— Как знаешь, я вовсе не хотел совать нос в чужие дела. Думал, просто что-нибудь еще случилось. Вам, инженерам, все письменные распоряжения обычно поступают в первую очередь.

— Да нет, это действительно почта, — сказал Гаррисон.

— Откуда же это ты получаешь письма?

— Воррал принес из города час назад. Мой приятель угостил его обедом и передал письмо для меня, чтобы он погасил об за обед.

— А как это Ворралу удалось уйти с корабля? Что он, привилегированный?

— Вроде. У него жена и трое детей.

— Так что с того?

— Посол считает, что одним можно доверять больше, чем другим. Когда у человека есть, что терять, он вряд ли уйдет. Поэтому он кое-кого отобрал и послал их в город собрать информацию о дезертирах.

— Они что-нибудь выяснили?

— Не очень много. Воррал говорит, что это пустая трата времени. Он нашел там нескольких наших, пытался уговорить их вернуться, но они на все отвечают: «Нет,

и точка». А от местных, кроме «зассд», ничего не услышишь.

— Что-то в этом есть, — заметил один из присутствующих. — Хотел бы я сам на это взглянуть.

— Вот этого-то Грейдер и боится.

— Ему скоро многого придется бояться, если он не образумится. Наше терпение иссякает.

— Мятёжные речи, — упрекнул его Гаррисон. — Вы меня шокируете.

Он прошел в свою каюту и вскрыл конверт. Почерк мог бы быть и женским, во всяком случае, он надеялся на это. Но письмо было от Глида: «Где я и чем занимаюсь — значения не имеет: письмо может попасть в чужие руки. Скажу тебе одно — все вырисовывается по первому классу, надо только выждать, нужно время для укрепления знакомства. Остальное в этом письме касается тебя. Я тут наткнулся на одного толстячка. Он представитель фабрики, выпускающей эти двухколески с вентилятором. Им нужен постоянный торговый агент фабрики и мастер станции обслуживания. Толстячку уже подали четыре заявления, но ни у одного из желающих нет требуемых технических данных. По условиям тот, кто получит место, имеет на город функциональный об, что бы это ни значило. Так или этак — место это для тебя. Не будь дураком. Прыгай — вода хорошая».

— Святые метеоры! — сказал себе Гаррисон и увидел приписку.

«Адрес получишь у Сета. Этот городишко — родина твоей брюнетки. Она собирается обратно сюда, чтобы жить поближе к своей сестре, и я тоже. Упомянутая сестра — просто душечка».

Гаррисон прочитал письмо еще раз, встал и начал расхаживать по каюте. Потом вышел и, не привлекая к себе внимания, прошел в склад инженеров, где целый час смазывал и чистил свой велосипед. Вернувшись в каюту, он вынул из кармана тонкую плашку и повесил ее на стенку. Потом лег на койку и устался на нее.

«С — Н. Т.».

Динамик системы оповещения кашлянул и сообщил: «Всему личному составу корабля быть готовым к общему инструктажу завтра в восемь ноль-ноль».

— Нет, и точка, — ответил Гаррисон.

* * *

Грейдер, Шелтон, Хейм и, разумеется, его превосходительство собрались в рубке.

— Никогда не думал, — мрачно заметил последний, — что настанет день, когда мне придется признать себя побежденным.

— Со всем должным уважением позволю себе не согласиться, ваше превосходительство, — ответил Грейдер. —

Потерпеть поражение можно от руки врага, но ведь эти люди не враги. Именно на этом мы и попались. Их нельзя классифицировать как врагов.

— И тем не менее это поражение. Как еще назвать?

Грейдер пожал плечами.

— Нас перехитрили родственнички. Не драться же дяде с племянниками только потому, что они не желают с ним разговаривать.

— Вы рассуждаете со своей точки зрения. Для вас данная ситуация исчерпывается тем, что вы вернетесь на базу и представите отчет. У меня же положение иное — мое поражение дипломатическое.

— Я не могу брать на себя смелость и рекомендовать наилучший образ действий. На борту моего корабля находятся войска и вооружение для проведения любых полицейских и превентивных операций, которые представляются необходимыми. Но я не могу их применять против гандов, поскольку у меня нет никаких оснований для этого. Более того, одному кораблю не справиться с двенадцатимиллионным населением планеты, для этого потребуется целая эскадра.

— Я это все уже пережевывал, пока меня не затощило.

— Ваше превосходительство, прошу вас сообщить свое решение по возможности скорее. Морган дал мне понять, что, если к десяти часам я не дам третьей группе увольнения, экипаж уйдет в самоволку.

— Это ведь грозит им суровым наказанием?

— Не таким уж суровым. Они заявят в Дисциплинарной комиссии, что я умышленно игнорировал устав. Поскольку формально увольнений я не запрещал, а только лишь откладывал, им это может сойти с рук, если члены комиссии будут в соответствующем настроении.

— Эту комиссию не мешало бы послать пару раз в длительный полет. Они бы узнали кое-что такое, о чем и не слышали за своими канцелярскими столами.

Грейдер подошел к иллюминатору.

— У меня не хватает четырехсот человек. Некоторые из них, возможно, вернутся, но ждать их мы не можем. Задержка приведет к тому, что у меня не хватит людей, чтобы вести корабль. Выход один — отдать приказ о подготовке к взлету. С этого момента корабль будет подчиняться полетному уставу.

— Полагаю, что так, — сказал посол.

Грейдер взял микрофон.

— Личному составу приготовиться к взлету немедленно! Старший сержант Бидворси! Кто это там стоит у люка? Немедленно прикажите им подняться на борт.

Носовой и кормовой трапы были давно уже убраны. Кто-то из офицеров позаботился быстренько убрать и центральный трап, отрезая путь вниз и тем, кто хотел бы в последний момент уйти. Бидворси, желая выполнить приказ, высунулся из люка. Пятеро, стоящие внизу, были дезертиры из первой группы увольнения. Шестой был Гаррисон со своим начищенным до блеска велосипедом.

— Немедленно на борт! — зарычал Бидворси.

— Ты это слышал? — сказал один из стоявших внизу, подталкивая другого. — Дуй обратно на борт. Если не можешь прыгнуть на тридцать футов вверх, то взмахни крылышками и лети.

— У меня приказ! — продолжал вопить Бидворси.

— Надо же, в таком возрасте, а еще позволяет кому-то собой командовать, — заметил бывший солдат его роты.

— Да, удивительно, — ответил другой, сокрушенно качая головой.

Бидворси царапал рукой гладкую стенку, пытаясь найти что-нибудь, чем можно было бы швырнуть в стоявших внизу людей.

— Не кипятись, Бидди! — крикнул его бывший солдат. — Я теперь ганд.

С этими словами он повернулся и пошел по дороге. Остальные четверо последовали за ним. Гаррисон поставил ногу на педаль велосипеда. Задняя шина осела с протяжным звуком. Побагровевший Бидворси наблюдал, как Гаррисон затягивал клапан и качал воздух ручным насосом. Завыла сирена, Бидворси отпрянул назад, и герметическая дверь люка закрылась. Гаррисон опять поставил ногу на педаль, но не двигался с места, а стоял и наблюдал за кораблем. Металлическое чудовище задрожало, величественно взмыло вверх, превратилось в еле видимую точку и исчезло совсем.

На секунду Гаррисон почувствовал сожаление. Но оно очень быстро прошло. Он посмотрел на дорогу.

Пять самозванных гандов голосовали на шоссе. Первый же экипаж остановился, чтобы их подобрать, что было очевидным результатом отлета корабля. Быстро они сообщают.

«Твоя брюнетка», — написал ему Глид. И с чего он взял?

Может быть, она сказала что-нибудь такое, из чего можно было это предположить?

Он еще раз оглянулся на вмятину, оставленную кораблем. Здесь были две тысячи землян.

Потом тысяча восемьсот.

Потом тысяча шестьсот.

Потом еще на пять меньше.

«Остался один я», — подумал Гаррисон.

Пожав плечами, он заработал педалями и поехал по направлению к городу.

И не осталось никого.

Перевел с английского Юрий ЗАРАХОВИЧ

Моральное оружие

Отрицать просто, когда отрицанием движет пороховое чувство протеста и гнева. Ребенок, осердясь, колотит стул, о который ушибся. Этому действию есть историческая параллель.

В древности люди всячески ублажали богов, но когда обильные жертвы не помогали, статуи божков, случалось, лущевали нещадно. Подобное бывает и в наш просвещенный век. На одном японском заводе в особой комнатке установили резиновую фигуру хозяина; каждый рабочий мог зайти и отмутузить ее палкой...

Невооруженным глазом видно, что именно отрицает повесть Эрика Фрэнка Рассела. Объект отрицания принял галактические масштабы, но не утратил знакомые черты. Строго говоря, тут нет фантастики, тут реализм сегодняшнего дня, сатира тем более едкая, что за ней стоит неподдельное чувство автора, гражданина страны старейшей демократии. Все жизненно, правильно, нужно, вот только убойная сила критического залпа тратится на поражение уж слишком очевидных, поверхностных и избитых мишеней. Это подобно тому, как если бы телененавистник стал сокрушать телевизоры, не трогая, будто их нет вовсе, производящие заводы и студии. Эффектно, симптоматично, но для системы в общем безвредно.

Сложней, примечательней утопическая сторона повести. Отрицание без утверждения, что тень без света. Солдафонской системе подавления и бюрократии Рассел противопоставляет гандизм. Впрочем, это не совсем тот гандизм, который возник как идейное течение в колониальной Индии, скорей это его американизированный вариант. Подлинный гандизм заквашен на аскетизме, которого в утопическом обществе Рассела нет. И патриархальность, столь присущая гандизму, в повести особого рода — это чуть модернизированная, даже хиппизированная патриархальность фермерской Америки с ее малозаселенными некогда просторами, духом самостоятельности и предпринимательства, еще не стесненным ни монополиями, ни чиновничеством. Картина будущего, таким образом, оказывается идеализированной и слегка технизированной картиной прошлого Америки. Получается вроде бы так, что на базе капитализма возможен и ад галактической империи, и рай свободы, если отношения собственности скрестить с гандизмом.

Но это не совсем всерьез. Литература невозможна без убедительности изображаемого, и Рассел не выполнил бы своей художественной задачи, погрешив против этого правила в обрисовке общества космических гандийцев. Все же автор честно намекает на иллюзорность описываемой утопии, вкладывая в уста дубоватого посла империи кое-какие неглупые мысли об эфемерности ее экономического устройства. Крохотный намек: владеющий логикой да воспользуется ею!

Всерьез речь идет о другом. Сердцевину гандизма составляет убеждение, что условия общественной жизни определяются уровнем нравственного развития людей. Отсюда вывод о зависимости политики от нравственности, о том, что мерилом человечности той или иной политики должна быть не цель, а средство, которым эта цель достигается. Именно поэтому на первый план гандизм выдвинул моральное оружие, тезис о мощи которого и лег в основу повести.

С самого начала очевидная для марксистской мысли наивность отдельных положений гандизма доказана уже не в тео-

ретическом споре, а в ходе истории, в том числе истории самой Индии, столь наглядно, что тут просто не о чем говорить. Менее явно другое.

Сила кулака так очевидна, что порой она кажется единственной, с которой надо считаться. «Право на стороне больших батальонов!» — любил повторять Наполеон. С этой философией он сметал и королевства, но пришел час, и все его большие батальоны ничего не могли поделать с восставшими крестьянами Испании. Сила есть — побоку мораль... Полтора века спустя большие батальоны во всеоружии смертоносной техники XX столетия были обрушены на Вьетнам — и все повторилось с куда более оглушающей силой! Военному поражению предшествовало моральное, оно его предопределило и покачнуло Америку так, как еще не бывало в ее истории.

Это не частные случаи. Символом кровавой всеокрушающей силы стали полчища Атиллы и Чингисхана. Но — странное дело! — все их победы и завоевания оказались до призрачности нестойкими. В этом мало удивительного, если вдуматься. Грубой силе чуждо созидание, она неизбежно образует вокруг себя тлетворную пустыню, в которой сама же никнет. Такова логика насилия.

Моральная, нравственная правота и стойкость — могучее оружие борьбы. Это истина отнюдь не только гандизма, и яркое утверждение ее художественными средствами — достоинство повести Рассела. Только свобода, понятно, еще нигде и никогда не завоевывалась одним лишь пассивным сопротивлением. Сам Ганди отнюдь не был догматиком гандизма и в годы японской агрессии, которая грозила родине новым и большим гнетом, высказался за вооруженный отпор.

Мораль и сила, нравственность и политика, цель и средство. «...Цель, для которой требуются неправо́ые средства, не есть правая цель...» Задолго до Ганди это говорил Маркс.

Д. БИЛЕНКИН

А. ДНЕПРОВ (АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ МИЦКЕВИЧ)

Умер Анатолий Петрович Мицкевич (А. Днепров), ветеран Отечественной войны, кандидат физико-математических наук, писатель-фантаст, автор широко известных советскому и зарубежному читателю книг «Уравнения Максвелла», «Мир, в котором я исчез», «Формула бессмертия», «Пророки»...

Многое волновало писателя: пути развития современной науки, ответственность ученых за судьбы своих открытий, связанные с этим этические и моральные проблемы общества.

Десять лет Анатолий Петрович был членом редколлегии «Искателя», нашим автором. Его глубокий анализ публикуемых произведений, мысли о задачах советской научной фантастики помогали и еще будут помогать нам в работе над выходящими в свет новыми повестями и рассказами.

На I—IV стр. обложки — рисунок Н. ГРИШИНА.

На II стр. обложки — рисунок Г. СУНДАРЕВА к фантастическому памфлету В. Рыбина «Зеленый призрак».

На III стр. обложки — рисунок Ю. МАКАРОВА к фантастической повести Э. Ф. Рассела «И не осталось никого».

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. ДНЕПРОВ,
А. П. КАЗАНЦЕВ, А. В. НИКОНОВ, А. А. НОДИЯ, В. М. ЧИЧКОВ.

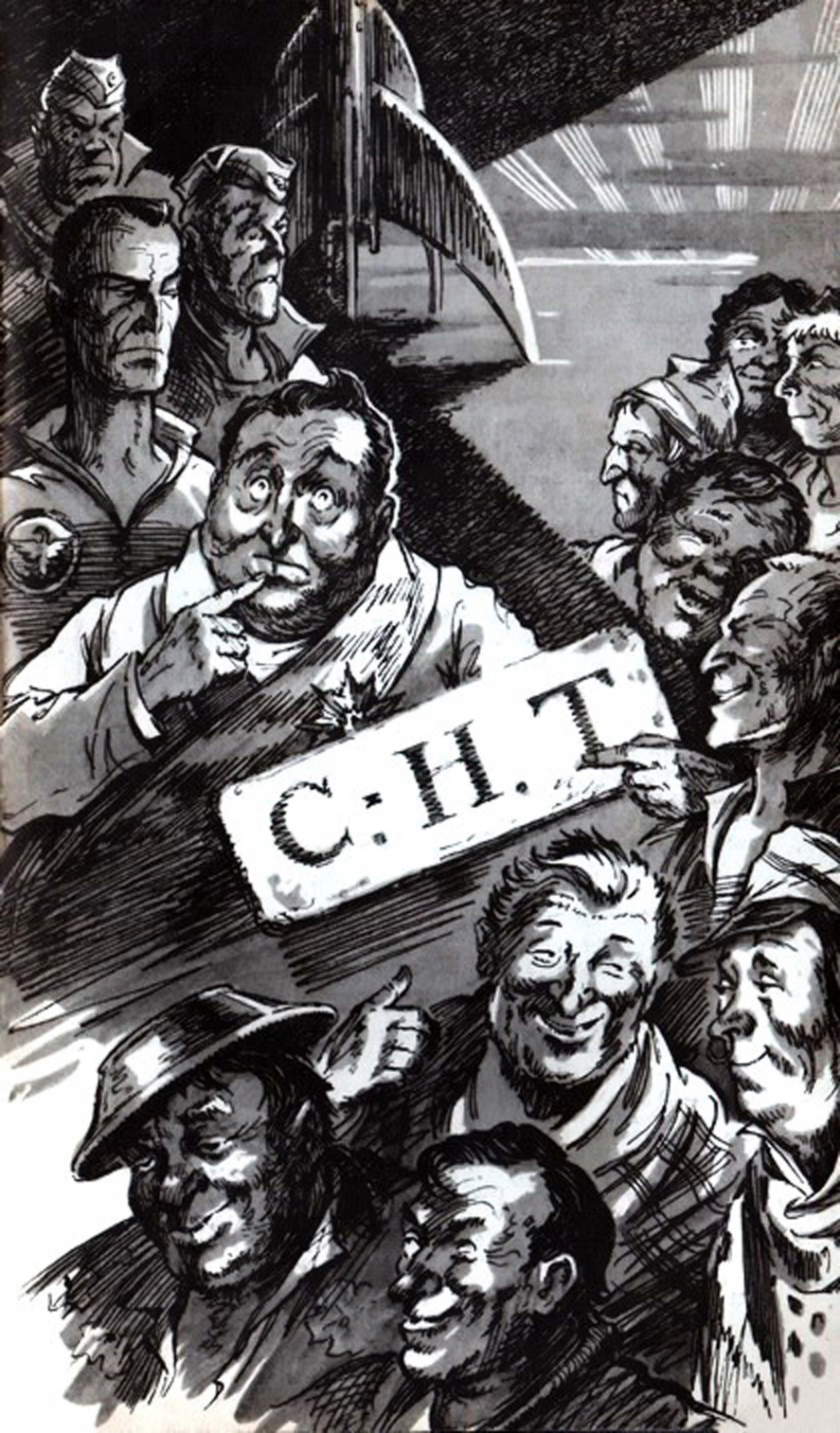
Редакторы выпуска О. СОКОЛОВ, В. РЫБИН
Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА
Технический редактор А. БУГРОВА

Рукописи не возвращаются

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
Адрес редакции: Москва, К-30, Суцьевская, 21. Тел. 251-15-00,
доб. 4-10.

Сдано в набор 6/X 1975 г. Подп. к печ. 1/XII 1975 г. А01494.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 10,5.

Тираж 200 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1753.
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
103030, Москва, К-30, Суцьевская, 21.

Владимир РЫБИН — Зеленый призрак
Сергей ВЫСОЦКИЙ — Выстрел в Орельей Гриве
Эрик Фрэнк РАССЕЛ — И не осталось никого

Цена 20 коп.

